С. М. УСТИНОВЪ

ЗАПИСКИ
Начальника контръ-развѣдки
(1915 — 1920 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО Н. В. МАЙЕРА. БЕРЛИНЪ 1923 г.

Вмѣсто предисловія.

Солнце величественно закатилось за море. Угасъ его послѣдній лучъ. Грянулъ пушечный выстрѣлъ. Тихое море вмѣстѣ съ потухающимъ небомъ быстро заволакивается надвигающейся тьмой. Въ бухтѣ все тихо и какъ будто дремлетъ затаившаяся въ ней Черноморская эскадра. Тѣни сгущаются и постепенно тьма охватываетъ весь Севастополь. Всѣ огни закрываются темными абажурами... Завѣшаны окна, потушены фонари и даже закуриваютъ съ опаской, закрывая свѣтъ руками... Гдѣ-то далеко въ морѣ ходитъ «Гебенъ» и, какъ недремлющій врагъ, стережетъ жертву.

Я сижу на камнѣ у самаго моря. Предо мной все та же чарующая своими красотами вѣчная природа даритъ меня однимъ изъ лучшихъ видовъ безграничнаго моря. Какъ чудный аккомпаниментъ до меня доносится съ Приморскаго бульвара военная музыка. Кругомъ все такъ тихо и хорошо!

Но во мнѣ уже нѣтъ прежнихъ восторженныхъ чувствъ, былого вдохновенія... Вся прелесть природы, вся плѣняющая красота моря, вся сладость чарующей музыки уже не восхищаютъ меня, не будятъ чудныхъ воспоминаній, не рождаютъ волшебныхъ грезъ и мечтаній, не даютъ ни былого счастья, ни даже тихаго покоя... Все ушло куда-то въ далекое прошлое, заволок-

лось ужасомъ мiровой войны. Уже болѣе года длится небывалая по силѣ разрушенiя и ужаса война. Вся Европа всколыхнулась отъ ударовъ грозы и вся прежняя жизнь мирнаго труда, покойныхъ переживанiй, интересовъ и забавъ — смѣнилась кровавыми событiями всемiрнаго разрушенiя.

Кругомъ такъ тихо, такъ хорошо! Но подъ завѣсой тьмы спѣшно готовится къ выходу въ море Черноморская эскадра. Черный дымъ клубится изъ трубъ броненосцевъ и стелется по морю. На всѣхъ судахъ кипитъ жизнь, идетъ усиленная работа... Тамъ, въ ночной тиши, собрались бойцы за родину, за царя, за великую державу. Они готовятся къ бою и смѣло идутъ въ невѣдомое море, гдѣ каждую минуту ихъ стережетъ ужасная смерть!

Вѣрные сыны своей родины! Вы поняли свой долгъ, вы нашли въ себѣ силы забыть себя во славу великой Россiи! Какая въ васъ сила! Какой духъ !Вы творите великое дѣло, вы всѣ великiе герои!

Какъ рвется моя душа за вами, туда же въ Черное море, какъ хочется быть вмѣстѣ съ вами, великiе избранники земли русской! Какъ можетъ гордиться каждый изъ васъ — вѣдь вся Россiя довѣряетъ вамъ, возлагаетъ на васъ всѣ свои надежды, всѣ свои мечты и даетъ всю свою любовь! Господь съ вами, мои милые братья! Да сохранитъ васъ Богъ тамъ, въ далекомъ морѣ, въ славномъ бою и помоги сохранить жизнь или найти смерть, достойную славнаго героя!

Такъ думалъ я, съ грустью и тоской провожая величественно уходящую въ море эскадру. Мнѣ было стыдно прятаться въ безопастности и оставаться безучастнымъ зрителемъ чужихъ подвиговъ. — Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ, я хочу быть вмѣстѣ съ вами, я также хочу исполнить свой долгъ и честно раздѣлить съ вами вашу судьбу!

Я также хочу отдать свою жизнь за царя и отечество! Я тоже русскій, я тоже гордъ!

О святыя чувства! Благіе порывы!

Я пошелъ на Историческій бульваръ и долго ходилъ среди безмолвныхъ памятниковъ великой эпохи. Передо мной тянулись разрушенные бастіоны, остатки прежнихъ бойницъ. Здѣсь тысячи русскихъ сыновъ, защищая отечество, нашли славную смерть. Мнѣ казалось, что я вижу этихъ героевъ, вижу ихъ подвиги, такъ возвеличившіе Россію! Они умѣли умирать и знали за что умирали.

Меня потянуло къ памятнику Нахимова. Мнѣ хотѣлось еще разъ посмотрѣть на этого героя, воплотившаго въ себѣ неустрашимость и безграничную любовь и преданность къ родинѣ. Я долго съ восторгомъ смотрѣлъ на гордую его статую, которая казалось затаила въ себѣ духъ безсмертнаго героя! Великій герой!

И опять неудержимо потянуло меня скорѣе идти туда, куда шли тысячи, милліоны русскихъ, туда, куда звалъ меня мой долгъ, идти съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою родину, исполнить то, что надлежало всякому гражданину великой державы Россіи!

И только, иногда, вдругъ, какъ порывъ вѣтра, словно нечаянно сорвавшійся съ ближайшей скалы, на меня налетало минутное сомнѣніе: Какъ, оставить все, чѣмъ жилъ до сихъ поръ! Пренебречь своимъ покоемъ, комфортомъ, удовольствіями, обезличить себя, отдать свою волю, независимость и стать безмолвной пѣшкой, атомомъ великаго и необъятнаго, одной единицей милліонной арміи. Побороть свою гордость и съ христіанскимъ смиреніемъ переносить обиды, несправедливости и даже оскорбленія. Смогу-ли я? Не возмутиться ли мой духъ и не замучитъ ли меня раскаяніе, не погублю ли я напрасно свою жизнь? Но любовь къ родинѣ, вѣра въ Россію,

сознаніе долга и готовность къ самопожертвованію побѣждаютъ животное чувство страха и себялюбія. Высокія чувства разсѣиваютъ сомнѣнія. Духъ торжествуетъ надъ низкими инстинктами животнаго эгоизма и окончательно укрѣпляетъ созрѣвшее рѣшеніе. Кончено. Я иду на фронтъ! Исполненіе долга дороже жизни. Пусть я умру, но только тамъ я могу найти счастье.

Тихо, но явственно въ тиши пробили склянки. На минуту все словно замерло въ торжественной тишинѣ и вдругъ тысячи голосовъ запѣли вечернюю молитву. Пѣли далеко, на томъ берегу бухты, во флотскомъ экипажѣ, но слышно было каждое слово молитвы Господней:

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ. Да святится имя Твое, да будетъ воля Твоя...

Я опустился на колѣна, съ мольбою поднялъ взоръ къ небу и съ глубокимъ чувствомъ вѣры повторилъ слова молитвы. — Да будетъ воля Твоя... Да будетъ воля Твоя!» И вдругъ слезы какого-то новаго счастья, неизвѣданнаго блаженства, сладостнаго покоя невольно потекли изъ глазъ, и такъ хорошо, такъ легко стало на душѣ... Да будетъ воля Твоя!

Рано утромъ, послѣ почти безсонной ночи, но бодрый и веселый, я былъ уже у воинскаго начальника. Весьма милый и обходительный полковникъ любезно принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и видимо былъ очень удивленъ, узнавъ о цѣли моего посѣщенія. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что я, нотаріусъ, человѣкъ съ независимымъ положеніемъ и освобожденный отъ воинской повинности, серіозно хочу идти добровольцемъ въ качествѣ простого солдата. Онъ старался разубѣдить меня въ моемъ недостаточно продуманномъ по его мнѣнію рѣшеніи, предупреждая меня о всей трудности военной службы и безвозвратности разъ принятаго рѣшенія. Но

я заявилъ ему, что я все знаю, все обдумалъ, но что иначе поступить не могу. Полковникъ очень долго распрашивалъ меня о моей жизни, какъ бы желая ближе познакомиться со мной и понять причины, заставившія меня принять такое рѣшеніе. Ему все казалось невозможнымъ объяснить его просто однимъ моимъ желаніемъ. Онъ съ грустью проводилъ меня до выхода, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и въ его глазахъ я прочелъ столько расположенія, что я еще болѣе убѣдился въ правотѣ своего рѣшенія. Это тронуло меня, но не смутило!

Цѣлый день я чувствовалъ себя удивительно бодро, но странно... я боялся признаться даже своимъ друзьямъ въ томъ, что завтра я буду простой солдатъ. Вечеръ я провелъ въ гостяхъ шумно и весело, но мнѣ казалось, что я присутствую на собственныхъ похоронахъ. Что подумаютъ всѣ, когда узнаютъ, что я солдатъ? Не положитъ-ли это между нами непреодолимой преграды? Будутъ-ли меня также принимать, не отшатнется ли отъ меня общество, узнаютъ-ли меня эти господа въ солдатской шинели? Какія разочарованія меня ждутъ? Какъ откроются мои глаза на всю фальшь человѣческихъ отношеній. Я многое уже понималъ и предвидѣлъ.

На другой день въ 6 часовъ утра я долженъ былъ быть у Воинскаго Начальника, чтобы получить предписаніе и литеръ на проѣздъ въ Симферополь въ пѣхотный полкъ. Я одѣлся, какъ можно проще, въ высокіе сапоги, въ рубашку съ кушакомъ и старое пальто, чтобы по возможности не выдѣляться изъ той толпы, въ которую я вливался. Я ограничился самымъ незначительнымъ багажемъ, рѣшивъ отказаться отъ многихъ своихъ буржуазныхъ привычекъ, чтобы скорѣе привыкнуть къ условіямъ новой жизни и къ ея лишеніямъ.

Въ темной задней комнатѣ Воинскаго Начальника кромѣ меня собралось еще пять человѣкъ, также отправляемыхъ въ запасный полкъ. Мы всѣ ждали молча уже болѣе часу, даже не думая спросить долго-ли намъ придется еще ждать. Да и смѣли-ли мы спрашивать, волноваться, просить? Не все ли равно. За насъ должны были думать и безпокоиться другіе. Послѣ полной свободы, которой я всегда пользовался, и связанной съ ней отвѣтственности, было даже какъ-то спокойнѣе на душѣ отъ сознанія, что съ лишеніемъ свободной воли съ меня спала и часть отвѣтственности и что вся жизнь уже болѣе не зависитъ отъ меня, а будетъ идти по опредѣленной колеѣ, изъ которой трудно вывихнуться.

Наконецъ вошелъ писарь и сдѣлалъ перекличку. Всѣ оказались на лицо. Писарь забралъ ворохъ приготовленныхъ документовъ и понесъ къ Воинскому Начальнику. Я понялъ, что сейчасъ будетъ подписанъ мой приговоръ, окончательно рѣшающій мою жизнь. Дѣйствительно, скоро вошелъ Воинскій Начальникъ.

— Устиновъ! выкрикнулъ онъ, вынимая изъ документовъ одинъ и протягивая мнѣ его. — Будешь за старшаго. Вотъ предписаніе и литеръ на шесть человѣкъ. Отправишься съ девятичасовымъ поѣздомъ въ Симферополь и явишься вмѣстѣ со всѣми въ Штабъ 33-го запаснаго полка...

Онъ нѣкоторое время задержался, какъ бы не зная, что еще сказать. Затѣмъ, стараясь не встрѣчаться съ моимъ взглядомъ, какъ-то нерѣшительно добавилъ: «Ну, съ Богомъ!» и быстро вышелъ.

Обращеніе ко мнѣ на «ты» человѣка, который еще вчера былъ такъ изысканно вѣжливъ со мной — было какъ-бы мое боевое крещеніе. Мнѣ было какъ-то странно, но я не нашелъ въ этомъ ничего оскорбительнаго.

Я понималъ, что Воинскій Начальникъ быть можетъ умышленно былъ со мной болѣе официальнымъ, чѣмъ это было нужно, желая сразу же мнѣ показать всю суровость военной дисциплины, не вѣдающей исключеній. Это былъ своего рода тактъ, выработанный долгой военной службой. Для Воинскаго Начальника я былъ уже не нотаріусъ, я сталъ въ его глазахъ номеромъ въ рядѣ миллiоновъ другихъ такихъ же номеровъ. И такъ конечно было для меня лучше, я сталъ солдатомъ и могъ только требовать къ себѣ того законнаго отношенія къ солдату, какъ предусмотрѣно это въ воинскомъ уставѣ.

Я попалъ въ 3-ю роту 33-го запаснаго пѣхотнаго полка. Наша рота была помѣщена на фабрикѣ Абрикосова. Весь громадный фабричный флигель былъ отведенъ подъ казармы. Я явился въ ротную канцелярію въ то время, когда рота находилась на занятіяхъ. Изъ разговоровъ съ писаремъ въ ожиданіи прихода ротнаго командира я узналъ, что ротный командиръ поручикъ И. очень хорошій человѣкъ и что вообще въ ротѣ народъ все хорошій. Рота уже получила названіе маршевой, такъ какъ закончила свою шестинедѣльную подготовку и въ скоромъ времени отправлялась на фронтъ.

Скоро я услышалъ ротное пѣніе съ выкриками и присвистомъ. У меня забилось сердце. Рота вошла во дворъ, выстроилась и затѣмъ по командѣ разошлась по двору и казармамъ. Канцелярія наполнилась пришедшими взводными, фельдфебелемъ и солдатами, получающими различныя распоряженія. Наконецъ пришелъ и ротный командиръ. Распросивъ меня и узнавъ, что я нотаріусъ и поступилъ добровольцемъ, онъ видимо очень удивился. Онъ нѣсколько разъ повторилъ: «Какъ же вы это такъ рѣшились? Вѣдь вамъ будетъ тяжело». По его распоряженію фельдфебель сейчасъ

же повелъ меня къ каптенармусу, который и обмундировалъ меня съ ногъ до головы во все солдатское. Все было немного длинно и широко, но въ общемъ нашлось все чистое, новое и носить было можно. Только сапогъ не нашлось на мою ногу и мнѣ пришлось остаться въ своихъ. Затѣмъ взводный предложилъ мнѣ занять любую свободную койку и, если хочу, отдохнуть. «А завтра уже пойдемъ на ученье», добавилъ онъ.

И ротный, и фельдфебель и взводный — всѣ показались мнѣ очень славными. Всѣ видимо старались меня «успокоить», хотя я вовсе не мучился, а чувствовалъ себя прекрасно. Обѣдалъ я вмѣстѣ со всѣми. Я боялся, что мнѣ придется ѣсть изъ общаго котла и не зналъ сумѣю ли преодолѣть врожденную мнѣ брезгливость, но къ счастью, каждый имѣлъ свою жестяную чашку и свою ложку. Борщъ съ саломъ и перловая каша, быть можетъ потому, что я былъ голоденъ, показались мнѣ очень вкусными и я вполнѣ успокоился. Вообще, чѣмъ болѣе я присматривался къ новой обстановкѣ, тѣмъ все казалось мнѣ не такимъ ужаснымъ, какъ я представлялъ себѣ. Служба была тяжелая и жизнь не сладкая, но я сразу же понялъ, что если забрать себя въ руки и точно и строго исполнять съ надлежащей добросовѣстностью всѣ требованія службы и военной дисциплины, служить не за страхъ, а за совѣсть, съ полнымъ сознаніемъ своего долга, то ничего ужаснаго въ военной службѣ нѣтъ. Я оправдывалъ и чрезмѣрную строгость и суровыя наказанія. Я понялъ, что безъ этого не можетъ быть арміи. Чтобы заставить людей по одному приказанію идти въ бой — нужно было провести ихъ сначала черезъ суровую школу. Раньше, совершенно не понимая военной службы, я обо всемъ имѣлъ совершенно превратное мнѣніе. Послѣ обѣденнаго перерыва и отдыха рота вновь выстроилась идти

на занятія. Взводный разрѣшилъ мнѣ не идти, но я такъ хотѣлъ скорѣе сдѣлаться настоящимъ солдатомъ, войти въ общую жизнь роты, что самъ просилъ разрѣшенія встать вмѣстѣ со всѣми. Мнѣ страшно хотѣлось скорѣе получить винтовку. Взводный, давая мнѣ ее и видя мое торжество и гордость, съ которой я овладѣлъ тяжелой русской винтовкой, съ улыбкой замѣтилъ: «еще успѣетъ надоѣсть!» Но онъ ошибся. Я сразу же полюбилъ «свою» винтовку. Я ознакомился съ ней во всѣхъ ея деталяхъ и мнѣ не надо было заучивать ея номеръ 237659. Я запомнилъ его на всю свою жизнь. Эту винтовку я носилъ пять мѣсяцевъ и сдалъ ее только въ день выхода въ прапорщики, когда вмѣсто нея я получилъ право надѣть офицерскую шашку.

Я бодро стоялъ въ строю и легко поддерживалъ винтовку. Но пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, я почувствовалъ всю ея тяжесть и моя рука начала нѣмѣть. Мы занимались недалеко отъ казармы, но на высокомъ холмѣ, и я едва преодолѣлъ его крутизну, стараясь не потерять равновѣсія и не опустить винтовки. Но на все — привычка. Послѣ я уже безъ всякихъ затрудненій легко подымался на тотъ же холмъ, а въ училищѣ проходилъ по 15-20 верстъ почти не уставая.

Такъ какъ рота уже закончила полный курсъ обученія и только повторяла различныя упражненія, то первое время я занимался отдѣльно съ ефрейторомъ. Это было самое тяжелое. Повороты я усвоилъ скоро и это было легко, но дѣлать ружейные пріемы, точно, красиво, а главное легко, мнѣ не удавалось. Винтовка, такъ легко и плавно ходившая въ рукахъ ефрейтора, дѣлалась у меня тяжелымъ неповоротливымъ бревномъ. Я старался изъ всѣхъ силъ и потъ градомъ лилъ съ меня, но выходило плохо.

— «Ну отдохните малость—говорилъ ефрейторъ, видя, что я совсѣмъ запарился. — По маленьку пріобыкнете». И дѣйствительно по маленьку «пріобыкъ». Зато какъ пріятно было по окончаніи ученія подъ веселую удалую пѣсню спускаться внизъ съ холма и идти на отдыхъ въ казарму! На душѣ было весело отъ сознанія, что ты добросовѣстно потрудился и имѣешь право на заслуженный отдыхъ! И съ какимъ апетитомъ я ѣлъ тѣ-же щи и громадную краюху настоящаго чернаго солдатскаго хлѣба!

Вечеромъ послѣ переклички рота выстроилась на молитву. По командѣ всѣ сняли фуражки и тихо, стройно, благоговѣйно спѣли молитву. И я, такъ рѣдко вообще молившійся, здѣсь горячо молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ добросовѣстно исполнить свой долгъ честнаго солдата передъ Царемъ и Отечествомъ.

Рота разошлась на покой. Тихо и грустно въ полумракѣ казармы. Усталые солдаты укладываются на своихъ койкахъ и только кое гдѣ слышенъ разговоръ шепотомъ.

Послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій, новыхъ впечатлѣній и думъ, я долго не могъ заснуть. Моимъ сосѣдомъ по койкѣ былъ еще совсѣмъ молодой юноша. Онъ тоже не спалъ и мы разговорились. Онъ былъ круглый сирота. Звали его Михаилъ Рудой. Во время ужасной эвакуаціи изъ западной губерніи онъ оставилъ дома умирающаго старика отца, а по дорогѣ, у него на рукахъ, умерла старуха мать. Юноша остался одинъ и съ нѣсколькими рублями какъ-то добрался до Симферополя, гдѣ надѣялся найти своего дядю, котораго никогда не видалъ и не зналъ даже живъ ли онъ. Дяди онъ не нашелъ и почти умирая отъ голода и истощенія пошелъ въ добровольцы. Вся его мечта была сдать экзаменъ за четыре класса и поступить въ школу пра-

порщиковъ. Выше этого счастья онъ себѣ не представлялъ. Ротный командиръ принялъ въ немъ участіе и позволялъ ему иногда не ходить на ротныя занятія, а готовиться къ экзамену и даже снабдилъ его нѣкоторыми книгами. Онъ былъ въ ротѣ уже три мѣсяца. Уже дважды при немъ роты отправлялись на фронтъ, не его жалѣли. Послѣ, сойдясь съ нимъ поближе, я сталъ охотно помогать ему въ его занятіяхъ и этимъ конечно заслужилъ у него вѣчную благодарность.

Онъ также, какъ и другіе, очень удивлялся, что имѣя право пойти въ военное училище, я поступилъ простымъ солдатомъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? допрашивалъ онъ меня. Я какъ могъ объяснилъ ему свои переживанія.

— Ну, а если васъ убьютъ? наивно спрашивалъ онъ меня.

— Что-же дѣлать, могъ только отвѣтить я.

Но онъ былъ убѣжденъ, что въ моей жизни были какія либо особыя драматическія причины, заставившія меня искать своей смерти. Стараясь разубѣдить его въ этомъ, я привелъ ему другое, болѣе понятное основаніе:

— Я занимаюсь литературой... пишу... вотъ и хочу все видѣть своими глазами, пережить, перечувствовать самому всѣ ужасы войны, чтобы потомъ описать...

Но и къ этому онъ тоже отнесся съ недовѣріемъ. Тѣмъ не менѣе, мы съ нимъ впослѣдствіи очень сошлись и часто бесѣдовали на разныя темы. Онъ видимо полюбилъ меня, что мнѣ было очень пріятно, такъ какъ я и самъ къ нему искренно привязался.

Я очень скоро освоился со своимъ положеніемъ рядового солдата. Я болѣе или менѣе сошелся со всѣми солдатами своей роты и также, какъ и въ гимназіи при поступленіи въ новый классъ, увидѣлъ, что новые то-

варищи, на первый взглядъ казавшіеся въ большинствѣ случаевъ непріятными, впослѣдствіи оказывались очень славными. Многимъ изъ нихъ мнѣ приходилось давать разные юридическіе совѣты по ихъ спорнымъ земельнымъ или наслѣдственнымъ вопросамъ, многимъ я составлялъ прошенія и писалъ письма, а съ нѣкоторыми по просьбѣ взводнаго даже занимался «словестностью», которая плохо имъ давалась. Этимъ конечно до извѣстной степени объяснялось и особо хорошее отношеніе ко мнѣ роты. Много было тяжелаго, скучнаго, но въ общемъ у меня осталось отрадное впечатлѣніе. Повторяю, что мои представленія о военной службѣ были гораздо хуже дѣйствительности. До поступленія на военную службу я очень часто слышалъ объ ужасной постановкѣ у насъ въ Россіи военнаго дѣла. Много говорили объ излишней суровости начальниковъ, о пресловутой словесности, которой окончательно забиваютъ головы солдатъ, заставляя ихъ зубрить безъ смысла китайскую грамоту, о всякаго рода издѣвательствахъ надъ личностью, о мордобитіяхъ и пр. пр. Къ чести нашей арміи (конечно бывшей) могу сказать положительно, что ничего подобнаго я не видѣлъ. Если такіе случаи, какъ «мордобитіе» вообще и были, то конечно, это были только исключенія, а не общее правило, какъ обязательный методъ воспитанія солдатъ, и всегда оставались позорнымъ поступкомъ на совѣсти отдѣльныхъ личностей, не понимающихъ своего долга и служебной чести. Напротивъ, я во всемъ наблюдалъ скорѣе отеческое попеченіе о солдатахъ. Конечно въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ созданіе образцовой дисциплинированной арміи, могли быть упущенія, были, какъ и вездѣ, гадкіе люди или просто недостаточно умные, — но все же въ основу воспитанія солдата были положены достойные принципы. Правда, старый кадровый солдатъ, нашъ

фельдфебель, прослужившій два или три срока, говорилъ мнѣ, что въ мирное время было куда какъ тяжелѣе; что теперь людей «жалѣютъ» быть можетъ потому, что готовятъ ихъ на великую жертву; что въ мирное время солдату было куда какъ хуже. Быть можетъ и такъ, но вѣдь онъ самъ же выдержалъ эту службу, полюбилъ ее и остался на этой службѣ сверхъ срока.

Я такъ сжился съ ротою, что когда, спустя три недѣли, она уходила на фронтъ, мнѣ было разставаться съ ней также тяжело, какъ съ чѣмъ-то роднымъ. Я просилъ разрѣшенія идти вмѣстѣ съ ней, но мнѣ было отказано, такъ какъ я еще не прошелъ полнаго курса и не былъ еще на стрѣльбѣ. Помню, какъ торжественно снарядили и провожали роту. Согласно приказу нѣсколько маршевыхъ ротъ выстроились на плацу. Все высшее начальство было въ сборѣ. Отслужили молебенъ. Полковой священникъ сказалъ простую, но прочувствованную рѣчь. Командиръ полка тоже обратился ко всѣмъ съ братскимъ словомъ. Затѣмъ по командѣ роты вытянулись въ одну безконечную колону. Подъ оркестръ музыки мы прошли черезъ весь городъ на вокзалъ. Насъ провожала толпа народу. Со всѣхъ сторонъ слышались добрыя пожеланія, кричали ура и бросали въ воздухъ шапки. Но въ толпѣ шло также много женщинъ и дѣтей, которыя провожали своихъ мужей, братьевъ и отцовъ, прощаясь съ ними, быть можетъ навсегда. Слышались ихъ рыданія и у меня невольно сжималось сердце.

О много, много слезъ и жертвъ несъ великій русскій народъ на алтарь любви къ родинѣ. Что дали эти слезы, что дали эти жертвы? Гдѣ и когда будетъ великое искупленіе этихъ страданій?

Скучно было у насъ въ ротѣ послѣ проводовъ. Насъ осталось только нѣсколько человѣкъ, прибывшихъ не-

давно. Нѣсколько дней не ходили даже на занятія. Занимались словесностью и то какъ-то такъ, безъ интереса и больше для виду. Опустѣло. И всѣ мысли и чувства были съ тѣми, кто ушелъ. Куда? Зачѣмъ? Кто вернется и вернется-ли кто нибудь? Ужасный вопросъ, на который никто не могъ отвѣтить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ухода роты по приказу командира полка я былъ назначенъ къ отправленію въ Одесское Военное Училище. Какъ я не объяснялъ командиру роты, что я въ училище могъ поступить сразу и что если я пошелъ добровольцемъ, то именно потому, что хотѣлъ идти на фронтъ простымъ солдатомъ — мнѣ ничего сдѣлать не удалось.

Долженъ признаться, что хотя обстановка жизни въ Училищѣ была много лучше ротной казармы, но жить намъ было много хуже. У насъ были чистые классы и дортуары, постели съ бѣльемъ, чистая столовая и сытый столъ — но выдержать лямку юнкера могъ не всякій. Нѣкоторыхъ быстро отчислили, какъ неуспѣвающихъ, или за различные въ большинствѣ случаевъ незначительные антидисциплинарные поступки, а многіе сами не выдерживали и просто убѣгали на фронтъ. Мы были заняты съ 6-и утра до 10-и часовъ вечера. Единственный получасовой отдыхъ послѣ обѣда, положенный по расписанію, не всегда удавался, такъ какъ и его приходилось употреблять на то, что не успѣвали сдѣлать за день. Лекціи, репетиціи, строевыя и практическія занятія, дежурства дневныя и ночныя, маневры и пр. на столько утомляли, что нельзя было отдохнуть даже за короткую ночь сна. На ряду съ серіозными требованіями былъ цѣлый рядъ и мелочныхъ, которыя походили на такъ называемую «муштровку». Правда, вѣдь надо же было въ четыре мѣсяца приготовить офицера, на долю котораго очень часто при большой

убыли командного состава во время боя приходилось исполнять отвѣтственныя роли. Но всетаки излишняя муштровка отнимала у насъ послѣднія силы. Такъ, насъ продержали полтора мѣсяца безъ отпуска, а послѣ этого лишали его за каждый неправильный поворотъ, нерасчитанный шагъ, за случайно растегнувшуюся пуговицу, за высунувшійся изъ кармана пальто кончика носового платка и т. д.

Да, много нужно было терпѣнія и безотвѣтнаго подчиненія, чтобы смирить свой духъ, не возмутиться, не возразить и не вылетѣть въ два счета изъ Училища. Кто не могъ совершенно отказаться отъ своего я, все принимать, какъ должное, со всѣмъ мириться, воспитать въ себѣ духъ полнаго безотвѣтнаго подчиненія чужой волѣ, — тотъ быстро отчислялся и возвращался въ роту. Зато какая награда ожидала тѣхъ, кто выдерживалъ это испытаніе! Восемь лѣтъ гимназіи мнѣ показались не такими тяжелыми, какъ четыре мѣсяца Училища. Помню радостныя приготовленія ко дню выхода: полученіе офицерскаго обмундированія и снаряженія, облюбованіе каждой новой принадлежности, выборъ шашки, погоновъ, темляковъ и пр. пр. Уже за нѣсколько дней у насъ все было готово и мы съ гордостью примѣривали новое одѣяніе. И вотъ наконецъ наступилъ долгожданный день. Мы всѣ были выстроены на военномъ плацу. Пріѣхалъ Командующій войсками Одесскаго военнаго округа генералъ Эбѣловъ. Вотъ, вотъ сейчасъ мы будемъ уже офицерами! Отслужили молебенъ, а затѣмъ стали церемоніальнымъ маршемъ проходить мимо Эбѣлова. Вотъ наконецъ услышали мы на всю жизнь запечатлѣвшіяся въ памяти знаменательныя слова: «Поздравляю васъ, съ производствомъ въ офицеры!»

Счастливый день! Нервы были такъ долго напряжены, что когда я почувствовалъ, что все тяжелое прошло, что сейчасъ вмѣстѣ съ солдатской шинелью я сброшу и ту ношу, которую я добровольно на себя взялъ, что кончились мои испытанія, что снова я сталъ человѣкомъ — я не выдержалъ и заплакалъ отъ счастья.

Когда мы, уже офицерами, возвращались въ казармы, намъ навстрѣчу проѣхалъ генералъ, но мы уже не услышали обычной въ такихъ случаяхъ для насъ команды: «смирно, равненіе на право!» Нашъ ротный командиръ вмѣсто этого скомандовалъ: «Господа офицеры!» и мы молча съ достоинствомъ прошли дальше, но каждый изъ насъ чувствовалъ какъ безконечно онъ выросъ въ эту минуту.

А что было въ Училищѣ, когда мы съ лихорадочной поспѣшностью стали сбрасывать всю свою тяжелую солдатскую амуницію и облачаться во всю новенькую блестящую офицерскую форму? Только за однѣ эти счастливыя минуты можно было бы еще разъ пережить все то, что пережилъ я съ того знаменательнаго дня, когда воинскій Начальникъ впервые сказалъ мнѣ какъ нижнему чину «ты».

А счастье дѣлаетъ человѣка такимъ хорошимъ, добрымъ, готовымъ на все высокое, хорошее, что каждый изъ насъ былъ готовъ на любой подвигъ и жаждалъ скорѣе идти на фронтъ и тамъ умереть во славу русскаго оружія.

И какъ много такихъ счастливыхъ юношей жертвенно принесли свою жизнь во славу родины, пріяли смерть въ благородномъ порывѣ съ сознаніемъ своего долга. Миръ праху ихъ, великихъ героевъ, честныхъ сыновъ безвѣстно угасшихъ въ разцвѣтѣ силъ своихъ! Пусть ваши имена не войдутъ въ исторію, пусть неблагодарное потомство не оцѣнитъ вашей жертвы,

пусть кровь, пролитая вами, не утолитъ кровожаднаго міра — вы доблестно исполнили вашъ долгъ и умерели героями! А здѣсь, на развалинахъ міровой войны, когда всюду торжествуетъ только зло, кто оцѣнитъ вашу жертву, кто преклонитъ предъ нею колѣна? Не тѣ-ли, кто отдавъ Россію на разграбленіе, надсмѣялись надъ вашими могилами, ниспровергнувъ въ пропасть великую державу? Не наши-ли союзники, которыхъ спали вы цѣною собственной жизни и которые отвернулись отъ насъ въ тяжелую годину? Не тѣ-ли вершители судебъ всѣхъ европейскихъ народовъ, представители культурной Европы, великіе создатели Лиги націй, которые жмутъ руки убійцъ и палачей, грабятъ вмѣстѣ съ ними Россію, спекулируютъ на ея гибели и заносчиво мнятъ, что они несутъ миръ всему міру!

Европа! Ты старая ханжа, лукавая торговка! Не тебѣ говорить о высшей правдѣ и справедливости, о культурѣ и человѣколюбіи, о равенствѣ всѣхъ народовъ, о союзѣ всего міра! Не миртовую вѣтвь несешь ты міру, а предательство и измѣну!

Да, много страданій перенесъ и перенесетъ еще русскій народъ. Много слезъ и много жертвъ унесетъ потокъ страданій несчастнаго народа! Но вѣрю, что много силы скрыто въ его нѣдрахъ, глубока душа русскаго народа, все выдержитъ мощный народъ, цѣною великихъ страданій онъ искупитъ свои заблужденія и отступничество отъ Бога.

Не могутъ погибнуть сокровища, заложенныя въ глубину русской души, не можетъ свѣтъ потонутъ навсегда во мракѣ ночи, настанетъ свѣтлый день, день великаго возрожденія, день славной побѣды его надъ духомъ зла! И выйдетъ великій русскій народъ на свѣтлый путь къ новому царству!

Я вышелъ въ тотъ же 33-iй запасный пѣхотный полкъ и былъ назначенъ взводнымъ офицеромъ во 2-ю роту. Не смотря на всю свою добросовѣстность, съ которой я проходилъ занятiя въ ротѣ и въ военномъ Училищѣ, не смотря на все свое желанiе быть настоящимъ офицеромъ и добросовѣстно исполнять свой долгъ, — я чувствовалъ, что всетаки вышелъ «штатскимъ». Какъ только я надѣлъ офицерскую форму и почувствовалъ себя снова человѣкомъ со свободной волей и всѣми правами личности, я сразу сталъ тѣмъже, кѣмъ былъ до военной службы. Я не могъ въ отношенiи солдата проявлять ту необходимую твердость и рѣшительность, которая требовалась отъ меня, какъ офицера. Еще такъ недавно я самъ былъ солдатомъ и испыталъ на себѣ всю тяжесть суровой дисциплины, еще такъ живы были мои переживанiя, такъ близокъ былъ мнѣ солдатъ, что я не могъ ставить между собою и имъ непроходимую грань. Очень часто я просто не зналъ, какъ поступить и дѣлалъ очевидные промахи. Такъ во время обхода помѣщенiя 3-ей роты въ качествѣ члена санитарной коммиссiи вмѣстѣ съ однимъ капитаномъ, я встрѣтился съ моимъ бывшимъ взводнымъ. Увидя меня, онъ буквально перебѣжалъ весь дворъ, бросилъ свою команду, съ которой занимался, и радостно сказалъ: «Здравiя желаю, ваше благородiе! Поздравляю васъ!» Я тоже былъ очень радъ его видѣть и невольно протянулъ руку, какъ своему хорошему знакомому. Я сталъ распрашивать его, какъ онъ жилъ это время, какiя перемѣны произошли въ ротѣ со времени моего отъѣзда въ училище, почему нѣтъ прежняго фельдфебеля... Взводный все время стоялъ вытянувшись, съ руками по швамъ и отвѣчалъ по военному: «Такъ точно... покорно благодарю» съ прибавленiемъ вашего благородiя, что меня

страшно стѣсняло. Странно мнѣ было чувствовать себя передъ нимъ, опытнымъ старымъ солдатомъ, который зналъ вѣроятно службу болѣе, чѣмъ я, офицеромъ, высоко стоящимъ надъ нимъ по лѣстницѣ субординаціи, когда всего четыре мѣсяца тому назадъ онъ былъ моимъ непосредственнымъ начальникомъ, распоряженія котораго были для меня закономъ. И тѣмъ не менѣе, когда мы вышли изъ казармы, капитанъ сдѣлалъ мнѣ дружеское наставленіе, объясняя, что мое положеніе офицера не допускаетъ меня до простыхъ или товарищескихъ отношеній съ нижнимъ чиномъ, хотя я и былъ по прежнему своему положенію въ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. А потому я не долженъ былъ протягивать ему руки, тѣмъ болѣе, что это было на глазахъ другихъ солдатъ.

Я молчалъ, такъ какъ понималъ, что онъ съ точки зрѣнія общаго духа дисциплины былъ правъ, но какъ я могъ быть со своимъ бывшимъ пріятелемъ, хотя и солдатомъ, только строгимъ и холоднымъ офицеромъ — я себѣ не представлялъ.

Въ другой разъ, производя слѣдствіе въ учебной командѣ, я въ канцеляріи неожиданно встрѣтилъ своего сосѣда по солдатской койкѣ Михаила Рудого. Онъ такъ бѣдняга и не попалъ въ школу прапорщиковъ. Мечта не сбылась. Не осилилъ онъ премудрости математики! Но благодаря своей скромности и покорности вышелъ въ учебную команду и былъ зачисленъ въ писаря, что его спасало отъ фронта и до извѣстной степени устраивало. Увидя его я уже дернулъ руку, чтобы поздороваться, но видя какъ вытянулись передо мной всѣ писаря и онъ самъ, я вспомнилъ, что я офицеръ, а онъ нижній чинъ, и очень неловко постарался замаскировать свой невольный жестъ. Однако мнѣ было очень стыдно, и я долго не могъ успокоиться, пока наконецъ

не встрѣтилъ его какъ-то въ городѣ и не поговорилъ съ нимъ по человѣчески.

То, что я «штатскій», скоро замѣтило и мое начальство. Меня постоянно назначали по производству различныхъ слѣдствій или въ различныя коммиссіи: санитарныя, строительныя, лазаретныя, экзаменаціонныя и т. д. А послѣ того, какъ мнѣ очень оригинально удалось найти 20 тысячъ рублей, пропавшихъ у казначея штаба полка, который умудрился оставить свой бумажникъ на окнѣ въ уборной,—я сталъ кажется постояннымъ слѣдователемъ съ освобожденіемъ отъ ротныхъ занятій въ теченіе всего производства слѣдствій.

И чѣмъ болѣе я занимался дѣлами, близкими мнѣ по моей спеціальности, тѣмъ менѣе я чувствовалъ себя способнымъ на ратное дѣло и мой первоначальный пылъ и жажда военныхъ подвиговъ какъ-то незамѣтно угасали.

Въ началѣ мая мы перешли въ лагери. Такъ какъ всѣмъ офицерамъ было предписано поселиться въ лагерѣ при своихъ взводахъ, то и я устроился вмѣстѣ съ однимъ прапорщикомъ въ лагерной палаткѣ, что мнѣ очень понравилось. Помню, какъ хорошо было, когда послѣ жаркаго дня наступала темная теплая южная ночь и когда лежа въ палаткѣ можно было видѣть надъ собой небесный сводъ съ мерцающими звѣздами, вдали темные контуры горы Чатыръ-Дага, или когда холмистыя поля, горы, лагеръ, длинные ряды палатокъ, все, все далеко кругомъ, было залито луннымъ свѣтомъ и казалось таинственнымъ и одухотвореннымъ.

Жизнь въ лагерѣ не была лишена своего интереса. Занятія съ солдатами интересовали большинство молодыхъ офицеровъ и потому къ нимъ относились добросовѣстно. Общая тѣсная жизнь въ постоянномъ ощуществѣ такихъ же, только что выпущенныхъ въ офи-

церы, юношей, общность интересовъ, сравнительная свобода, новизна положенія, — все это создавало веселое, бодрое, жизнерадостное настроеніе. Свободные вечера проводились большой компаніей въ общественномъ саду на музыкѣ, въ театрѣ, кинематографѣ, а также и въ частныхъ домахъ. Многіе завели въ городѣ знакомства, нашли «увлеченія» и отдались имъ со всей свѣжестью молодыхъ силъ. Часто устраивались веселые пикники съ выпивкой и закуской. Молодежь веселилась, жадно хватая удовольствія и торопясь пользоваться жизнью, быть можетъ очень для нихъ непродолжительной, а потому въ настроеніи компаніи всегда чувствовалось нервное возбужденіе. Составъ прапорщиковъ постоянно мѣнялся. Не успѣютъ отправить сотню, другую, на фронтъ, какъ прибываетъ столько же новыхъ, а тѣ, кто ушли, рѣдко возвращались назадъ. Ну какъ тутъ не кутнуть на прощанье, когда у иного прапорщика можно сказать и вся-то жизнь прошла только за это время пребыванія его въ Симферополѣ. Я очень долго переписывался со всѣми моими товарищами по ротѣ и училищу, но постепенно одинъ за другимъ они покидали меня, кончая жизнь свою на поляхъ сраженія!

Я былъ въ полку около двухъ мѣсяцевъ и многіе мои товарищи по выпуску уже отправились на фронтъ, когда я получилъ отпускъ и выѣхалъ въ Севастополь, чтобы повидать своихъ друзей и знакомыхъ. Я чувствовалъ себя радостно и такъ легко было у меня на душѣ. Я вспомнилъ тотъ вечеръ, когда я блуждалъ по бульвару, обдумывая свое рѣшеніе идти добровольцемъ. Я нарочно пошелъ къ воинскому начальнику и постоялъ около его крыльца, оживляя въ своей памяти воспоминанія и тѣ чувства, которыя привели меня къ тому же подъѣзду семь мѣсяцевъ тому назадъ.

Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ и какъ многое измѣнилось во мнѣ самомъ. Мнѣ стыдно было сознавать, но прежняго порыва, прежнихъ чувствъ во мнѣ уже не было. Я понялъ, что сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ мое производство въ офицеры. Я чувствовалъ, что солдатомъ я былъ бы готовъ идти на фронтъ хоть сейчасъ, а офицеромъ я просто боялся... не за себя, нѣтъ, а за ту отвѣтственность, которую я долженъ былъ взять за другихъ. Я понялъ, что во мнѣ не было главнаго, что нужно было для командного состава: я могъ повиноваться, но не приказывать другимъ. Я чувствовалъ себя болѣе штатскимъ, чѣмъ когда нибудь.

Въ Севастополѣ я попалъ въ общество, въ которомъ уже давно не былъ. Это былъ «тылъ» со всѣми специфическими ему свойствами. Никто не понималъ моего былого увлеченія идти на фронтъ, когда я, какъ юристъ, могъ быть болѣе полезнымъ въ тылу. Конечно общія разсужденія меня врядъ-ли могли убѣдить, но я получилъ предложеніе, которое меня весьма заинтересовало. Мнѣ предложили занять должность помощника начальника контръ-развѣдывательнаго отдѣленія Штаба Командующаго Черноморскимъ Флотомъ. Дѣятельность для меня совершенно новая и настолько интересная, что я не могъ не согласиться.

Вернувшись въ полкъ, я узналъ отъ полкового адъютанта, что я былъ помѣщенъ въ списки отправляемыхъ на фронтъ, но что командиръ полка вычеркнулъ меня, сказавъ, что такой офицеръ больше принесетъ пользы оставаясь въ полку. Это незначительное обстоятельство утвердило меня въ мысли, что я дѣйствительно негодный офицеръ и что я хорошо сдѣлалъ, согласившись принять сдѣланное мнѣ предложеніе. По ходатайству Командующаго Черноморскимъ Флотомъ я былъ

прикомандированъ къ его штабу въ качествѣ офицера для порученій. Моя новая должность была такова, что оглашенія ея въ приказѣ не полагалось и я вступилъ въ свою должность подъ покровомъ государственной тайны.

Глава I.

До моего поступленія въ Штабъ Командующаго Черноморскимъ Флотомъ, мнѣ раньше никогда не приходилось слышать о контръ-развѣдывательныхъ отдѣленіяхъ, какъ учрежденіяхъ, занимающихся борьбою со шпіонажемъ. Не только въ томъ «штатскомъ» обществѣ, въ которомъ я постоянно вращался, не имѣли никакого представленія о контръ-развѣдкѣ, ея назначеніи и цѣли, но и среди военныхъ было очень смутное понятіе о сущности этого крайне важнаго и необходимаго учрежденія. Даже во время войны большинство понимали Контръ-развѣдку, какъ военныя дѣйствія въ полосѣ фронта, направленныя къ воспрепятствованію непріятелю разузнавать мѣста расположенія нашихъ воинскихъ частей и родовъ ихъ оружія. Во время же гражданской войны всѣ знали Контръ-развѣдку, какъ чисто политическое учрежденіе, занимавшееся исключительно борьбой съ большевиками, ихъ выслѣживаніемъ и разстрѣломъ на началахъ бывшихъ жандармскихъ отдѣленій стараго режима. Въ дѣйствительности такъ оно и было, но во время міровой войны контръ-развѣдывательныя отдѣленія ничего общаго съ политикой не имѣли, а вели въ высшей степени серіозную борьбу со страшно развитымъ преимущественно германскимъ шпіонажемъ. Задача была довольно сложная и трудная, такъ какъ

Россія еще за долго до войны была опутана хорошо организованнымъ шпіонствомъ Германіи.

Послѣдняя война показала все громадное значеніе шпіонажа и всю необходимость организованной борьбы съ нимъ. Какъ бы многочисленна не была армія, какъ бы хорошо не была она вооружена и снабжена, она прежде всего должна имѣть глаза и уши. Полководецъ, который ведетъ свою армію въ бой, долженъ знать не только гдѣ находится противникъ, но и его количество и родъ его оружія. Государство же, которое ведетъ войну, должно знать не только то, что дѣлается у непріятеля на фронтѣ, но и все, что у него въ глубокомъ тылу. Отсюда понятно, какъ важно не дать противнику этихъ свѣдѣній о своей арміи и сохраненіе въ тайнѣ не только всѣхъ маневровъ, но и приготовленій къ нимъ. Во время предупрежденный преступникъ можетъ не только парализовать неожиданное нападеніе, но подготовившись къ нему и самъ перейти въ наступленіе. Талантливо задуманный планъ терпитъ фіаско. Противникъ пользуется раскрытымъ замысломъ въ своихъ интересахъ и устраивая западню самъ, наноситъ пораженіе тамъ, гдѣ думали застать его врасплохъ. Этимъ однако не исчерпывается значеніе шпіонажа. Шпіоны, проникающіе къ намъ въ тылъ, не только давали противнику необходимыя свѣдѣнія, но составляли сильную тайную армію, которая дѣйствовала въ тылу и невидимой рукой наносила намъ ударъ въ спину, разрушая желѣзнодорожные мосты, телеграфные столбы, крѣпостныя укрѣпленія, поджигая интендантскіе склады, заводы, взрывая пороховые склады и военныя суда и транспорты, устраивая забастовки и развивая пропаганду, разлагающую армію и народъ. Изложеннаго достаточно, чтобы понять все ужасное значеніе шпіонажа и все значеніе организованной борьбы съ нимъ.

Германія значительно ранѣе Россіи поняла какимъ сильнымъ орудіемъ является шпіонажъ и подготовлялась къ войнѣ съ Россіей не только производствомъ усовершенствованныхъ пушекъ и громаднаго количества снарядовъ, но таже и организаціей шпіонажа. Исключительно благопріятныя для Германіи историческія и политическія условія дали ей возможность такъ опутать всю Россію сѣтью шпіонажа, что въ сущности вести съ нимъ борьбу было почти невозможно. Россія всегда нуждалась въ нѣмцахъ, которые изстари были ея учителями, и слишкомъ довѣряла имъ, допуская нѣмцевъ во всѣ отрасли управленія и государственнаго строительства. Германія покрыла всю Россію своими торгово-промышленными предпріятіями и проникла черезъ своихъ агентовъ во всѣ государственныя учрежденія, министерства, консульства, частныя общества, фабрики и заводы. Ея агенты занимали отвѣтственныя должности, вѣдали дѣлами особой государственной важности, входили въ секретныя засѣданія, управляли предпріятіями, служили инженерами на заводахъ, плавали на русскихъ военныхъ судахъ, занимались торговлей, служили шоферами и лакеями, танцовали въ кафе-шантанахъ и даже торговали на базарахъ. Словомъ Германія вездѣ имѣла свои уши и глаза, которые все видѣли, все слышали и благодаря сложной организаціи связи, путемъ всякаго рода шифровъ и сигнализацій, могли говорить такъ, что ихъ слышали въ Германіи. Къ началу войны Германія имѣла самыя точныя свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ военнаго вооруженія и снабженія русской арміи. Она располагала точными картами Россіи съ нанесеніемъ на нихъ всѣхъ топографическихъ свѣдѣній и планами всѣхъ укрѣпленій. Ея секретные агенты, дѣйствующіе у насъ въ тылу, составляли цѣлую армію, которая была еще опаснѣе, чѣмъ открытый вооруженный врагъ.

Исторія въ послѣдствіи доказала, что Германія побѣдила Россію не въ открытомъ вооруженномъ бою, а именно ядовитымъ жаломъ шпіонажа. Ея агенты уничтожили русскую армію, которую не могли побѣдить ея пушки.

Къ сожалѣнію Россія въ этомъ отношеніи ничего подобнаго не сдѣлала, да и не могла сдѣлать въ силу тѣхъ же политическихъ и историческихъ причинъ. Русскіе никогда не могли играть той роли и пользоваться такимъ вліяніемъ при германскомъ дворѣ, какъ нѣмцы, которые всегда со временъ Петра Великаго были у насъ желанными гостями. Германія умѣла держать для иностранцевъ закрытыя двери и русскіе учились у нѣмцевъ и видѣли у нихъ только то, что не представляло уже для Германіи интереса и значенія государственной тайны. Германія охотно снабжала насъ устарѣлыми пушками, строила суда стараго типа, знакомила съ усовершенствованіями, которыя замѣняла у себя болѣе новыми, — но быть германскимъ министромъ русскій не могъ. Кромѣ того Россія совсѣмъ не готовилась къ войнѣ съ Германіей и никогда не думала тратить милліоны на содержаніе арміи шпіоновъ. Вотъ почему какъ развѣдывательныя, такъ и контръ-развѣдывательныя отдѣленія у насъ въ Россіи стали возникать только въ послѣднее время, уже во время войны, и вслѣдствіе этого ничего весьма существеннаго они дать не могли.

Такъ контръ-развѣдывательное отдѣленіе Штаба Командующаго Черноморскимъ Флотомъ было утверждено только въ концѣ 1915 году, спустя годъ послѣ начала войны! Въ раіонъ его дѣйствія входило все побережье Чернаго моря отъ Батума до Сулина. Одинъ размѣръ раіона показываетъ, насколько трудно было организовать уже во время войны серіозную борьбу со шпіонажемъ. Кромѣ того организація такого слож-

наго дѣла требовала людей знающихъ и опытныхъ, людей прошедшихъ извѣстную школу, надлежащую подготовку, имѣвшихъ извѣстныя способности. Наконецъ нужны были большія средства и время, чтобы поспѣшностью не вызвать подозрѣнія и не открыть тайны организаціи. Къ сожалѣнію ничего этого у насъ не было. Все создавалось вновь: вырабатывались проекты, составлялись инструкціи, производились подготовки работъ. Естественно, что вначалѣ все сводилось просто къ бумажному производству и никакихъ практическихъ результатовъ работы не было. За отсутствіемъ спеціально подготовленныхъ къ розыску по шпіонажу работниковъ, приходилось пользоваться услугами чиновъ департамента полиціи и агентовъ жандармскихъ управленій, какъ людей опытныхъ въ розыскѣ вообще, но не вполнѣ желательныхъ въ контръ-развѣдкѣ, гдѣ требовалась нѣсколько иная работа „чрезмѣрная добросовѣстность и гарантія неподкупности.

Этимъ объясняется и то, что я, никогда не имѣвшій никакого понятія о контръ-развѣдкѣ, былъ сразу назначенъ Помощникомъ начальника контръ-развѣдывательнаго отдѣленія только потому, что по своему юридическому образованію я могъ вести слѣдствія и дознанія на основаніи судебныхъ уставовъ и потому, что, вслѣдствіе особой аттестаціи, заслуживалъ полнаго къ себѣ довѣрія въ дѣлѣ, требующемъ исключительной осторожности и умѣнія сохранять тайну.

Начальникомъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія, моимъ непосредственнымъ начальникомъ, былъ морской лейтенантъ, во всѣхъ отношеніяхъ симпатичный человѣкъ, а главное большой труженикъ и хорошій работникъ. Онъ весь отдался своей отвѣтственной работѣ настолько, что все остальное въ жизни, внѣ контръ-развѣдки, перестало для него существовать. Только благо-

даря его неутомимой энергіи, мнѣ кажется, удалось при данныхъ условіяхъ все-таки многое создать и если не пресѣчь зло шпіонажа, то во всякомъ случаѣ ограничить его. Къ моменту моего поступленія дѣло было уже налажено такъ, что почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ и болѣе или менѣе важныхъ стратегическихъ пунктахъ у насъ были поставлены добросовѣстные сотрудники, которые путемъ развитія тайной агентуры организовали мѣстную контръ-развѣдку. Наши агенты проникли за границу, находили тамъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, устанавливали связи и давали иногда очень цѣнныя свѣдѣнія, направлявшія нашу работу и служившія матеріаломъ для выработки различныхъ мѣръ предосторожности и защиты отъ проникновенія шпіоновъ и предупрежденія преступленій злого умысла. Къ сожалѣнію въ то время, какъ Германія тратила на шпіонажъ милліоны, мы были весьма ограничены въ средствахъ. Заграничная агентура требовала большихъ денегъ, иначе она не оправдывала своего назначенія. Многіе весьма дѣльные проекты требовали нѣкотораго риска, на который мы не рѣшались за отсутствіемъ надлежащихъ средствъ. Завѣдующіе пунктами постоянно жаловались на незначительность отпускаемыхъ имъ суммъ, оправдывая часто этимъ свое бездѣйствіе. Находить идейныхъ сотрудниковъ, работающихъ безъ вознагражденія, удавалось рѣдко, а платные требовали приличнаго вознагражденія. Приходилось пользоваться въ большинствѣ случаевъ дешевой агентурой, работа которой не всегда была достаточно производительна, а иногда даже просто мѣшала серіозной работѣ. Чтобы оправдать свою работу, эта агентура въ поискахъ дѣла сама создавала матеріалъ, придавая излишнюю серіозность своимъ наблюденіямъ или просто выдумывала разныя неправдо-

подобности. Создавались дѣла на основанiи совершенно неосновательныхъ слуховъ, напрасно отнимающiя время на разслѣдованiе. Такъ называемое наружное наблюденiе: высматриванье на бульварахъ, подслушиванье въ кафе, провокаторскiе прiемы при разговорахъ въ толпѣ, на зрѣлищахъ и мѣстахъ гулянiй — въ большинствѣ случаевъ давали совершенно негодный матерiалъ и мы скоро совершенно отказались отъ него, оставивъ наружное наблюденiе только для выслѣживанiя и выясненiя опредѣленныхъ лицъ и ихъ связей. Кромѣ того работа еще затруднялась тѣмъ, что вся власть централизовалась въ Севастополѣ, а потому по каждому дѣлу возникала сложная переписка между отдѣленiемъ и завѣдующими пунктами, при отдаленности ихъ отъ центра иногда такъ задерживавшая свѣдѣнiя, что они теряли свою цѣнность.

Въ первое время контръ-развѣдка преимущественно занималась разработкой обширнаго матерiала, поступившаго по наслѣдству отъ жандармскихъ управленiй. Надо отдать справедливость, что матерiалъ этотъ былъ весьма цѣннымъ въ смыслѣ историческаго архива, которымъ мы часто пользовались при выясненiи всей прошлой дѣятельности заподозрѣннаго въ шпiонажѣ и сношенiяхъ съ Германiей того или иного лица. Относительно цѣлаго ряда лицъ были уже достаточныя данныя для возбужденiя противъ нихъ слѣдствiя по обвиненiю въ шпiонажѣ, а въ связи съ ними многiе были взяты подъ подозрѣнiе и попали подъ наблюденiе. Детальная разработка всѣхъ свѣдѣнiй, продолжительное наблюденiе, перлюстрацiя писемъ, дали возможность установить несомнѣнную ихъ работу по шпiонажу, но найти явныя улики, доказательства ихъ виновности, въ большинствѣ случаевъ не представлялось возможнымъ. Цѣлый рядъ обысковъ не дали никакихъ ре-

зультатовъ. Слѣдствій было масса, но виновныхъ ни одного. Очень часто приходилось дѣйствовать скорѣй по убѣжденію, чѣмъ на основаніи прямыхъ доказательствъ виновности. Чтобы не попасть въ преступную ошибку, а съ другой стороны не дать маху, нѣсколько лицъ весьма подозрительныхъ пришлось, такъ сказать на всякій случай, выслать безъ суда изъ полосы фронта. Думаю, что нѣкоторые пострадали быть можетъ и напрасно, но что многіе изъ нихъ ушли отъ заслуженной кары, въ этомъ я убѣдился во время нѣмецкой оккупаціи. Такъ, въ городѣ Николаевѣ, когда я былъ уже самостоятельнымъ Начальникомъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія Николаевскаго Округа, на основаніи весьма серіозныхъ агентурныхъ свѣдѣній, мною былъ арестованъ служащій на судостроительномъ заводѣ Наваль инженеръ Д., нѣмецъ по происхожденію, пріѣхавшій изъ Германіи и поступившій на заводъ не болѣе года до начала войны. При обыскѣ у него были найдены фотографическіе снимки всего завода, мастерскихъ и всѣхъ строющихся на заводѣ судовъ; большая переписка на нѣмецкомъ языкѣ, которая доказывала, что до начала войны онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ Германіей, но въ ней не было ничего преступнаго, и масса всякаго рода чертежей, замѣтокъ и цифръ на блокнотѣ и календарѣ, не имѣющихъ опредѣленнаго значенія. По объясненію инженера Д. все казалось вполнѣ естественнымъ: въ Германіи онъ имѣлъ родственниковъ и знакомыхъ, съ которыми велъ переписку самаго невиннаго свойства. Имѣя фотографію дѣлалъ снимки, такъ какъ для инженера интересно имѣть снимки съ работъ, въ которыхъ онъ участвуетъ. Такіе снимки служатъ ему въ извѣстной степени аттестаціей его дѣятельности. Связь его съ Фишеромъ, австрійскимъ консуломъ въ Николаевѣ, опредѣленнымъ шпіо-

номъ, своевременно выѣхавшимъ въ Германію, но оставившимъ въ Николаевѣ организованную имъ шпіонскую агентуру, ограничивалась отношеніями простыхъ знакомыхъ. Пропускаю весь другой обширный матеріалъ, который послужилъ для меня основаніемъ для безспорнаго убѣжденія, что инженеръ Д. былъ шпіономъ, но долженъ сказать, что и все остальное имѣло такое же объясненіе и кромѣ скопленія массы косвенныхъ уликъ никакихъ доказательствъ у меня не было. Тѣмъ не менѣе, я двѣ недѣли продержалъ его подъ арестомъ, убѣжденный, что дальнѣйшее слѣдствіе дастъ мнѣ желательный результатъ, но ни химическое изслѣдованіе писемъ, бумагъ, книгъ, чернилъ и пр. ни расшифрированіе загадочныхъ записей и цифръ; ни обыскъ квартиры и чердака въ надеждѣ найти признаки безпроволочнаго телеграфа; ни постукиванье по стѣнамъ и мебели, производимыя самыми опытными агентами, въ надеждѣ открыть тайныя хранилища, — ничего больше не дали.

Въ концѣ концовъ мнѣ пришлось его освободить по предписанію Штаба, такъ какъ его арестъ затруднялъ работу на заводѣ и администрація лично ходатайствовала передъ Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ объ его освобожденіи.

Освободивъ его, я однако удержалъ его фотографію, всѣ снимки и переписку, объясняя, что производство снимковъ запрещено и вещи могутъ быть ему выданы только по окончаніи слѣдствія.

Прошло много времени. Нѣмцы вошли въ городъ Николаевъ и стали наводить свои порядки. Всѣмъ жителямъ, не исключая и офицеровъ, было приказано подъ страхомъ разстрѣла сдать оружіе. Я отправился въ Штабъ, чтобы сдать свой револьверъ и получить разрѣшеніе на выѣздъ въ Кіевъ. Я получилъ квитанцію

въ принятіи отъ меня револьвера съ точнымъ указаніемъ его системы и номера и вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣли нѣсколько германскихъ офицеровъ. Среди нихъ спокойно сидѣлъ и вмѣстѣ съ ними разбиралъ бумаги инженеръ Д. Онъ встрѣтилъ меня какъ своего хорошаго знакомаго и былъ изысканно любезенъ. Благодаря ему я сейчасъ же внѣ очереди получилъ разрѣшеніе на выѣздъ.

— Вы разрѣшите узнать, обратился онъ ко мнѣ, выдавая разрѣшеніе, могу ли я теперь получить свою фотографію и снимки? Онѣ мнѣ очень дороги и я очень бы жалѣлъ, если-бъ они пропали.

Я сообщилъ ему, что все имущество контръ-развѣдки по описи сдано мною въ портовую контору и что тамъ онъ можетъ получить всѣ отобранныя у него при обыскѣ вещи.

— Съ своей стороны, добавилъ я, меня очень интересуетъ, получу-ли я обратно свой револьверъ?

— О, да! Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ онъ. — Эта мѣра только временная и какъ только въ городѣ все успокоится, вы конечно получите его обратно.

Позвольте мнѣ вашу квитанцію, добавилъ онъ. Я постараясь устроить это вамъ, какъ можно скорѣе.

И дѣйствительно на другой день, опять въ видѣ исключенія револьверъ былъ доставленъ мнѣ на домъ. Удивительно обходительный господинъ шпіонъ!

И такихъ случаевъ было не мало. Но тутъ еще ничего! Инженеръ и къ тому же изъ Германіи. Хотя и не упекли, но все же подъ арестомъ продержали, все, что можно было, отобрали и во всякомъ случаѣ страху нагнали столько, что врядъ-ли онъ могъ продолжать свою преступную дѣятельность. Хуже обстояло дѣло, когда подозрѣнія падали на лица поважнѣе, чѣмъ германскій инженеръ. Нити шпіонскаго мотка приводили

иногда туда, куда руководители контръ-развѣдки, не смотря на всѣ свои подозрѣнія, не смѣли войти... Шпіоны были даже при дворѣ, чему способствовало господствующее при дворѣ германофильство. Нѣмцы всегда дѣлали русскую политику и потому шпіонажъ укрѣпился при дворѣ еще съ историческихъ временъ и сторонники Германіи, если и не были всегда шпіонами, то во всякомъ случаѣ весьма имъ содѣйствовали. Мясоѣдовъ вовсе не былъ такъ виноватъ, какъ думаютъ. По рекомендаціи свыше Мясоѣдовъ принужденъ былъ брать себѣ въ личные адъютанты подрядъ четырехъ германскихъ шпіоновъ, которые его и обработали. Я не буду останавливаться на этомъ ужасномъ дѣлѣ хорошо всѣмъ извѣстномъ. Фактъ сношенія Мясоѣдова съ Германскимъ Штабомъ былъ доказанъ, Мясоѣдовъ погибъ, но дѣятельность его не была достаточно разслѣдована именно потому, что распутывая эту ужасную и позорную для Россіи исторію, контръ-развѣдка должна была найти ея глубокіе корни, спрятанные въ нѣдрахъ дворцовыхъ интригъ. Поэтому, заявленіе Мясоѣдова, сдѣланное имъ на судѣ въ свою защиту, что измѣняя Россіи и давая свѣдѣнія Германскому Штабу, онъ былъ увѣренъ, что служитъ дѣйствительнымъ интересамъ монархіи, является хотя и парадоксальнымъ, но по мнѣнію нѣкоторыхъ до извѣстной степени его правдивымъ признаніемъ, если только интересы монархіи отдѣлить отъ интересовъ Россіи и если принять во вниманіе, что монархія по убѣжденію отдѣльныхъ личностей двора могла себя спасти путемъ предательства всего русскаго народа.

Да, тяжелая и неблагодарная задача была дана контръ-развѣдкѣ.

Помню, какъ мы много бились, чтобы раскрыть безусловно существующую организацію, дающую свѣдѣ-

нія о каждомъ выходѣ эскадры въ море. Не смотря на то, что выходъ эскадры всегда былъ обставленъ строжайшей тайной и всѣми мѣрами предосторожности, было несомненно по имѣющимся въ Штабѣ данным, что «Гебенъ» былъ всегда объ этомъ своевременно предупрежденъ.

Сколько ночей не спали мы! Вся агентура была на ногахъ. Слѣдили за каждымъ случайнымъ огонькомъ, прислушивались къ каждому едва уловимому звуку! И вдругъ «сигнализація»! За нѣсколько часовъ до выхода эскадры проходившій мимо Алупки миноносецъ замѣтилъ около 9 часовъ вечера въ паркѣ около камней «Хаоса» три раза вспыхнувшій синій огонекъ и одинъ красный. Черезъ нѣсколько дней явленіе повторилось: агентура установила, что какъ разъ въ ночь выхода эскадры на скалѣ «Хаосъ» ясно горѣлъ синій бенгальскій огонь.

Опять безсонная ночь! По всему парку съ 8 час. вечера была размѣщена агентура. Устроены засады. Начальникъ и я съ револьверами въ рукахъ блуждали въ темномъ паркѣ, но безъ результата. Ни единаго огонька!

Въ ночь выхода эскадры, какъ только стемнѣло, мы пріѣхали въ Алупку. Подойдя къ ней въ обходъ и спустившись съ горы какъ обыкновенные экскурсанты, мы подошли къ харчевнѣ и купили у разносчика татарина рахатъ-лукумъ. Давая намъ сдачи, татаринъ преподнесъ намъ совершенно неожиданный сюрпризъ, а именно не больше и не меньше, какъ бенгальскую спичку!

— Это что такое? Откуда? Зачѣмъ?

— Бынхальска огонь... безплатна прилыженья, отвѣчалъ ухмыльнувшись татаринъ. — Для хароша пакупатель, какъ ты!

Мы съ начальникомъ невольно уставились другъ на друга.

Въ чемъ же дѣло? А очень просто. Татаринъ, продавая въ Алупкѣ рахатъ-лукумъ, выдумалъ для приманки покупателя раздавать бенгальскія спички. Всѣ мальчишки Алупки знали этого татарина и покупали у него рахатъ-лукумъ иногда больше для этихъ спичекъ, которыми и баловались. Въ этомъ мы скоро убѣдились, встрѣчая мальчишекъ и гуляющихъ экскурсантовъ съ подобными бенгальскими огнями. Татарина выругали, спички отобрали, мальчишкамъ надавали подзатыльниковъ, экскурсантамъ было указано на приказъ Командующаго Черноморскимъ Флотомъ о воспрещеніи въ вечернее время какихъ либо огней. Были сдѣланы особыя распоряженія о наблюденіи за строгимъ исполненіемъ жителями Алупки настоящаго приказа, — и этимъ все кончилось.

Мы смѣялись... Но чертъ ихъ знаетъ, не смѣялся ли надъ нами германскій шпіонъ? Вѣдь если дѣйствительно задача германскаго шпіона заключалась въ томъ, что получивъ изъ Севастополя свѣдѣнія о выходѣ эскадры, онъ долженъ былъ дать какой либо свѣтовой сигналъ, то вѣдь не сядетъ же онъ въ германской каскѣ на мраморной лѣстницѣ Алупкинскаго дворца и не будетъ устраивать блестящаго фейерверка. Навѣрное придумаетъ что-нибудь похитрѣе и найдетъ такой способъ, что даже въ случаѣ установленнаго наблюденія все можно было бы объяснить какимъ либо пустякомъ. Такъ почему бы ему не найти татарина съ рахатъ-лукумомъ и бенгальскими спичками?! А кто ихъ будетъ жечь быть можетъ это для него и не важно?

А въ смыслѣ изобрѣтательности, нѣмцы — геніальны! Употребленіе цыфровыхъ шифровъ, прейскурантовъ, печатныхъ произведеній, календарей, химическихъ

чернилъ, секретной бумаги — оставлено ими для институтокъ, переписывающихся между тобою въ тайнѣ отъ классной дамы, и поймать шпіона съ «поличнымъ» дѣло совершенно безнадежное. Большинство шпіоновъ прошло хорошую школу шпіонажа, и самый предательскій допросъ не могъ ихъ сбить и заставить выдать тайну. Ни угрозы немедленно его повѣсить, ни сладкія обѣщанія освободить его, если онъ чистосердечно раскается и признается во всемъ — на него совершенно не дѣйствовали. Бывшія жандармскія привычки допроса, имѣющаго цѣлью сначала запутать и сбить заподозрѣннаго, потомъ застращать и выпытать тайну угрозами или напротивъ успокоить своей обходительностью и желаніемъ ему добра отъ всей чистоты души своей — рѣдко когда давали положительный результатъ. Въ этомъ отношеніи пройденная у германцевъ школа шпіонажа хорошо подготовляла шпіона къ самообладанію и пониманію истиннаго значенія этихъ угрозъ и этихъ обѣщаній.

Во время своей командировки въ Румынію, мнѣ удалось познакомиться съ организаціей такой школы шпіонажа въ Бухарестѣ. Курсъ школы шпіонажа былъ двухмѣсячный. Всѣ «ученики» школы, а ихъ были сотни, были раздѣлены на мелкія группы въ 5—7 человѣкъ. Никакого общенія между группами не допускалось. Даже между членами одной и той же группы общенія было мало. Каждый изъ нихъ старался держаться особнякомъ и какъ бы опасаясь другъ друга скрывалъ даже свое имя, въ большинствѣ случаевъ пользуясь выдуманными кличками. Учили ихъ многому: какъ умѣло наблюдать, не вызывая подозрѣнія, на что нужно обращать вниманіе, какъ различать по погонамъ воинскія части, какъ опредѣлять на глазъ разстоянія (практическія занятія) и пр. Въ каждой группѣ были также спеціальные курсы въ зависимости отъ цѣли назначенія

шпіона. Кромѣ того каждый шпіонъ учился отвѣчать на допросѣ въ случаѣ своего провала и изобличенія въ шпіонствѣ. Для этого каждый шпіонъ подробно долженъ былъ разсказать инструктору наединѣ всю свою прошлую и настоящую жизнь со всѣми мельчайшими подробностями. Инструкторъ, пользуясь этимъ матеріаломъ,выдумывалъ наиболѣе правдоподобное и вытекающее изъ всей предыдущей жизни окончаніе, которое объясняло бы присутствіе шпіона въ опредѣленномъ ему раіонѣ. Необходимыя для этого измѣненія въ прошломъ были по возможности незначительны, а потому запомнить ихъ не представляло большой трудности. Извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ выдумать сплошь всю свою жизнь не запутавшись при цѣломъ допросѣ въ противорѣчіяхъ или просто несуразностяхъ: года не будутъ соотвѣтствовать событіямъ, время — мѣсту дѣйствія и пр. да и запомнить одну ложь — весьма трудно.

Опытный инструкторъ, понимая, что надо имѣть большую память чтобы не запутаться во лжи, выдумываетъ для шпіона такой разсказъ, который весь основанъ на правдѣ. Шпіонъ хорошо запоминаетъ его, въ особенности его немногія отступленія отъ истины, и не боясь уже спутаться правдиво отвѣчаетъ на всѣ коварные вопросы. Для практики ему чинятся самые строгіе допросы со всѣми выработанными для этого хитрыми пріемами, между которыми конечно фигурируютъ и угрозы и обѣщанія, но шпіонъ хорошо знаетъ ихъ истинное значеніе. Подготовленный такимъ образомъ шпіонъ знаетъ, что одного подозрѣнія недостаточно для обвиненія, а доказательство онъ можетъ дать только своимъ признаніемъ, а потому оказываетъ упорное сопротивленіе и продолжаетъ запираться даже

тогда, когда явныя улики не оставляютъ повидимому мѣста никакому сомнѣнію.

Не смотря однако на всѣ трудности борьбы со шпіонажемъ, контръ-развѣдка постепенно развивала свою дѣятельность и успѣхъ прогрессировалъ.

Особое вниманіе мы обратили на Румынію, понимая, что тамъ находится главный центръ, откуда расходятся всѣ нити шпіонажа. Въ Бухарестѣ работали агенты почти всѣхъ воюющихъ державъ. Подъ покровомъ нейтралитета здѣсь собрались шпіоны, провокаторы и шантажисты всего міра. Виляя въ политикѣ, Румынія оказывала имъ гостепріимный пріемъ даже послѣ своего выступленія на сторонѣ Россіи. Продажные по природѣ своей румыны болѣе сочувствовали тому, кто больше могъ заплатить, и несомнѣнно, что штабъ германскаго шпіонажа оставался въ Бухарестѣ до прихода Макензена. Германцы свободно распоряжались и въ большинствѣ случаевъ подкупленныя ими румынскія власти во всемъ имъ содѣйствовали. Агитація противъ Россіи велась самая широкая. Румынскіе рыбаки въ Галацѣ перевозили ночью черезъ Дунай съ вѣдома румынскихъ властей и при содѣйствіи пограничной стражи сотни шпіоновъ и агитаторовъ для возбужденія Бессарабіи и Украйны. Наша агентура посылала намъ свѣдѣнія, которые убѣдили насъ, что главная работа контръ-развѣдки — въ Румыніи и что тамъ надо искать главные источники шпіонажа. Облеченный большими полномочіями, я выѣхалъ въ Бухарестъ.

Глава II.

По агентурнымъ свѣдѣніямъ незадолго до войны прибыла въ Одессу изъ Константинополя греческо подданная красавица Элеонора. Ея мать содержала въ Константинополѣ аристократическій домъ свиданій, по-

сѣщаемый даже султаномъ. Прежде всего Элеонора поразила Одесситовъ своей чрезвычайной красотой, а затѣмъ своимъ открытымъ образомъ жизни. Элеонора блистала на всѣхъ вечерахъ, балахъ, маскарадахъ, гдѣ пользовалась большими успѣхами; имѣла свой чудный салонъ, гдѣ собиралось веселое общество и вино лилось рѣкой; имѣла свой выѣздъ и богатыхъ поклонниковъ; очень любила и собирала вокругъ себя золотую молодежь, но наиболѣе ея расположеніемъ пользовались штабные офицеры. Установленное за ней наблюденіе выяснило въ то же время ея странную связь съ нѣкоторыми греками, совершенно не подходящими къ ея аристократическому обществу и свиданія съ которыми, обставленныя всегда нѣкоторой таинственностью, вызывали основательныя подозрѣнія.

Иногда Элеонора на нѣсколько дней выѣзжала, якобы для свиданія со своими родными въ Кишиневъ, при чемъ эти отсутствія ея были болѣе или менѣе продолжительны. По донесеніямъ пограничныхъ жандармскихъ пунктовъ Рени и Унгены было установлено, что Элеонора трижды ѣздила въ Румынію, каждый разъ проѣзжая черезъ одинъ пунктъ и возвращаясь черезъ другой. Агентура выслѣдила ее до Бухареста и вела за ней постоянное наблюденіе. По этому дѣлу мнѣ предстояла довольно трудная задача. Зная по агентурнымъ свѣдѣніямъ очень много о ея образѣ жизни и подозрительныхъ ея знакомствахъ, я долженъ былъ познакомиться съ ней и въ наиболѣе удобный моментъ ошеломить ее и, дѣйствуя страхомъ, уговорить ее раскрыть всѣ тайны. Мнѣ пришлось принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы самому не попасть подъ наблюденіе шпіоновъ и не быть открытымъ. Я пріѣхалъ въ штатскомъ и остановился у одного нашего сотрудника въ наиболѣе многолюдномъ, но отдален-

номъ кварталѣ. Свиданія съ агентами я имѣлъ на разныхъ конспиративныхъ квартирахъ всегда поздно вечеромъ, причемъ на всякій случай приходилось дѣлать петли и производить такіе маневры, что если бы случайно я и попалъ подъ наблюденіе, то своевременно его замѣтилъ бы и скрылся. Иногда я бралъ фаетонъ и, пользуясь темнотой, соскакивалъ гдѣ либо въ переулкѣ и обходилъ кругомъ. Входилъ въ ресторанъ и немедленно же выходилъ другимъ ходомъ. Садился въ трамвай и быстро пересаживался на остановкѣ въ встрѣчный и ѣхалъ обратно. Затѣмъ я зналъ спеціальные пріемы какъ выяснить, есть ли за мной наблюденіе, или по крайней мѣрѣ провѣрить себя, если у меня возникало сомнѣніе. Словомъ, приходилось фокусничать, такъ какъ открыть конспиративную квартиру значило бы провалить себя и всю агентуру.

Когда, работая при такихъ условіяхъ, я повидалъ всю нашу секретную агентуру и собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, я уже въ военной формѣ перебрался въ наилучшую гостинницу и ждалъ случая познакомиться съ Элеонорой. Скоро такой случай представился. Въ большомъ театрѣ устраивался благотворительный русскій концертъ. Въ концертѣ участвовали лучшія артистическія силы. Программа состояла преимущественно изъ произведеній русскихъ композиторовъ и писателей. На концертъ собралось лучшее общество Бухареста. Агентура своевременно сообщила мнѣ, что Элеонора будетъ въ театрѣ. Я отправился на концертъ и занялъ мѣсто въ партерѣ. Мнѣ указали ее. Она сидѣла въ ложѣ съ двумя дамами и однимъ сѣдовласымъ старцемъ, въ костюмѣ сестры милосердія, вся въ черномъ съ большимъ краснымъ крестомъ на груди.

Въ Румыніи можно легко познакомиться съ каждой женщиной. Въ этомъ отношеніи у нихъ дѣлается очень

просто. Пишется письмо, и камердинеръ относитъ его по назначенію. Но я сдѣлалъ это иначе. Я долго переглядывался съ ней, улыбался, въ антрактѣ нѣсколько разъ прошелъ мимо ея ложи почти въ упоръ смотря на нее... затѣмъ, набравшись храбрости, выходя въ фойе я уловилъ ея взглядъ и глазами показалъ, чтобы она вышла изъ ложи. Дѣйствіе имѣло успѣхъ. Мы встрѣтились въ фойе и познакомились. Но познакомились какъ? Она меня видѣла въ первый разъ и повѣрила, что я только что пріѣхалъ съ румынскаго фронта, чтобы немного отдохнуть и развлечься послѣ ужасныхъ боевъ. Я былъ въ формѣ и съ аксельбантами, а потому узнавъ, что я состою адъютантомъ въ штабѣ N, замѣтно стала со мной любезнѣе. Я же узналъ отъ нея, что она румынка, сестра милосердія въ военномъ лазаретѣ, никогда не была въ Россіи и не понимаетъ по-русски, но прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ, на которомъ мы съ ней объяснялись. Я не скрывалъ своего восхищенія ея красотой, сталъ сразу же ухаживать за ней и просить, чтобы она не лишала меня своего общества, которое мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что я здѣсь совершенно одинъ и не имѣю знакомыхъ, съ которыми я могъ бы повеселиться или хотя немного разсѣяться послѣ тяжелой жизни на фронтѣ. Разыгрывать такую роль мнѣ было не трудно, такъ какъ Элеонора была дѣйствительно очаровательной женщиной, но тѣмъ опаснѣе она была какъ врагъ. Между нами началась опасная игра. Мы ловили другъ друга. Наши желанія сходились, и потому она сравнительно скоро согласилась провести со мной вечеръ послѣ театра гдѣ-нибудь въ ресторанѣ. «Бабочка летитъ на огонь» думалъ я- «На ловца и звѣрь бѣжитъ», вѣроятно думала она. Я ждалъ ее съ автомобилемъ. Она вышла, какъ было условлено, изъ боковаго выхода, и мы поѣхали сначала

къ ней, такъ какъ она не могла въ костюмѣ сестры милосердія ѣхать въ кабаре. Я зналъ, гдѣ она живетъ и очень удивился, когда она указала совершенно другой адресъ и насторожился, чтобы не попасть въ засаду.

— Я не могу пригласить васъ къ себѣ, такъ какъ сейчасъ живу у родственниковъ, извинилась она, подъѣзжая къ шикарному дому съ зеркальными стеклами и подъѣздомъ съ барельефами. Обождите меня въ автомобилѣ...

Я ждалъ ее довольно долго и уже меня снова взяло сомнѣніе, когда она вышла ко мнѣ въ роскошномъ туалетѣ, вся укутанная дорогими мѣхами. Я понялъ, что она не могла скорѣе такъ преобразиться изъ скромной сестры милосердія въ роскошную куртизанку.

При видѣ ея я не скрылъ своего восхищенія. Ей нравилось это, хотя навѣрное ею восхищались всѣ, кто имѣлъ счастье или несчастье быть съ нею. Женщина всегда остается женщиной.

— Куда мы поѣдемъ? спросилъ я. Я совершенно не знаю Бухареста. Будьте моимъ менторомъ и покажите мнѣ, гдѣ у васъ веселятся. Я съ наслажденіемъ отдаюсь въ ваше распоряженіе... я счастливъ уже тѣмъ, что съ вами!

Она улыбалась... Въ ея улыбкѣ не было ничего кромѣ очарованія и такъ не хотѣлось вѣрить, что съ тобой не чудная женщина, которая довѣряетъ тебѣ и охотно ѣдетъ въ ресторанъ кутить со всѣми возможностями счастья, а коварная шпіонка, которая предаетъ Россію и пользуется своей красотой, чтобы убить тѣхъ, кто довѣрчиво сближается съ ней и находитъ измѣну, что на фронтѣ гремятъ пушки, льются рѣки крови, что люди стали врагами и губятъ другъ друга; забыть, что я контръ-развѣдчикъ и таю коварные замыслы противъ женщины, которая такъ очаровательна и такъ много

счастья могла бы дать!.. Гадко, подло чувствовалъ я себя, не смотря на полное сознаніе, что я исполняю свой долгъ, что мнѣ довѣрены государственныя тайны, что въ моихъ рукахъ быть можетъ тысячи человѣческихъ жизней и что я самъ могу быть схваченъ ея агентами и брошенъ гдѣ нибудь на окраинѣ въ ровъ, а подлая шпіонка будетъ продолжать свою преступную работу. Не Богъ далъ тебѣ эту красоту, которая можетъ вскружить голову, а дьяволъ, чтобы обильно сѣять зло и преступленія! И ты должна дать намъ отвѣтъ за нихъ!

Мы пріѣхали въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ-кабаре. Я заказалъ ужинъ съ шампанскимъ и поднесъ ей массу цвѣтовъ, умышленно демонстрируя ту свободу, съ которой я готовъ тратить на нее деньги. Она была очень веселая и умная женщина, съ которой легко было поддерживать оживленный и остроумный разговоръ. Она пила шампанское видимо хорошо привыкнувъ къ нему. Я пилъ съ осторожностью, но все же значительно оживился, что однако не помѣшало мнѣ играть свою роль. Я охотно отвѣчалъ на всѣ ея вопросы, кѣмъ я былъ до войны, весело ли жить въ Петербургѣ, люблю ли театръ и пр. На все это я могъ отвѣчать правду, которая только могла усыпить ея осторожность. Я ожидалъ, что она начнетъ спрашивать меня о войнѣ, о фронтѣ... но она вѣроятно умышленно не касалась этого, что дало мнѣ надежду на слѣдующее свиданіе. Для перваго знакомства мы рѣшили забыть о дѣлѣ и очень мило провели время среди общаго веселья, пѣнія и музыки, казалось не думая ни о чемъ, кромѣ удовольствія. Странно было мнѣ это веселье и кутежъ въ ресторанѣ, входившіе въ мои служебныя обязанности. Я чувствовалъ во всей окружающей меня обстановкѣ какую то фальшь и склоненъ былъ думать, что весь кафе-шантанъ съ музыкой и шансонетками

есть ничто иное, какъ мистификація съ тайными пружинами и что гдѣ то въ глубинѣ дѣйствуютъ таинственныя силы... Я чувствовалъ себя героемъ кинодрамы, окруженнымъ тайными агентами фантомаса, черной руки или маски, которая смѣется.

И думалъ ли я, когда былъ нотаріусомъ и весело и беззаботно кутилъ въ ресторанахъ, что мнѣ придется въ Бухарестѣ разыгрывать роль Шерлокъ-Хольмса, ужинать съ женщиной, опутывая ее сѣтью лжи и коварства, строить планы, какъ въ торжественный моментъ я вдругъ граціозно сниму маску и любезно улыбаясь, проговорю: «Имѣю честь представиться... Я начальникъ контръ-развѣдки, а вы турецкая шпіонка Элеонора. Вы арестованы!»

Я ухаживалъ за ней около недѣли, посѣщая съ ней театры, ужиная въ ресторанахъ и катаясь на автомобилѣ, какъ будто вся моя жизнь была только въ ней... Она не только позволяла мнѣ ухаживать за ней, но даже старалась очень опытнымъ кокетствомъ увлечь меня дальше въ сѣти своихъ чаръ... и чѣмъ болѣе я видимо увлекался ею, тѣмъ больше она стала интересоваться тѣмъ, что входило въ ея обязанности шпіонки. Надо отдать справедливость, что дѣлала она это очень искусно, послѣ ужина съ шампанскимъ, съ нѣжностью и милымъ пустымъ любопытствомъ, подходя иногда очень изъ далека и какъ бы случайно: но для меня то это было слишкомъ ясно. Она заманивала меня и я шелъ на ея удочку... но тѣмъ не менѣе она долго не соглашалась поѣхать со мной въ отдѣльный кабинетъ загороднаго ресторана, гдѣ я расчитывалъ разыграть финалъ нашей комедіи.

Я понялъ ея осторожность. На третій день своего знакомства съ ней я замѣтилъ, что за мной установлено наблюденіе. Около моей гостинницы появился какой

то сумрачный типъ, котораго я дважды встрѣтилъ у подъѣзда, внимательно разсматривающимъ витрину парфюмернаго магазина, а затѣмъ по какой-то случайности имѣлъ удовольствіе увидѣть его же въ углу кафе, читающимъ газету однимъ глазомъ, такъ какъ другой очень внимательно слѣдилъ за мной. Я видѣлъ наконецъ, какъ гуляя днемъ по главной улицѣ, этотъ же типъ глазами передалъ меня другому, который очень любезно проводилъ меня до гостинницы. Я не буду перечислять массу тѣхъ признаковъ, по которымъ я установилъ, что за мной ведется наблюденіе. Это цѣлая наука, наука какъ вести наблюденіе и какъ спасаться отъ него самому. По этому вопросу у насъ была обширная литература, весьма интересная сама по себѣ, но крайне непріятная при примѣненіи ея на практикѣ. Скажу только, что требуется большое искусство, чтобы не провалиться какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ.

Но я конечно не далъ понять, что я замѣтилъ наблюденіе. Мнѣ нечего было бояться. Я не имѣлъ сношеній съ агентурой, а потому не имѣлъ ничего противъ того, что Элеонора знаетъ, гдѣ я пью утромъ кофе, какую читаю газету, гдѣ покупаю себѣ папиросы и какъ я убиваю день, чтобы скорѣй увидѣться съ ней вечеромъ. Но что мнѣ очень понравилось, такъ это то, что моя агентура очевидно въ цѣляхъ моей охраны тоже вела за мной наблюденіе и иногда, ужиная съ Элеонорой въ ресторанѣ, я замѣчалъ вдали за столикомъ двухъ, трехъ агентовъ мирно сидящихъ за бутылкой вина. Между прочимъ мои агенты также замѣтили установленное за мной наблюденіе и въ свою очередь прослѣдили и установили связь этого наблюденія съ Элеонорой. Веселенькая жизнь!

Наконецъ приблизился день развязки. Не скрою, что за недѣлю я такъ привыкъ къ веселому и пріят-

ному обществу очаровательной Элеоноры, такъ хорошо было мнѣ, забывая весь ужасъ содержанія нашихъ отношеній, отдаваться обману этой женщины, даже зная, что все ея отношеніе ко мнѣ есть только одинъ коварный обманъ преступной женщины, — что я утромъ еще не зналъ, какъ я рѣшусь сорвать съ нея эту очаровательную маску. Я думалъ даже, нельзя ли узнать отъ нея всѣ необходимыя свѣдѣнія, выпытать отъ нея полное признаніе и цѣною ея предательства всѣхъ сообщиковъ ея спасти ее. Я думалъ также, нельзя ли это сдѣлать, заставивъ ее продолжать ея сношенія со шпіонами, но съ тѣмъ, чтобы она, продолжая фиктивно быть германской шпіонкой, продавала намъ планы нашихъ враговъ. Но я не надѣялся на свои силы и боялся провалиться. Между тѣмъ Штабъ Командующаго Черноморскимъ Флотомъ, когда Элеонора была окончательно использована, именно съ этой цѣлью отправилъ ее въ ту же Румынію, обѣщая ей большіе дары при ея возвращеніи съ новыми цѣнными свѣдѣніями по развѣдкѣ. Но Элеонора не возвратилась. Причины очевидно общія въ такой практикѣ: или она какъ арестованная Русской контръ-развѣдкой не могла уже играть прежней роли, или она боялась Россіи, не очень вѣря въ вознагражденіе за новое предательство прежнихъ друзей своихъ или ей въ Германіи заплатили больше, чѣмъ обѣщала Россія.

Я не спалъ отъ волненія всю ночь. Иногда на меня находилъ даже страхъ, что вся моя игра уже открыта, что я дѣйствовалъ неумѣло и самъ попаду въ засаду, которую думаю устроить Элеонорѣ. Кромѣ того мнѣ предстояла еще самая трудная задача: повидать главнаго нашего сотрудника, чтобы получить отъ румынскихъ властей ордеръ на арестъ Элеоноры, и предупредить агентуру. Здѣсь я легко могъ провалиться и

тогда Элеонора исчезла бы, а потому въ этомъ отношеніи мною были приняты всѣ мѣры предосторожности.

Еще не свѣтало, когда я вышелъ изъ гостинницы въ штатскомъ платьѣ съ нахлобученной на глаза мѣховой шляпой и высоко поднятымъ воротникомъ. Очень зорко оглядѣвшись прежде чѣмъ выйти изъ подъѣзда и не замѣтивъ никого, я быстро завернулъ въ первый же переулокъ. Погода мнѣ благопріятствовала, такъ какъ моросилъ мелкій холодный снѣгъ и я весь сгорбился и спрятался въ шубу. Затѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько петель, прошелъ два проходныхъ двора, долго сидѣлъ въ одномъ кафе, проѣхалъ два раза, туда и обратно, въ одномъ трамваѣ и только послѣ самыхъ вѣрныхъ испытаній убѣдившись, что наблюденія нѣтъ, рѣшился проникнуть въ квартиру сотрудника. Здѣсь я на спѣхъ отдалъ всѣ распоряженія и обо всемъ условился. Я указалъ ресторанъ, гдѣ четыре агенты должны были заблаговременно занять отдѣльный кабинетъ и ужинать въ ожиданіи моего пріѣзда съ Элеонорой. Затѣмъ въ точно условленное время мы должны были встрѣтиться въ уборной для передачи мнѣ ордера на арестъ Элеоноры. Этотъ ордеръ долженъ былъ получить у шефа полиціи мой главный сотрудникъ. Отъ него же я получилъ дополнительныя свѣдѣнія о дѣятельности Элеоноры за эти дни. Я узналъ, что Элеонора проживала въ квартирѣ румынскаго доктора, но имѣла также пристанище у бывшей любовницы австрійскаго консула въ Бухарестѣ, проживающей въ томъ домѣ, куда впервые заѣзжала со мной Элеонора. Были выяснены также другія ея связи, дальнѣйшей разработкой которыхъ должна была заняться агентура.

Я вернулся въ гостинницу съ тѣми же предосторожностями и измученный физически и нравственно по-

пробовалъ уснуть, чтобы успокоиться и собраться съ силами къ рѣшительному бою, но сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Я чувствовалъ, что у меня не хватаетъ силъ. Я выпилъ большую дозу коньяку и только послѣ этого заснулъ.

Странно, но не смотря на то, что чувства мои были возбуждены также, какъ передъ дуэлью, мнѣ приснился сонъ, совершенно выходившій изъ времени и событій моей настоящей жизни. Я былъ студентомъ и собиралъ цвѣты на полѣ съ какой-то дѣвушкой, а затѣмъ лежа на сѣновалѣ, читалъ ей стихи! И такъ тихо и спокойно было на душѣ. Я проснулся еще съ восторженной улыбкой на устахъ, какъ вдругъ сознаніе, какъ электрическій ударъ, заставило меня съ ужасомъ соскочить съ кровати. Было уже темно, но времени еще оставалось много. Я освѣжилъ голову холодной водой и не торопясь началъ приготовляться. Я потребовалъ себѣ обѣдъ въ номеръ и снова выпилъ коньяку. Нервы мои успокоились. Я чувствовалъ въ себѣ отвагу и рѣшительность, какъ боецъ, уже вступившій въ полосу огня. Я осмотрѣлъ свой револьверъ и на всякій случай безъ кабура положилъ его въ карманъ.

Въ назначенный часъ я съ автомобилемъ ждалъ Элеонору въ условленномъ мѣстѣ. Она какъ нарочно запоздала и я уже приходилъ въ отчаяніе, когда я наконецъ увидѣлъ ее. Я бросился къ ней съ восторгомъ влюбленнаго.

— Милая, прошепталъ я, какъ я измучился васъ ожидая! Я такъ страстно...

— Мой другъ, съ любовной улыбкой отвѣчала она, я не могла... если бы вы знали, какъ трудно было мнѣ уйти... за то теперь я совсѣмъ свободна!

— О какъ я счастливъ!

Боже мой! Какъ все это походило на любовное свиданіе и какъ мало было счастья. Мы пріѣхали въ гостинницу-ресторанъ и по ея желанію прошли въ него черезъ темный садъ. Роскошный номеръ съ коврами, мягкой мебелью и портьерами, скрывающими широкую кровать. Мы заказали ужинъ и шампанскаго и пили его грѣясь у горящаго камина. Мы долго мило болтали, держа другъ друга за руку.

Я жаловался ей, какъ грустно мнѣ будетъ оставлять Бухарестъ и ѣхать снова на фронтъ... Какъ мнѣ хотѣлось забыть все и жить только тѣмъ, чѣмъ я жилъ эту недѣлю!

Она низко наклонилась ко мнѣ и съ любовью смотря мнѣ въ глаза, обжигая меня своимъ горячимъ дыханіемъ, со страстью опытной куртизанки, тихо прошептала «И ты уѣдешь, если я даже буду твоей?!»

Я вырвалъ у нея свою руку и закрывъ лицо быстро прошелъ къ столу, и чтобы скрыть свое волненіе, выпилъ шампанскаго. Моментъ — и я бы повѣрилъ ей, бросилъ все и открылъ бы ей всю тайну! Но я случайно, стоя къ ней спиной, взглянулъ въ зеркало и увидѣлъ ее гордо стоящей у камина съ закинутой головой и въ ея улыбкѣ, едва уловимой, я вдругъ замѣтилъ что-то змѣиное... И это сразу меня отрезвило.

«Смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній» подумалъ я.

Пришелъ оффиціантъ и подалъ ужинъ. Я извинился и на минуту вышелъ. Я получилъ отъ сотрудника ордеръ и успокоенный вернулся въ кабинетъ. Начавъ какой-то пустой разговоръ, мы продолжали бесѣдовать въ томъ же духѣ во все время ужина. Я усердно подливалъ ей шампанское и самъ пилъ больше обыкновеннаго.

— Я не могу больше, сказала она, отодвигая бокалъ. Я буду совсѣмъ пьяна.

— Я такъ хочу! убѣждалъ я.

— Если «ты» такъ хочешь, — я пью, отвѣчала она и выпила бокалъ залпомъ.

Шампанское дѣйствовало. Мы отодвинули столъ и и сѣли вмѣстѣ на низкую кушетку. Она почти лежала облокотившись на мягкую ковровую подушку. Я обнялъ ее и тихо сталъ наклоняться, какъ бы спрашивая разрѣшенія на поцѣлуй. Она поняла меня и ждала... Я сильнѣе обнялъ ее и смѣло смотря ей въ глаза, вдругъ сказалъ ей на русскомъ языкѣ:

— Наконецъ то ты попалась красавица Элеонора! ты не уйдешь изъ моей власти и правосудіе воздастъ тебѣ по заслугамъ за твое предательство!

Эффектъ былъ такой, что даже приготовившись къ нему, я былъ пораженъ. Элеонора вскочила, какъ ужаленная змѣей. Она вскрикнула — но этимъ уже все было сказано, и она поняла, что выдала себя. Я схватилъ ее за руки и силой посадилъ вновь на кушетку.

— Сидите! сказалъ я грозно, — иначе вамъ же будетъ хуже! Слушайте меня!

Она сѣла съ застывшимъ ужасомъ на лицѣ. Губы ея тряслись также какъ и руки.

— Я очень радъ, сказалъ я, что вы понимаете по-русски. Въ Одессѣ вы знали его въ совершенствѣ и напрасно забыли его здѣсь. Я — начальникъ контръ-развѣдки. Вотъ ордеръ на вашъ арестъ. Въ сосѣднемъ кабинетѣ мои агенты... Они отправятъ васъ въ тюрьму и васъ будутъ судить въ Россіи. Но я могу еще васъ спасти!

Она посмотрѣла на меня и въ ея глазахъ мелькнула надежда.

— О нѣтъ, сказалъ я, понимая ее. Не то, что вы думаете. Вашей любви мнѣ не надо. Но вы должны открыть намъ всѣ ваши тайны, всѣ ваши связи... вы

должны покаяться во всемъ, какъ на исповѣди, только этимъ вы можете заслужить себѣ помилованье.

Она поняла, что спасеніе есть и ужасъ смѣнился просто отчаяніемъ.

— О пощадите меня! Я такъ хочу жить! плакала она. Спасите меня!

Она упала на колѣни и старалась схватить мои руки, чтобы цѣловать.

— Это зависитъ только отъ васъ! отвѣчалъ я.

— Научите, что же мнѣ дѣлать, что же мнѣ дѣлать! ломая руки и стоя на колѣняхъ въ слезахъ повторяла она.

— Я уже вамъ сказалъ — скажите всю правду. Я не жандармъ. Я офицеръ и не буду пытать васъ допросомъ, стараясь васъ сбить или поймать. Я буду откровененъ: мы знаемъ о вашей дѣятельности очень много, но еще больше вы должны намъ сказать сами. Мы знаемъ васъ давно. Знаемъ съ того времени, какъ оставивъ свою мать въ Константинополѣ торговать женщинами, вы подъ именемъ Элеоноры пріѣхали въ Одессу. Съ тѣхъ поръ вся ваша жизнь по сіе время прошла подъ нашимъ наблюденіемъ. Мы были у васъ въ салонѣ на Гаванной улицѣ. Мы ѣздили съ вами въ Кишиневъ. Мы знаемъ по какимъ паспортамъ вы проѣзжали пограничные пункты и какъ инымъ путемъ возвращались обратно. Мы слѣдовали за вами по пятамъ, мы знаемъ съ кѣмъ вы встрѣчались, кому передавали свѣдѣнія, зачѣмъ ѣздили въ Галацъ, почему находите здѣсь гостепріимство у любовницы бывшаго австрійскаго консула. Мы знаемъ всю вашу жизнь, но должны отъ васъ получить всѣ нити вашей шпіонской организаціи, мы должны въ корнѣ пресѣчь все то зло, которое вы сдѣлали, и помните, только полная правда можетъ спасти васъ. Если вы что-нибудь утаите намъ извѣстное, если

вы что-нибудь солжете, что не оправдается нашимъ разслѣдованіемъ, если пощадите хотя одного вашего сообщника — вы будете повѣшены безъ сожалѣнія!

Мнѣ кажется я былъ довольно убѣдителенъ или просто она сама сразу рѣшила сдать всѣ позиціи, но только она скоро успокоилась и стала давать мнѣ откровенное показаніе.

Свѣдѣнія, полученныя отъ нея, не дали намъ въ общемъ того, что мы ожидали. Мы опоздали! Многое стало прошлымъ, потеряло свое значеніе и имѣло только историческій интересъ! Судьба Румыніи была уже рѣшена. Макензенъ подходилъ къ Бухаресту и наша агентура уже не имѣла времени заняться дальнѣйшей разработкой ея свѣдѣній. Многое изъ ея показаній мы уже знали сами. Многое, что главнымъ образомъ интересовало насъ, она не знала сама и могла дать только общія указанія. Изъ многихъ указанныхъ ею лицъ мы арестовали только пять или шесть и то мелкихъ шпіоновъ. Даже главная ея сообщница, любовница консула, скрылась прежде, чѣмъ намъ удалось ее арестовать, а обыскъ ея квартиры не далъ никакихъ результатовъ. Очевидно арестъ Элеоноры сталъ ей извѣстенъ прежде, чѣмъ мы могли это ожидать. Все, что было цѣннаго въ ея показаніи, конечно было потомъ использовано. Ее довольно долго мучили допросами въ Одессѣ и въ Севастополѣ и конечно получили отъ нея все, что было возможно. Но къ этому мы еще вернемся.

Мы страшно измучились оба и я, закончивъ оффиціальный допросъ, предложилъ ей вновь закусить оставшимся ужиномъ и выпить еще бутылочку вина. Намъ обоимъ стало легче на душѣ, когда мы опять, какъ будто ничего не было ужаснаго, сѣли за столъ и стали мирно бесѣдовать. Не знаю, конечно, она была ужасная преступница, но мнѣ все-таки было ее жалко. Она оста-

валась очаровательной женщиной, какъ будто милой, простой, умѣющей любить и желающей только, чтобы любили ее. Какъ будто зло случайно коснулось ея. Быть можетъ это потому, что въ каждомъ преступникѣ всегда остается много другихъ чувствъ, что преступность захватываетъ только часть души человѣка,не поглащая всѣхъ остальныхъ свойствъ души его, а у женщинъ въ особенности. Въ самомъ страшномъ горѣ, человѣкъ не лишается способности временно забывать его и даже смѣяться... Такъ иногда въ домѣ покойника очень близкіе къ нему люди послѣ отчаянія и слезъ садятся за обѣденный столъ, говорятъ о самыхъ обыденныхъ вещахъ, иногда шутятъ и невольно улыбаются сквозь слезы, какъ будто покойникъ только на время ушелъ въ сосѣднюю комнату.

Такъ и мы съ Элеонорой, покончивъ ужасное дѣло, повидимому очень пріятно проводили время съ бокалами въ рукахъ въ веселомъ разговорѣ, съ улыбкой вспоминая нашу встрѣчу, взаимную игру, разныя хитрости и веселые ужины въ кабаре.

— А правда, какъ пріятно иногда поговорить порусски? шутилъ я.

— Противный! не смѣйтесь... уже весело отвѣчала она. А все-таки, вы очень славный... Мнѣ очень жаль, что вы контръ-развѣдчикъ!

— А вы очаровательная женщина и мнѣ тоже очень жалъ, что вы шпіонка!

Такъ обмѣнялись мы любезностями на этотъ разъ совершенно искренними.

Только въ три часа ночи, когда мы выпили все вино и она поняла, что все кончено, она опять пришла въ отчаяніе, какъ будто сознавая весь ужасъ своего положенія.

— Вы меня арестуете? жалобно проговорила она поднимая на меня умоляющіе глаза.

— Къ сожалѣнію, да, отвѣчалъ я, стараясь, быть мягче. Но я сдѣлаю все, чтобы вы избѣжали тягостнаго сидѣнія въ тюрьмѣ. Если вы обѣщаете мнѣ быть «паинькой» и не дѣлать никакихъ попытокъ къ бѣгству, то вы поѣдете вмѣстѣ съ моими агентами какъ свободная пассажирка въ Одессу. Не оказывайте только никакого сопротивленія, иначе конечно, придется взять васъ подъ стражу и отправить какъ арестантку подъ охраной жандармовъ.

Я посадилъ ее въ автомобиль вмѣстѣ съ двумя агентами, которые и довезли ее благополучно въ Одессу. Судьба Элеоноры продолжала интересовать меня и я былъ радъ за нее, когда узналъ, что штабъ далъ ей свободу, которой она и воспользовалась хотя и не такъ, какъ предполагалъ штабъ.

Глава III.

Дѣло Элеоноры еще разъ доказало мнѣ всю необходимость и цѣнность заграничной агентуры. Если бы еще до начала войны мы имѣли хотя въ одной Румыніи солидную агентуру, то наша работа въ Севастополѣ была бы значительно легче и быть можетъ мы могли бы предотвратить ужасную катастрофу — взрывъ броненосца Маріи въ Севастопольскому порту. Всѣ болѣе или менѣе цѣнныя свѣдѣнія мы получили отъ заграничной агентуры. Элеонора указала только незначительное число шпіоновъ, но тѣ свѣдѣнія, которыя мы отъ нея получили, дали возможность постепенно распутывать нити шпіонажа. По указанію Элеоноры мы арестовали въ Яссахъ двухъ шпіоновъ. Одинъ былъ румынъ — не болѣе и не менѣе какъ простой стрѣлочникъ на станціи

Яссы. Ни одинъ воинскій поѣздъ не прошелъ мимо его изъ Россіи въ Румынію, чтобы не быть тщательно имъ замѣченнымъ. Такимъ образомъ Германцы всегда знали о количествѣ прошедшихъ эшелоновъ. Арестованный шпіонъ въ свою очередь принужденъ былъ указать лицо, которому онъ свѣдѣнія эти передавалъ и такимъ образомъ отыскивались все новые и новые шпіоны. Все конечно заключалось въ умѣніи агентуры и требовало отъ нея большой опытности и энергіи, такъ какъ несвоевременный арестъ одного шпіона давалъ возможность другому скрыться и связь прерывалась. Наиболѣе цѣлесообразнымъ является конечно не немедленный арестъ шпіона, а постоянное за нимъ наблюденіе въ цѣляхъ установленія его связи съ цѣлой организаціей, — но это очень трудное и опасное дѣло, такъ какъ въ такомъ случаѣ съ одной стороны дѣятельность шпіона продолжается и приноситъ свой вредъ, а съ другой стороны неумѣлое наблюденіе можетъ дать возможность скрыться уже разоблаченному шпіону. Бывшія жандармскія управленія въ политическомъ розыскѣ придерживались преимущественно такой практики. Тамъ «ликвадація» производилась только послѣ установленія связи между значительнымъ числомъ членовъ организаціи или даже по выясненіи всѣхъ членовъ ея. Но въ политическомъ розыскѣ дѣло могло терпѣть, а въ борьбѣ съ шпіонажемъ каждый пропущенный день могъ принести большой вредъ. Другой шпіонъ, указанный Элеонорой, былъ грекъ, окончившій школу шпіонажа въ Бухарестѣ. По занятію своему онъ былъ торговецъ. Когда то жилъ въ Одессѣ и торговалъ тамъ (какъ полагается) губками. Онъ направлялся въ Одессу, но почему то задержался въ Яссахъ. При обыскѣ ничего уличающаго его въ шпіонажѣ не было найдено и на допросѣ онъ давалъ такіе положительные отвѣты, что могло возникнуть даже по-

дозрѣніе въ правильности изобличенія его Элеонорой. Но мы знали его «явку», т. е. доказательство его принадлежности къ извѣстной организаціи при явкѣ его къ лицу, къ которому онъ имѣлъ порученіе. Явка эта — былъ кусочекъ обыкновеннаго карандаша, сломаннаго по серединѣ надписи фабричной марки. Карандашъ былъ сломанъ неаккуратно. Шпіонъ направлялся въ Одессу къ греку, уже извѣстному намъ по наблюденію за Элеонорой, у котораго должна была быть другая половина того же карандаша. Обѣ половинки при соединеніи должны были совпасть обломанными концами и возстановить карандашъ и надпись. Только послѣ того, какъ мы нашли этотъ кусочекъ карандаша подъ переплетомъ его записной книжки, мы доказали ему его виновность. Грекъ сдался, когда убѣдился, что его выдали.

Этотъ шпіонъ могъ быть обвиненъ только въ подготовленіи къ шпіонажу, а не въ самомъ преступленіи, и потому быть можетъ разоблаченный въ самомъ началѣ своей дѣятельности онъ не только признался во всемъ, но даже какъ будто съ облегченной душой сталъ сбрасывать съ себя тяжесть тайны и опасности, которой онъ подвергался. Его показаніе не лишено интереса.

Когда онъ впервые попалъ по службѣ своей въ цѣпкія руки германскаго маіора, онъ былъ пораженъ щедростью, съ которой нѣмцы оплачиваютъ работу по шпіонажу. Маіоръ удовлетворился его словеснымъ согласіемъ работать по развѣдкѣ и далъ ему не сложное порученіе съѣздить въ Жмеринку и прослѣдить количество проходящихъ въ сутки черезъ Жмеринку воинскихъ эшелоновъ, а также на сколькихъ быкахъ стоитъ желѣзнодорожный мостъ. Послѣ этого Маіоръ выдвинулъ ящикъ письменнаго стола полный русскими и румынскими деньгами и взявъ громадную пачку, не счи-

тая, передалъ ему. «Я былъ въ очень тяжеломъ положенiи. Денегъ не хватало даже на ѣду, а тутъ сразу куча денегъ, признавался онъ. Но деньги все же меня не подкупили. Я двѣ недѣли скрывался въ Яссахъ и съ легкостью потратилъ полученные деньги. Тогда я снова явился къ маiору и разсказалъ ему все то, что пришло мнѣ въ голову какъ наиболѣе вѣроятное. Нѣмецъ долго слушалъ меня молча, а когда я кончилъ, онъ снова открылъ ящикъ съ деньгами и доставъ на этотъ разъ пачку денегъ вдвое больше, далъ мнѣ, прибавивъ очень немногое: «Не совсѣмъ вѣрно. Поѣзжай еще разъ и посмотри лучше.» Я соблазнился легкостью заработка и дѣйствительно съѣздилъ въ Жмеринку, сосчиталъ быки желѣзнодорожнаго моста, но сколько проходило эшелоновъ, какiе полки и какъ опредѣлить ихъ численность не зналъ и откровенно разсказалъ маiору все что видѣлъ, но самъ понималъ, что мои свѣдѣнiя не могли его удовлетворить. Однако онъ былъ очень доволенъ, далъ мнѣ еще денегъ и отправилъ меня въ Бухарестъ въ школу шпiоновъ».

По окончанiи онъ долго проживалъ въ Бухарестѣ и только недавно получилъ назначенiе ѣхать въ Одессу съ цѣлью наблюденiя за движенiемъ судовъ въ Одесскомъ порту. Всѣ дальнѣйшiя инструкцiи онъ долженъ былъ получить у одного грека. Одна женщина въ черномъ дала ему полное описанiе этого грека и мѣста, гдѣ онъ можетъ его найти. Явиться къ нему онъ долженъ былъ съ означеннымъ выше карандашемъ, который дала ему таже дама. (Элеонора).

Онъ зналъ, что двое изъ его группы были направлены въ Николаевъ и одинъ въ Очаковъ. Послѣ вполнѣ откровенныхъ его признанiй можно было повѣрить ему, что онъ зналъ только ихъ вымышленную кличку и могъ дать намъ только подробное описанiе ихъ внѣшности.

Самые тщательные розыски ихъ въ Николаевѣ и въ Очаковѣ никакого результата не дали. Очень интересные свѣдѣнія онъ далъ намъ о школѣ шпіоновъ, но все это относилось къ тому времени, когда Румынія еще не выступила на сторонѣ Россіи, а въ остальномъ его показанія сходились съ объясненіями Элеоноры и уже разрабатывались нашей агентурой въ Бухарестѣ.

———

Предоставивъ нашей агентурѣ дальнѣйшую разработку полученныхъ отъ Элеоноры и арестованныхъ по ея указанію въ Бухарестѣ и Яссахъ шпіоновъ свѣдѣній, я самъ выѣхалъ въ Галацъ на свиданіе съ однимъ изъ главныхъ нашихъ заграничныхъ агентовъ. При его содѣйствіи контръ-развѣдкѣ удалось захватить одинъ большой турецкій транспортъ съ изюмомъ, шапталой и прочими восточными пряностями на нѣсколько тысячъ рублей. Собственно говоря, это не былъ захватъ, такъ какъ турецкій капитанъ транспорта по соглашенію съ нашимъ агентомъ самъ привелъ свой пароходъ въ Севастополь, заранѣе выговоривъ себѣ за это вознагражденіе въ 350 тысячъ рублей. Нашъ миноносецъ только вышелъ къ нему навстрѣчу, инсценируя захватъ. Турку конечно на половину надули, дали, кажется, только 150 тысячъ рублей, но онъ былъ и этимъ очень доволенъ и долгое время жилъ въ Севастополѣ, пьянствуя и дебоширя до такой степени, что его пришлось удалить въ болѣе отдаленныя мѣста. Громадное турецкое судно было занесено въ число трофеевъ Черноморской Эскадры. Изюмъ же, орѣхи и рахатъ-лукумъ ѣлъ кажется весь Севастополь на началахъ близкихъ къ простому расхищенію.

Этотъ агентъ имѣлъ большія связи и свою собственную агентуру. Мы получили отъ него всегда болѣе

или менѣе цѣнныя свѣдѣнія. Онъ брался теперь создать въ Турціи такую развѣдку, что обезпечивалъ даже поимку Гебена. Ему можно было повѣрить, такъ какъ это былъ дѣйствительно большой интернаціональный плутъ. Звали его Эксерджіанъ. Прежде всего это былъ аристократъ. Представительная обворожительная внѣшность вполнѣ гармонировала съ изысканностью его костюма и манеръ. Онъ говорилъ кажется на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, объѣздилъ всѣ страны и былъ въ курсѣ политическихъ интересовъ всей Европы. Онъ былъ турецко-подданнымъ, имѣлъ въ Турціи большія связи и одно время игралъ крупную роль въ политической жизни своей страны. По его словамъ онъ сталъ жертвой какой-то ужасной интриги и потерялъ все свое милліонное состояніе. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ ненавидѣть Турцію и быть ея «заклятымъ врагомъ». «Я готовъ мстить ей всю свою жизнь, говорилъ онъ мнѣ съ пафосомъ, я готовъ продать всю Турцію за полушку!» И онъ дѣйствительно ее продавалъ, но только не за полушку, а за десятки тысячъ, которыя умѣлъ довольно скоро проживать. Лгалъ онъ конечно много, но всегда со смысломъ и интересомъ. Онъ развивалъ мнѣ грандіозный планъ организаціи всемірной контръ-развѣдки. Онъ могъ дать агентуру въ Турціи, Австріи, Германіи, Швеціи, Италіи, Америкѣ и даже на Сандвичевыхъ островахъ. Онъ умѣлъ говорить такъ увлекательно и съ такимъ очевиднымъ знаніемъ дѣла, что я и сейчасъ не могу не согласиться, что онъ во многомъ былъ правъ, развивая теорію борьбы по шпіонажу. Все дѣло конечно было въ денежныхъ средствахъ. Съ деньгами онъ брался овладѣть всей Турціей (Гебенъ и Бреслау шли намъ въ придачу).

— Не пушки возьмутъ Дарданеллы, закончилъ онъ патетически, а мы съ вами!

Къ сожалѣнію на это надо было имѣть милліоны и громадное къ нему довѣріе въ смыслѣ распоряженія этими милліонами. А у меня не было ни того, ни другого. Его поѣздки въ Турцію, несомнѣнныя тамъ связи, наконецъ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ умудрялся доставать намъ — все это доказывало, что онъ пользуется какими то особыми правами и довѣріемъ у турецкаго правительства. На территоріи же Румыніи онъ тоже пользовался особыми правами, какъ секретный сотрудникъ контръ-развѣдки. Онъ покупалъ у насъ довѣріе къ нему, продавая Турцію, и вѣроятно пользовался довѣріемъ Турціи, продавая Россію. Онъ торговалъ, какъ говорятъ, на обѣ лавочки. Это былъ своего рода Азефъ по шпіонажу. Все заключалось въ томъ, чтобы купить у него больше, чѣмъ онъ могъ продать за нашъ счетъ. Но я думаю, что лучше всего вовсе не пользоваться услугами такихъ Азефовъ, какъ бы они не были заманчивы. Не знаю, какъ въ политическомъ розыскѣ смотрѣли на работу провокаторовъ послѣ исторіи Азефа, когда провокація его дошла даже до совершенія террористическаго акта — убійства В. К. Сергѣя Михайловича, но думаю, что въ борьбѣ съ шпіонажемъ пользоваться ихъ услугами еще опаснѣе.

Румынскій министръ внутреннихъ дѣлъ П., когда я доставалъ у него разрѣшеніе для Эксерджіана на право жительства въ Яссахъ, очень убѣждалъ меня не довѣряться Эксерджіану и прежде всего арестовать его самого, какъ шпіона.

Эксерджіанъ при свиданіи со мной настаивалъ между прочимъ на томъ, чтобы я далъ ему разрѣшеніе пріѣхать въ Севастополь для личнаго доклада его проекта объ организаціи заграничной агентуры. Онъ долго убѣждалъ меня въ интересахъ дѣла скорѣй при его участіи рѣшить всѣ важные вопросы. Очевидно, ему не

только хотѣлось, но и крайне необходимо было пробраться въ Севастополь, но я категорически отказалъ ему въ этомъ. Мы разстались съ Эксерджіаномъ не совсѣмъ довольные другъ другомъ (онъ, конечно, болѣе, чѣмъ я). Но мы условились скоро встрѣтиться, а кушъ денегъ, который я ему передалъ, до извѣстной степени его успокоилъ.

У меня было еще одно дѣло въ Галацѣ. Румынскими властями были арестованы по обвиненію въ шпіонажѣ два русскихъ матроса съ Потемкина. Они сами изъявили желаніе дать весьма важныя показанія, но просили почему то русскаго офицера. Я допрашивалъ ихъ въ тюрьмѣ.

Показанія ихъ были однородны. Они оба участвовали въ возстаніи Потемкина и съ тѣхъ поръ проживали въ Румыніи политическими эмигрантами. Жизнь ихъ была на столько тяжела, желаніе вернуться на родину на столько сильно, что они не разъ уже хотѣли отдаться въ руки правосудія, лишь бы покончить жизнь скитальничества. Съ начала войны они неоднократно возбуждали ходатайство о помилованіи, изъявляя свою готовность поступить въ дѣйствующую армію. Результатъ этихъ ходатайствъ былъ довольно неожиданный. Къ нимъ пріѣхалъ русскій жандармъ и обѣщалъ имъ устроить разрѣшеніе вернуться на родину, если они возьмутся тайнымъ образомъ провести въ Тирасполь динамитъ, который они получатъ отъ австрійскаго консула въ Галацѣ. Жандармъ объяснилъ имъ, что динамитъ этотъ предназначенъ австрійцами для взрыва желѣзнодорожнаго моста черезъ Днѣстръ, но что русскія власти вслѣдствіе нейтралитета Румыніи не могутъ арестовать здѣсь, въ Галацѣ, замѣшаннаго въ это дѣло

австрійскаго консула и предполагаютъ захватить только динамитъ на русской территоріи. Этому разсказу они не повѣрили, но рѣшили согласиться, чтобы раскрыть тайну этого дѣла, рѣшивъ заранѣе дѣйствовать съ осторожностью. Жандармъ привелъ ихъ къ румыну, которому сказалъ: «они согласны, дѣйствуйте». Румынъ повелъ ихъ къ другому румыну, служившему въ префектурѣ, который объяснилъ имъ, что черезъ нѣсколько дней ихъ предупредятъ, и далъ немного денегъ. Русскаго жандарма они больше не видѣли. Всѣ переговоры они вели уже съ послѣднимъ румынскимъ полицейскимъ. Черезъ нѣсколько дней ихъ дѣйствительно вызвали и повели на какую-то частную квартиру, гдѣ ихъ встрѣтилъ секретарь австрійскаго консула и условился съ ними какъ и гдѣ они получатъ динамитъ и кому должны передать его. Австріецъ объяснилъ имъ, что въ предѣлахъ Румыніи они могутъ быть совершенно спокойны, такъ какъ ихъ будутъ «охранять» всю дорогу и помогутъ переѣхать границу, послѣ чего они должны быть очень осторожными и точно исполнять тѣ предписанія, которыя они получатъ уже въ пути. Въ ту же ночь ихъ провели въ подвалы австрійскаго консульства, и тотъ же австріецъ выдалъ имъ ящикъ динамита, документы на проѣздъ и деньги.

Получивъ динамитъ, они благополучно довезли его до Яссъ, всю дорогу думая, на что имъ рѣшиться: Русскому жандарму они не вѣрили и были убѣждены, что онъ самъ же ихъ арестуетъ какъ шпіоновъ съ динамитомъ, лишь только они переѣдутъ русскую границу. Самое простое, казалось имъ, бросить свой опасный багажъ и самимъ скрыться съ полученными деньгами на любой станціи не доѣзжая границы, но за ними велось строгое наблюденіе при участіи опять таки того же самаго полицейскаго румына. Послѣ нѣкоторыхъ коле-

баній они рѣшили въ Яссахъ заявить обо всмъ румынскимъ властямъ, думая, что этимъ они заслужатъ себѣ даже награду. Но дѣло повернулось для нихъ хуже, чѣмъ они предполагали. Ихъ арестовали, динамитъ отобрали, а самихъ препроводили обратно въ Галацъ, гдѣ послѣ нѣсколькихъ допросовъ освободили, но запретили выѣзжать изъ Галаца.

«Мы жили все время, говорили они, въ ужасномъ страхѣ. Пріѣзжалъ къ намъ русскій жандармъ и грозилъ насъ разстрѣлять. Румынъ, служившій въ префектурѣ, дѣлалъ намъ всякія пакости. Австрійскіе шпіоны знали насъ и мы могли ожидать ихъ мести за провалъ ихъ намѣренія. А потому, мы были рады, когда Румынія вступила въ войну и насъ опять арестовали, какъ шпіоновъ.»

Дополнительно къ сей забавной, въ своемъ конечно родѣ, исторіи матросы увѣряли, что хотя Румынія и является сейчасъ союзницей Россіи, но что она вся на сторонѣ Германіи и всѣ власти проданы ей. Шефъ полиціи въ гор. Галацѣ положительно преслѣдовалъ русскихъ. Начальникъ тюрьмы еще при первомъ ихъ арестѣ открыто ругалъ ихъ сволочью за то, что они отказались взорвать мостъ и во все время заключенія его отношеніе къ нимъ было ужасное.

Ихъ показаніе во многомъ подтвердилось дальнѣйшей агентурной развѣдкой. Русскій жандармъ конечно обнаруженъ не былъ и его участіе въ настоящемъ дѣлѣ не вполнѣ выяснилось. Былъ ли это дѣйствительно жандармъ, усвоившій изъ своей предыдущей практики всѣ выгоды провокаціи, и въ цѣляхъ полученія награды самъ способствовалъ австрійскимъ и румынскимъ шпіонамъ, чтобы самому и поймать ихъ на мѣстѣ преступленія, или это былъ просто шпіонъ, предпочитающій, чтобы рискъ несли другіе, а на его долю оставались только

барыши — сказать трудно. Но вообще сообщничество австрійскаго консула, румынскихъ полицейскихъ чиновъ и русскаго жандарма — путанная исторія и могла имѣть мѣсто только при двойственной политикѣ, которую вела Румынія. Дѣйствительно продажная страна и еще до войны деморализованная съ верху до низу.

Глава IV.

Въ началѣ 7-го часа утра, когда я уже проснулся, но еще лежалъ въ кровати, я вдругъ услышалъ глухой ударъ, легкое содроганіе всего дома и дребезжаніе стеколъ. Первая моя мысль была о землетрясеніи, потомъ о взрывѣ пороховыхъ складовъ. Я подбѣжалъ къ окну и увидѣлъ надъ Севастопольской бухтой столбъ дыма и громадную черную тучу, повисшую надъ городомъ. Я не успѣлъ еще одѣться, какъ меня увѣдомили по телефону, что въ бухтѣ, стоя на якорѣ, взорвался броненосецъ «Маріи» и что всѣ власти выѣхали на мѣсто катастрофы. Я тотчасъ же побѣжалъ на Графскую пристань и выѣхавъ на катерѣ увидѣлъ ужасную картину. Дымъ еще не вполнѣ разсѣялся. По всей бухтѣ плавали щепы разбитаго корабля. Броненосецъ уже лежалъ на боку, а кругомъ барахтались въ водѣ окровавленные истерзанные люди. Всюду разносились душераздирающіе крики. Нѣсколько катеровъ спасали утопающихъ. Адмиралъ Колчакъ былъ уже тамъ. Броненосецъ продержался еще нѣкоторое время, затѣмъ съ грохотомъ перевернулся килемъ вверхъ и медленно погрузился въ воду. Все было кончено! Красы Черноморскаго Флота не стало! «Марія» погибла.

При этой ужасной катастрофѣ погибло болѣе четырехсотъ человѣкъ и около семисотъ было ранено,

Всѣ госпитали были переполнены. Весь Севастополь одѣлся въ трауръ.

Образованная особая коммиссія немедленно же приступила къ разслѣдованію причинъ катастрофы. Контръ-развѣдывательное отдѣленіе съ своей стороны старалось освѣтить это кошмарное происшествіе. Изъ допроса почти всѣхъ оставшихся въ живыхъ матросовъ картина катастрофы выяснилась достаточно ясно. Въ пороховомъ погребѣ подъ носовой башней сначала стало что-то горѣть. Поднявшіеся снизу въ башенное отдѣленіе дымъ и газы надули чахлы пушекъ. Пробили тревогу и команда спѣшно начала развертывать пожарные шланги. Скоро послѣдовавшій небольшой взрывъ обнаружилъ огонь, но никакой попытки затушить огонь сдѣлать не успѣли, такъ какъ почти сейчасъ же послѣдовалъ страшный взрывъ всего порохового погреба. Къ сожалѣнію наиболѣе цѣнные свидѣтели, а именно тѣ, кто былъ ближе всего къ мѣсту взрыва — конечно погибли. Всѣ же другіе матросы, находившіеся въ моментъ катастрофы на другомъ концѣ броненосца и потому менѣе пострадавшіе, не смотря на желаніе дать болѣе или менѣе опредѣленное показаніе, такъ какъ, видимо вопросъ о причинахъ гибели броненосца всѣхъ ихъ глубоко интересовалъ, — ничего цѣнного дать не могли. Выяснить отъ какой именно причины произошелъ взрывъ, есть-ли это просто несчастный случай или умышленное преступленіе — къ сожалѣнію не удалось. Виновниковъ не нашли. Быть можетъ ихъ не было, быть можетъ они погибли. Море похоронило эту тайну. Слѣдствіе однако выяснило, что доступъ на броненосецъ посторонняго лица не былъ обставленъ достаточными мѣрами предосторожности. На «Маріи» происходили постоянныя ремонтныя работы. Ежедневно въ 7 часовъ утра къ «Маріи» подходилъ катеръ и привозилъ пор-

товыхъ рабочихъ разныхъ спеціальностей. Количество ихъ опредѣлялось извѣстнымъ нарядомъ, но строгой провѣрки ихъ при входѣ на броненосецъ не производилось. Никакой поименной переписи ихъ не было. Кто именно изъ рабочихъ попадалъ въ тотъ или иной день въ нарядъ — не было извѣстно. Записи не велось и рабочіе попадали какъ случалось. Мастера приходили со своими инструментами и свертками, въ которыхъ приносили себѣ обѣдъ. Никто при этомъ ихъ не осматривалъ и по окончаніи работъ численность уѣзжающихъ на берегъ не провѣрялась. Иногда нѣкоторые рабочіе оставались на ночь и размѣщались на ночлегъ гдѣ имъ вздумается безъ особаго надъ ними надзора.

При такихъ порядкахъ нельзя было выяснить даже того, кто именно работалъ наканунѣ взрыва и всѣ-ли рабочіе на ночь съѣхали съ корабля. Такъ одинъ матросъ показалъ, что выйдя изъ кубрика около часу ночи и направляясь въ уборную, онъ встрѣтилъ въ темномъ корридорѣ двухъ рабочихъ съ фонаремъ, но не обратилъ на это особаго вниманія, такъ какъ рабочіе очень часто оставались на ночныя работы. Судя по этому показанію любой рабочій могъ незамѣченнымъ остаться на ночь на броненосцѣ и свободно ходить куда ему вздумается.

Конечно проникнуть въ пороховой погребъ, оставаясь незамѣченнымъ, не представлялось возможнымъ, но при работахъ въ кубрикахъ или въ нижнемъ башенномъ помѣщеніи спустить какой либо предметъ чрезъ вентиляторы — было не трудно.

Много было также обращено вниманіе на то, не произошелъ-ли взрывъ отъ причины, лежащей въ составѣ снарядовъ, вслѣдствіе не достатоточно еще изслѣдованныхъ болѣзней взрывчатаго вещества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ быть только одинъ: «возможно!»

Арестъ цѣлаго ряда рабочихъ, сдѣланный такъ сказать больше для порядка, и допросъ ихъ, конечно никакихъ результатовъ не далъ, да и не могъ дать. Особая слѣдственная коммиссія, на основаніи весьма обширнаго но и весьма нецѣннаго матеріала, вынесла свое постановленіе, которое и надо было ожидать, но которое конечно никого не могло удовлетворить, а именно, что взрывъ произошелъ вѣроятно отъ самовозгоранія пороха по неизслѣдованнымъ причинамъ, но однако возможно и предположеніе о наличіи злоумышленія.

И такъ, допускалась мысль и о возможности дѣйствія злого умысла! Возможно! Короткое слово, но какимъ ужасомъ вѣетъ отъ него въ данной катастрофѣ! И если къ ужасу всей Россіи лучшій броненосецъ дѣйствительно погибъ отъ руки шпіона, то не лучше-ли было дать хотя бы завѣдомому провокатору Эксерджіану миллiонъ, но предупредить гибель броненосца и тысячи человѣческихъ жертвъ? И если одинъ человѣкъ могъ взорвать броненосецъ, то не могли-ли и «мы съ Эксерджіаномъ», какъ онъ говорилъ, взять Дарданеллы? Тутъ есть надъ чѣмъ подумать. Но объ этомъ нужно было думать раньше, а не тогда, когда Черное море похоронило въ своихъ водахъ опору и красу Черноморскаго Флота и навѣки покрыло холодными волнами тайну его гибели.

Глава V.

Я получилъ новую командировку и ночью садился на миноносецъ, отходящій въ Сулинъ, когда Начальникъ контръ-развѣдки по секрету сообщилъ мнѣ, что только что получена телеграмма объ отреченіи отъ престола Императора Николая II и о захватѣ власти Временнымъ Правительствомъ. По приказу Командующаго Черно-

морскимъ Флотомъ строжайше запрещалось разглашеніе настоящаго сообщенія до выясненія подробностей и степени достовѣрности государственнаго переворота. Согласно сдѣланнаго распоряженія на это время была задержана вся почтовая и телеграфная корреспонденція. Однако я былъ уполномоченъ секретно предупредить объ этомъ Начальника Морской Обороны Устья Дуная адмирала Ф. въ Сулинѣ, куда я ѣхалъ.

Сулинъ прескверный городишка. Одна набережная вдоль мутнаго канала, да нѣсколько старыхъ развалившихся домовъ. Ежедневно прилетавшіе германскіе аэропланы разрывными бомбами продолжали ихъ естественное разрушеніе.

Съ тяжелымъ настроеніемъ я медленно шелъ по набережной и уныло озирался на пустынныя улицы, когда мое вниманіе было обращено на странное поведеніе матросовъ. Всѣ они почему то быстро сворачивали съ набережной и прятались по дворамъ. Я съ тревогой посмотрѣлъ на небо, ожидая увидѣть германскій аэропланъ, но ничего кругомъ на чистомъ небѣ угрожающаго жизни не было. Я заинтересовался, свернулъ съ набережной и подойдя къ двумъ матросамъ, прятавшимся подъ воротами, спросилъ ихъ о причинѣ ихъ паники.

— Адмиралъ идетъ! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, такъ что же? спросилъ я недоумѣвая.

Матросы замялись.

— Почему же вы прячетесь?

— Суровъ... сильно строгъ...

Однако, подумалъ я. Должно быть не въ мѣру строгій адмиралъ! Какъ-то онъ отнесется къ государственному перевороту?

Я явился къ нему нѣсколько позже въ Штабъ тоже съ небольшимъ страхомъ и объяснилъ ему цѣль своей командировки: въ Сулинѣ, завѣдующимъ контръ-раз-

вѣдывательнаго пункта былъ капитанъ П. Адмиралъ жаловался намъ на крайне безпокойный его характеръ и просилъ, если возможно, или успокоить его или замѣнить кѣмъ либо инымъ. Капитанъ П. дѣйствительно забрасывалъ адмирала донесеніями и жалобами на румынъ въ такомъ количествѣ, что по словамъ адмирала, ему ничего не оставалось дѣлать, какъ заниматься только этими донесеніями. Капитанъ П. смотрѣлъ на всѣхъ румынъ, какъ на предателей и шпіоновъ, и настаивалъ на арестѣ чуть ли не всѣхъ находящихся въ Сулинѣ румынскихъ властей. Не встрѣчая въ этомъ отношеніи со стороны адмирала надлежащаго сочувствія, онъ находилъ нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что самъ лично ругался со всѣми румынами, въ глаза называлъ ихъ предателями, иногда положительно съ ними дрался, помимо адмирала арестовалъ нѣсколько должностныхъ лицъ и адмиралу волей-неволей приходилось вмѣшиваться въ исторіи, чтобы не создать серіознаго конфликта.

Капитанъ П. съ своей стороны жаловался мнѣ на адмирала, упрекая его въ бездѣятельности и попустительствѣ. По его убѣжденію онъ велъ самую правильную атаку противъ шпіоновъ, которыми по его мнѣнію были всѣ находящіеся въ Сулинѣ румыны.

— Это все такіе мерзавцы, увѣрялъ онъ меня, что что ихъ нужно просто разстрѣливать. Всѣ они продались германцамъ и продаютъ не только Россію, но и свою Румынію. Клянусь вамъ, русскіе шлютъ войска для защиты Румыніи, а они продали весь свой хлѣбъ и Бухарестъ Макензену!

Я многое уже зналъ о Румыніи и въ жалобахъ Капитана нашелъ много основательной правды, но помочь ему къ сожалѣнію не могъ.

Когда я объявилъ адмиралу, что по распоряженію Начальника контръ-развѣдки капитанъ П. переводится

въ Измаилъ, а на его мѣсто будетъ назначенъ болѣе умѣреннаго направленія, адмиралъ очень обрадовался. Затѣмъ я сообщилъ ему о совершившемся государственномъ переворотѣ.

Что чувствовалъ и переживалъ при этомъ адмиралъ — сказать трудно, но внѣшне онъ принялъ извѣстіе довольно спокойно.

Я оставался въ Сулинѣ нѣсколько дней и мнѣ пришлось познакомиться съ адмираломъ немного ближе. Какъ мое первое впечатлѣніе, такъ и все мое дальнѣйшее знакомство съ нимъ, совершенно не соотвѣтствовало тому представленію, какое я могъ составить о немъ по своему наблюденію за разбѣгавшимися отъ него матросами. Это былъ на рѣдкость любезный и обходительный человѣкъ и начальникъ. А въ обществѣ онъ былъ просто незамѣнимый въ смыслѣ умѣнія поднять общее настроеніе и веселье. Интересно, что уже много позже, при оккупаціи Одессы французскими войсками, когда адмиралъ Ф. былъ Командиромъ Корпуса Морской Обороны, а я офицеромъ его Штаба, онъ какъ-то вспомнилъ мой пріѣздъ въ Сулинъ и сознался, что въ то время былъ убѣжденъ, что я пріѣхалъ съ спеціальной цѣлью, вести за нимъ наблюденіе. Конечно въ задачи контръ-развѣдки входило наблюденіе рѣшительно за всѣми, но я не знаю, какія основанія были у адмирала, такъ понять мою командировку. Помню еще одинъ такой же случай. Въ 1917 году, когда я былъ начальникомъ контръ-развѣдки Николаевскаго раіона, ординарецъ командира Николаевскаго Порта, Адмирала П., очень часто приходилъ ко мнѣ въ отдѣленье, чтобы принести мнѣ приказы и казенные пакеты или взять ихъ у меня для отправки въ Севастополь. Это убѣдило адмирала П. въ томъ, что его ординарецъ состоитъ у меня тайнымъ агентомъ и даетъ мнѣ о немъ секретныя

свѣдѣнія. Какъ-то полу-шутя полу-серіозно онъ объявилъ мнѣ, что онъ рѣшительно ничего не имѣетъ противъ этого. Я конечно постарался разубѣдить его.

Изъ этого я вывожу, что контръ-развѣдку боялись не только германскіе шпіоны, но и русскіе адмиралы, — боюсь только, что какъ тѣ, такъ и другіе недостаточно основательно.

Изъ Сулина я проѣхалъ на нѣсколько дней въ Килію, чтобы содѣйствовать нашему чиновнику для порученій организовать тамъ контръ-развѣдку и заставить его быть болѣе дѣятельнымъ. Въ противоположность капитану П., этотъ чиновникъ относился къ своему назначенію очень пассивно, будучи убѣжденъ, что шпіоны сотнями переходятъ границу и что никакая контръ-развѣдка тутъ ничего не сдѣлаетъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно солидаренъ съ мнѣніемъ адмирала Т., который, въ образованной мною въ гор. Николаевѣ коммиссіи по выработкѣ чрезвычайныхъ мѣръ охраны Николаевскихъ Судостроительныхъ Заводовъ, категорически мнѣ заявилъ, что принятіе какихъ либо мѣръ въ этомъ отношеніи совершенно безполезно, такъ какъ все равно, что нѣмецъ захочетъ, то и сдѣлаетъ.

Но нашъ чиновникъ всетаки кое-что сдѣлалъ. Онъ завелъ въ городѣ двѣ конспиративныя квартиры, гдѣ собиралъ своихъ агентовъ, приглашалъ дѣвицъ и вмѣстѣ съ ними пьянствовалъ, а послѣ отправлялся съ охотниками въ дунайскіе камыши и тамъ выслѣживалъ и подстрѣливалъ шпіоновъ, какъ утокъ.

Мнѣ пришлось закрыть конспиративныя квартиры, въ одной изъ которыхъ я даже нашелъ двухъ якобы временно поселившися дѣвицъ, и прекратить своеобразную охоту, устроивъ съ согласія военныхъ властей, постоянные воинскіе пикеты. Послѣ этого чиновникъ окон-

чательно разочаровался въ контръ-развѣдкѣ и скоро самъ просилъ разрѣшенія сдать должность и пріѣхать въ Севастополь.

Изъ Киліи я пріѣхалъ въ Измаилъ, гдѣ во главѣ контръ-развѣдки уже стоялъ переведенный изъ Сулина капитанъ П. Здѣсь онъ, можно сказать, благодушествовалъ. По свѣдѣніямъ агентуры дѣйствительно черезъ Дунай подъ видомъ бѣженцевъ изъ завоеванныхъ уже нѣмцами мѣстностей (въ то время нѣмцы подошли къ Дунаю и обстрѣливали Галацъ) въ Измаилъ просачивалась масса шпіоновъ и агитаторовъ. Воинскія части задерживали въ камышахъ Дуная всѣхъ безъ разбора и приводили къ нему цѣлыми партіями въ 30—40 человѣкъ. Какъ разобрать въ этой толпѣ, кто изъ нихъ дѣйствительно бѣженецъ, кто шпіонъ, — мнѣ казалось совершенно невозможнымъ. Но капитанъ П. былъ убѣжденъ, что нѣтъ ничего легче этого. «Шпіона по рожѣ видать», увѣрялъ онъ меня. Рожа, конечно рожей! Но какой то агентъ, бывшій приставъ въ Измаилѣ, разжалованный революціей, убѣдилъ его, что германцы своимъ шпіонамъ для безпрепятственнаго ихъ возвращенія черезъ фронтъ, ставятъ на зад-цѣ особыя клейма, которыя онъ якобы самъ видѣлъ у нѣкоторыхъ сознавшихся шпіоновъ. Капитанъ П. повѣрилъ этой чепухѣ и потому смотрѣлъ не только рожу но и зад-цу, отыскивая на ней эту своеобразную визу. Я очень смѣялся, но не мѣшалъ ему въ этомъ развлеченіи.

———

Случилось такъ, что я былъ еще въ Измаилѣ, когда туда пріѣхалъ адмиралъ Ф., получившій новое назначеніе. Увидя снова меня, онъ вѣроятно окончательно убѣдился, что я слѣжу за нимъ, а потому, какъ мнѣ теперь кажется послѣ его признанія, постарался

ускорить мой отъѣздъ въ Севастополь. Онъ сообщилъ мнѣ, что имѣетъ весьма срочные секретные пакеты на имя Командующаго Черноморскимъ Флотомъ и просилъ меня какъ можно скорѣе доставить ихъ по назначенію, для чего предложилъ мнѣ воспользоваться отходящимъ по прямому рейсу въ Севастополь миноносцемъ.

Такъ какъ мнѣ самому нечего было дѣлать больше въ Измаилѣ и хотѣлось къ Пасхѣ вернуться домой, то я конечно воспользовался этимъ случаемъ и на другой же день былъ уже въ Севастополѣ.

Глава VI.

Адмиралъ Колчакъ конечно поступилъ правильно, съ должной осторожностью, что до полнаго выясненія происшедшаго въ Петроградѣ государственнаго переворота, не огласилъ сейчасъ же полученныхъ имъ свѣдѣній и такимъ образомъ заставилъ весь Севастополь и Черноморскій Флотъ прожить лишнихъ два дня монархіи. Однако впослѣдствіи это было поставлено ему въ вину.

Революція, встрѣченная съ большимъ восторгомъ и вѣрою въ новую свѣтлую эру исторіи Россіи, не отразилась въ Севастополѣ какими либо замѣтными потрясеніями. Я бы сказалъ даже, что въ Севастополѣ революція не внесла даже значительныхъ измѣненій. Все остолось какъ-бы по прежнему. Образовавшійся Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ поражалъ своей лойяльностью и къ нему относились съ должнымъ довѣріемъ. Никакихъ эксцессовъ съ его стороны не было и сотрудничество съ нимъ считалось не только возможнымъ, но и желательнымъ. Но было одно обстоятельство, которое смущало очень многихъ. Смущалъ составъ Временнаго

Правительства. Всѣ казалось ожидали, что послѣ свер- женія монархіи во Временное Правительство должны войти люди облиценные высшей степенью народнаго до- вѣрія, такъ сказать общественные кумиры, а не случай- ные люди, захваченные народной стихіей и какъ мыль- ные пузыри, вынесенные на поверхность. Въ особенно- сти изумляло и даже просто возмущало участіе въ Пра- вительствѣ плохенькаго и мало извѣстнаго адвоката А. Ф. Керенскаго. Послѣдствія показали, что возмущеніе это имѣло основанія.

Революція въ дѣятельности контръ-развѣдки вне- сла нѣкоторыя измѣненія. Совѣтъ Рабочихъ Депута- товъ вначалѣ имѣлъ очень смутное представленіе о контръ-развѣдкѣ и потому естественно обрушился на нее, смѣшивая ее просто съ охраннымъ отдѣленіемъ. Связь контръ-развѣдки съ жандармскими управленіями, служащіе у насъ чиновники департамента полиціи, тай- ная агентура, среди которой были бывшіе агенты охран- наго отдѣленія, — все это дало основаніе думать, что контръ-развѣдывательное отдѣленіе вѣдаетъ тѣми же политическими дѣлами, что и бывшія жандармскія управ- ленія. Въ виду этого пришлось знакомить Совѣтъ Ра- вочихъ Депутатовъ не только съ задачами контръ-раз- вѣдки, ничего общаго съ политикой не имѣющей, но также и со всей постановкой дѣла. Избранная для этой цѣли делегація отъ Совѣта принуждена была выслу- шать въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ рядъ поучитель- ныхъ лекцій, послѣ чего была образована особая ком- миссія при участіи той же делегаціи по вопросу о реформахъ контръ-развѣдки въ духѣ революціи.

Коммиссія эта прежде всего постановила въ цѣляхъ расширенія дѣятельности контръ-развѣдки и продуктив- ности ея разбить районъ, входящій въ ея вѣдѣніе, на 5 частей и въ каждой изъ нихъ учредить самостоятель-

ное контръ-развѣдывательное отдѣленіе съ особыми начальниками отдѣленія во главѣ, съ подчиненіемъ ихъ всѣхъ штабу Командующаго Черноморскимъ Флотомъ. Рѣшеніе это было вполнѣ цѣлесообразнымъ, но оно имѣло и свои дурныя стороны. Въ послѣднее время дѣло у насъ было уже налажено. Всѣ свѣдѣнія группировались у насъ въ отдѣленіи и затѣмъ по принадлежности разсылались въ отдѣлы для дальнѣйшей разработки. Все дѣло велось подъ руководствомъ однаго лица Начальника отдѣленія, опытнаго работника, при проведеніи же новой реформы единство распалось, весь собранный матеріалъ пришлось разбивать по отдѣленіямъ отчего пропадала его цѣнность. Новымъ начальникамъ образовавшихся отдѣленій приходилось знакомиться съ обширнымъ, новымъ для нихъ матеріаломъ. Все это конечно должно было хотя временно прервать налаженную работу и многое пришлось начинать съ начала.

Затѣмъ коммиссія признала необходимымъ произвести основательную чистку служебнаго персонала. Всѣ члены департамента полиціи и агенты бывшихъ жандармскихъ отдѣленій были уволены. Эта мѣра лишила контръ-развѣдку опытныхъ работниковъ, въ нѣкоторомъ отношеніи даже незамѣнимыхъ. Но этого нельзя было избѣжать и пришлось уступить духу революціи.

При выроботкѣ штатовъ и назначеніи начальниковъ отдѣленій было выражено пожеланіе, чтобы контръ-рзвѣдывательныя отдѣленія по мѣрѣ возможности, не нарушая конспираціи, работали въ контактѣ съ мѣстными Совѣтами Рабочихъ Депутатовъ.

Какъ болѣе уже опытный работникъ, я былъ назначенъ начальникомъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія въ гор. Николаевѣ, районъ котораго считался наиболѣе серіознымъ по борьбѣ со шпіонажемъ вслѣд-

ствіе находящихся въ г. Николаевѣ судостроительныхъ заводовъ.

Съ новыми полномочіями я выѣхалъ въ Николаевъ для организаціи контръ-развѣдывательнаго отдѣленія на новыхъ началахъ.

Глава VII.

Въ Николаевѣ у насъ уже была организована агентура, но дѣятельность ея была недостаточно продуктивна. Старшій сотрудникъ, завѣдующій въ Николаевѣ агентурой, весьма тщательно собиралъ матеріалъ, но рѣшительно не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Приходилось въ Севастополѣ разбираться въ его агентурныхъ донесеніяхъ и направлять его въ дальнѣйшей разработкѣ ихъ. Даже такое событіе, какъ пожаръ на Балтійскомъ судостроительномъ Заводѣ, во время котораго погибли всѣ аккомуляторы, доставленные на заводъ для новой подводной лодки, не вызвало съ его стороны всесторонняго обслѣдованія и все дѣло ограничилось подробнымъ донесеніемъ о размѣрѣ пожара и причиненныхъ убыткахъ, которое очень мало отличалось отъ газетной репортерской замѣтки.

Я пріѣхалъ въ Николаевъ incognito и нѣсколько дней прожилъ знакомясь съ городомъ и заводами, не ставя въ извѣстность даже завѣдующаго агентурой.

Прежде всего я посѣтилъ Балтійскій Заводъ. Если принять во вниманіе, что на Балтійскомъ Заводѣ спѣшно заканчивались работы на двухъ подводныхъ лодкахъ, если знать какой великой тайной во время войны является спускъ каждой морской единицы флота, — то конечно при входѣ моемъ на заводъ меня должно было поразить полное отсутствіе какихъ либо мѣръ предосторожности въ этомъ отношеніи. Я былъ въ штатскомъ

(даже не въ военномъ), никто меня не зналъ, и тѣмъ не менѣе, никто не поинтересовался, кто я и зачѣмъ я пришелъ на заводъ. Всѣ ворота были открыты настежь и чрезъ нихъ свободно проходилъ всякій, кто хотѣлъ. Я прошелъ черезъ дворъ, вошелъ въ главный заводскій флигель, обошелъ мастерскія, останавливался, чтобы посмотрѣть на нѣкоторыя машины и работы, — и ни въ комъ никакого участія! Я вышелъ на берегъ и подошелъ къ строющейся подводной лодкѣ «Утка». Интересуясь, до какой степени доходитъ русская халатность, я сталъ разспрашивать рабочихъ, скоро ли будетъ закончена лодка, когда назначенъ ея спускъ, — и къ своему удивленію получилъ на все охотные отвѣты. Тогда я обошелъ съ другой стороны лодки и сталъ подыматься по деревянному настилу на стоявшіе вокругъ лѣса. Встрѣтившійся мнѣ мастеръ наконецъ остановилъ меня въ моей дерзости.

— Вы куда? спросилъ онъ, впрочемъ такъ, какъ будто даже случайно, просто изъ любопытства.

— На лодку, отвѣчалъ я.

— Зачѣмъ?

— Посмотрѣть.

— Нельзя, спокойно отвѣчалъ онъ.

— Жаль, отвѣчилъ я такимъ же тономъ и сталъ вмѣстѣ съ нимъ спускаться.

Мы молча спустились, я опять обошелъ лодку осматривая ее со всѣхъ сторонъ и уже не скрывая своей ироніи, громко, въ присутствіи старшаго мастера спросилъ рабочихъ:

— Такъ вы говорите, что лодка будетъ спущена черезъ недѣлю?

Всѣ молча переглянулись съ мастеромъ, который подозрительно посмотрѣлъ на меня.

— Да вамъ что нужно? подходя ко мнѣ спросилъ онъ.

— Ничего.

Я ждалъ, чѣмъ кончится вся эта комедія.

— Пойдемте къ управляющему, рѣшилъ наконецъ мастеръ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я самъ его ищу, да обошелъ весь заводъ, а его не нашелъ.

— А вотъ я васъ проведу. Идемте!

— Идемте, согласился я и въ сопровожденіи его и двухъ рабочихъ направился къ дому управляющаго. Войдя въ небольшой огороженный садикъ, мы всѣ подошли къ балкону, на которомъ за накрытымъ столомъ сидѣлъ управляющій заводомъ, инженеръ Ш. Передъ нимъ стоялъ кофейный приборъ и початая бутылка коньяку. Ш. продолжалъ пить кофе, когда мастеръ докладывалъ ему обо мнѣ.

— Ну что еще такое? недовольно спросилъ онъ, будучи замѣтно краснѣе нормальнаго, вѣроятно отъ выпитаго коньяку.

— Да вотъ господинъ, неизвѣстно кто, подошелъ къ лодкѣ и сталъ разспрашивать... Не знаю, что ему нужно...

— Это еще не все, добавилъ я. Я обошелъ весь заводъ и всѣ мастерскія...

— А позвольте узнать, съ кѣмъ я говорю?? грозно перебилъ меня Ш., не стѣсняясь моимъ присутствіемъ выпивая новую румку коньяку.

— Я Начальникъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія Штаба Командующаго Черноморскимъ Флотомъ, стараясь быть какъ можно спокойнѣе, чтобы усилить эфектъ, отвѣчалъ я. Пріѣхалъ съ особымъ предписаніемъ Командующаго Флотомъ, принять самыя строгія мѣры охраны заводовъ.

Эфектъ моихъ словъ былъ вѣроятно не менѣе, чѣмъ при появленіи жандарма въ послѣднемъ актѣ ревизора. Нѣкоторое время была буквально нѣмая сцена. Затѣмъ Ш. словно сорвался съ мѣста, извинился и даже, что было уже смѣшно, застегнулся на всѣ пуговицы. Поспѣшно предложивъ мнѣ стулъ, онъ самъ (вѣроятно отъ волненія) сталъ буквально бѣгать вокругъ стола, неистово ругая всю администрацію завода, рабочихъ, существующіе порядки (не только на заводѣ, но и вообще въ Россіи), стараясь во всемъ обвинить всѣхъ, кромѣ себя одного.

Рабочіе, видя чѣмъ кончилось дѣло, поспѣшно удалились.

Я понималъ, что я поступилъ нѣсколько опрометчиво, открывъ свое инкогнито въ присутствіи рабочихъ, но, съ одной стороны, я не могъ сдержать своей злобы и желанія, демонстративно сорвать ее на Ш., а съ другой стороны, я хотѣлъ, чтобы рабочіе наглядно убѣдились въ безобразной постановкѣ охраны завода и чтобы мой пріѣздъ произвелъ на нихъ болѣе сильное впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи я не ошибся. Послѣ, моя агентура доносила мнѣ, что рабочіе разсказывали о моемъ неожиданномъ пріѣздѣ, о томъ, какъ я лично убѣдился въ безпорядкѣ на заводѣ и «пробралъ» управляющаго, и что теперь пойдутъ разныя строгости. Если это заставило рабочихъ быть болѣе осторожными и менѣе болтливыми, то моя цѣль была до извѣстной степени достигнута. Но возвращусь къ Ш.

Первое впечатлѣніе мое о Ш. было самое для него неблагопріятное. Правда, онъ былъ немного выпивши и застигнуть мною какъ бы врасплохъ, но и всѣ мои послѣдующія свиданія съ нимъ только укрѣпляли первоначальное мое впечатлѣніе. Я положительно удивляюсь, какимъ образомъ такой «типъ» могъ занимать та-

кую отвѣтственную должность. Зная, что я найду у него на заводѣ не охрану, а полное преступное безобразіе, онъ спѣшилъ предупредить меня своими объясненіями, имѣющими характеръ оправданія. Все, что ни дѣлалъ онъ, какъ онъ ни старался, все шло изъ рукъ вонъ плохо! Заводъ недостаточно оборудованъ, нѣтъ самыхъ необходимыхъ инструментовъ, отпускаемыхъ суммъ не хватаетъ, всѣ его ходатайства остаются безъ удовлетворенія! Нельзя было устроить даже противупожарныя средства. Пожаръ уничтожилъ самый цѣнный складъ, а потому, что нечѣмъ было тушить, а заводъ стоитъ на рѣкѣ!

Я зналъ, что онъ подойдетъ къ этому пожару и спросилъ его, какъ будто ничего не зная:

— А отчего случился пожаръ?

— А чертъ его знаетъ отчего! отвѣчалъ онъ, какъ мнѣ показалось умышленно развязно. — Нѣкоторые мои враги говорятъ, что я самъ поджегъ, добавилъ онъ съ чувствомъ глубокаго возмущенія. Но и это возмущеніе и эта смѣлая его фраза мнѣ очень не понравились, было что-то противное въ его кривой улыбкѣ, какъ-бы искусственной, въ его глазахъ, слишкомъ нахальныхъ, въ той торопливости, съ которой онъ это сказалъ, — и мнѣ невольно показалось, что сдѣлалъ онъ это съ дерзостью преступника, думая, что смѣло сказать самому тѣ подозрѣнія, которыя могутъ быть у слѣдователя, лучшее средство заставить его убѣдиться въ ихъ неосновательности. Офиціальное слѣдствіе, допросы цѣлаго ряда свидѣтелей, документальные выемки, агентурныя свѣдѣнія, — все дало мнѣ достаточное основаніе убѣдиться въ виновности Ш.

Пожаръ начался ночью, послѣ грандіозной попойки въ квартирѣ Ш. Самъ Ш. послѣ разъѣзда гостей заперевъ квартиру, уѣхалъ съ какой-то дѣвицей въ но-

меръ гостинницы, гдѣ его съ трудомъ нашли только утромъ, когда пожаръ уже почти кончился, совершенно пьянымъ.

Дѣвица эта скрылась сейчасъ же послѣ пожара неизвѣстно куда. Огонь, начавшiйся въ квартирѣ Ш., въ верхнимъ этажѣ, съ какой-то подозрительной быстротой, проникъ въ нижнiй этажъ, гдѣ почему-то временно были помѣщены нѣсколько баллоновъ съ бензиномъ. Въ послѣднемъ отдѣленiи находились только-что доставленные и даже не распакованные еще аккомуляторы, по распоряженiю Ш. перенесенные за два дня до пожара изъ другого помѣщенiя. Ключъ отъ входа въ нижнiй этажъ находился у Ш., вслѣдствiе отсутствiя котораго пришлось очень долго ломать крѣпкiя дубовыя двери. Главный пожарный кранъ находился въ мастерской на исправленiи, а у другого крана оказался порваннымъ рукавъ. Пожарная помпа не работала. Ни одинъ изъ трехъ, находящихся на территорiи завода, телефоновъ не дѣйствовалъ и пожарныя городскiя команды прiѣхали поэтому только тогда, когда весь корпусъ былъ въ огнѣ.

Я не буду приводить весь слѣдственный матерiалъ, который освѣтилъ дѣятельность Ш. какъ германскаго шпiона. Дѣятельность эта проявлялась во всѣхъ распоряженiяхъ Ш., въ умышленной порчѣ матерiаловъ, въ искусственномъ замедленiи работъ по постройкѣ подводныхъ лодокъ, въ возбужденiи рабочихъ, въ распространенiи на заводѣ всякаго рода прокламацiй и т. д.

Желая скрыть свое германское происхожденiе, Ш. не нашелъ ничего умнѣе, какъ перевести свою фамилiю на русскiй языкъ и сталъ именоваться Звѣздинымъ. Однако официально было доказано не только его нѣмецкое происхожденiе, но и его постоянная связь съ Германiей, гдѣ жила его мать, германско-подданная, ко-

торая уже во время войны умудрилась дважды побывать въ Россіи и вернуться обратно въ Германію. По окончаніи слѣдствія я настаивалъ передъ Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ о немедленномъ арестѣ Ш., но Командующій нашелъ необходимымъ отправить весь мой докладъ на усмотрѣніе Морского Министра. Въ результатѣ въ г. Николаевъ прибыли одновременно двѣ коммиссіи. Одна офиціальная, въ составѣ одного адмирала, двухъ военныхъ слѣдователей и прокурора. Другая — неофиціальная, присланная рабочими Балтійскаго Завода въ Петербургѣ, состоящая изъ выборныхъ рабочихъ. Первая коммиссія стала вновь производить офиціальное слѣдствіе по дѣлу о пожарѣ, оставивъ въ сторонѣ весь остальной матеріалъ, собранный мною о дѣятельности Ш. Вторая — разслѣдовала всю дѣятельность Ш., какъ германскаго шпіона. Моя агентура скоро установила, что у Ш. имѣется своя агентура, которая вела наблюденіе не только за рабочей коммиссіей, но и всѣми рабочими,которые допрашивались по моему указанію коммиссіей. Всѣ эти рабочіе стали жертвою мстительности Ш., вслѣдствіе чего Коммиссіи скоро пришлось прекратить свою дѣятельность, и она уѣхала въ полномъ убѣжденіи виновности Ш. Напротивъ, адмиральская коммиссія пользуясь преимущественно матеріаломъ, который подсовывалъ ей Ш., а главное его объясненіями, нашла въ дѣятельности его не преступленіе, а неопытность и непригодность къ управленію заводомъ.

Вслѣдъ за коммиссіями выѣхалъ въ Петербургъ и самъ Ш. вмѣстѣ со своимъ ближайшимъ секретнымъ сотрудникомъ, мастеромъ завода, К., посвященнымъ во всѣ дѣянія Ш.

Какъ мнѣ стало извѣстно, Ш. давалъ тамъ свои личныя объясненія рабочимъ Балтійскаго Завода, при

чемъ во многомъ почему то разошелся со своимъ сотрудникомъ, который подѣлился съ рабочими завода нѣкоторыми своими соображеніями, не понравившимися Ш. Между ними вышла какая-то ссора, послѣ чего Ш. и мастеръ К. стали пьянствовать. Ш. приказомъ Морского Министра былъ смѣщенъ съ должности. Возвращаясь обратно въ Николаевъ вмѣстѣ съ Ш., мастеръ К. въ вагонѣ безъ видимой причины упалъ безъ чувствъ и былъ доставленъ въ Николаевъ въ безнадежномъ состояніи. Врачи не могли выяснить ни причины болѣзни, ни самой болѣзни. Больной однако передъ самой смертью пришелъ въ сознаніе и вдругъ сталъ умолять Христомъ Богомъ доктора и сестру милосердія, чтобы ему дали возможность прожить еще одинъ часъ, такъ какъ онъ хочетъ покаяться въ чемъ-то ужасномъ, а главное открыть одинъ величайшій секретъ и при этомъ настаивалъ, чтобы къ нему вызвали начальника контръ-развѣдки.

Мнѣ дали знать по телефону и я немедленно пріѣхалъ, но къ сожалѣнію, больной уже впалъ въ агонію и умеръ полчаса спустя, не приходя къ сознаніе. Вскрытіе трупа, произведенное по моему настоянію, признаковъ отравленія не обнаружило, но смерть его все-таки осталась загадкой.

Ш. послѣ этой исторіи заперся у себя въ квартирѣ и не сдавая должности предался пьянству. Онъ пилъ нѣсколько дней и съ нимъ начались страшные припадки. Онъ запиралъ двери на всѣ замки, заставлялъ окна шкафами, прятался въ темнотѣ, выбѣгалъ иногда въ садъ съ револьверомъ, увѣряя, что за нимъ слѣдятъ агенты контръ-развѣдки, которые прячутся за деревьями или на чердакѣ, стрѣлялъ въ шкафы съ платьемъ и наконецъ допился до бѣлой горячки и умеръ въ больницѣ очень скоро послѣ смерти своего сообщника.

На Заводѣ Наваль и Трубочномъ Заводѣ дѣло охраны обстояло значительно лучше. Входъ на заводъ разрѣшался только по особымъ билетамъ, а рабочимъ по своимъ номерамъ. Внутри завода было болѣе порядка. Противопожарныя средства, въ особенности на заводѣ Наваль, оказались въ блестящемъ состоянiи, но всетаки я замѣтилъ массу упущенiй въ смыслѣ охраны заводовъ и тайны государственныхъ работъ.

Охрана заводовъ была поставлена мною во главу задачъ контръ-развѣдки. Я понималъ, въ особенности послѣ гибели «Марiи»», что поимка нѣсколькихъ шпiоновъ не является обезпеченiемъ наиболѣе существенныхъ государственныхъ интересовъ и что борьба съ ними принесетъ болѣе пользы, если будетъ направлена на парализованiе ихъ дѣятельности. Въ особенности въ Николаевѣ, все государственное значенiе котораго заключалось въ судостроительныхъ заводахъ, надлежало прежде всего обратить вниманiе на охрану заводовъ отъ проникновенiя на нихъ злонамѣренныхъ элементовъ.

Въ этомъ отношенiи Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, съ которымъ я работалъ въ контактѣ, оказывалъ мнѣ большое содѣйствiе. Образованная мною особая коммиссiя при участiи директоровъ всѣхъ заводовъ и всѣхъ властей въ гор. Николаевѣ, по разсмотрѣнiи представленнаго мною проекта охраны заводовъ и городскихъ сооруженiй (электрической станцiи, телеграфа, водокачалки и пр.) выработала особыя мѣры и правила, провести которыя въ жизнь удалось только благодаря содѣйствiю Совѣта.

На всѣхъ заводахъ были устроены собранiя рабочихъ, на которыхъ члены Совѣта, по составленной мною инструкцiи, объяснили рабочимъ задачи контръ-развѣдки и необходимость вводимыхъ на заводахъ ис-

ключительныхъ мѣръ охраны. Рабочимъ было внушено, что на ихъ собственной отвѣтственности лежитъ охрана заводовъ и что всѣ строгости въ смыслѣ контроля ихъ и исполненія ими обязательныхъ постановленій коммиссіи устанавливаются не только въ интересахъ государства, но и ихъ самихъ, защищая ихъ отъ злоумышленныхъ катастрофъ, жертвами которыхъ дѣлаются прежде всего сами же рабочіе.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по моему предложенію образовалъ на каждомъ заводѣ свою секретную агентуру, которая слѣдила за исполненіемъ рабочими установленныхъ правилъ. Рабочіе заводовъ черезъ своихъ выборныхъ способствовали администраціи заводовъ проводить въ жизнь выработанныя правила контроля и охраны. Многіе мои доклады разсматривались непосредственно Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ и приводились въ исполненіе, снимая съ меня отвѣтственность и недовольство рабочихъ. По указанію контръ-развѣдки Совѣтъ производилъ на заводѣ и у рабочихъ обыски и аресты и мое значеніе благодаря успѣшности только укрѣплялось среди рабочихъ массъ.

Одинъ случай окончательно закрѣпилъ солидарность контръ-развѣдки съ Совѣтомъ. По агентурнымъ свѣдѣніямъ я узналъ, что на заводѣ Наваль образовалась группа рабочихъ анархистовъ, которые имѣли на территоріи завода небольшой тайный складъ разрывныхъ бомбъ. Мои агенты выяснили всѣхъ участниковъ этой организаціи и нашли мѣсто склада. Я явился въ Совѣтъ и доложилъ объ этомъ. Нѣкоторые Члены Совѣта (анархисты) заявили мнѣ, что лица эти извѣстны имъ,что они являются членами партіи анархистовъ, а не шпіонами, а потому не подлежатъ вѣдѣнію контръ-развѣдки. Я возразилъ, что контръ-развѣдка совершенно аполитична и потому я далекъ отъ того, чтобы

преслѣдовать ихъ какъ анархистовъ. Но въ цѣляхъ охраны заводовъ, я не могу допустить, чтобы въ помѣщеніи завода хранились взывчатыя вещества, независимо отъ того, кому онѣ будутъ принадлежать. Совѣтъ согласился со мной и издалъ приказъ, согласно котораго рабочимъ, независимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій, строго воспрещалось приносить на заводъ и хранить на его территоріи взрывчатыя вещества. Послѣ этого, членъ Совѣта, анархистъ, взялъ у меня всѣ свѣдѣнія и обѣщалъ принять всѣ мѣры къ отобранію бомбъ.

Не смотря на все мое желаніе, поставить контръразвѣдку совершенно въ сторонѣ отъ политической борьбы, въ чемъ я видѣлъ залогъ успѣшности своей работы и сотрудничества съ Совѣтомъ, мнѣ пришлось тѣмъ не менѣе выступить противъ большевиковъ при первомъ же ихъ появленіи въ Николаевѣ.

Я получилъ изъ Штаба увѣдомленіе, что въ Севастополѣ появились агитаторы большевизма, матросы Балтійскаго Флота, и что послѣ цѣлаго ряда устроенныхъ ими митинговъ на судахъ и заводахъ они выѣхали съ той же цѣлью въ Николаевъ. Въ полученной мною телеграммѣ указывалось, что означенные матросы имѣютъ очевидно подложные мандаты. Мнѣ предписывалось принять всѣ мѣры къ недопущенію устройства ими митинговъ и пропаганды забастовокъ, что могло весьма вредно отразиться на выходѣ въ Севастополь уже спущеннаго на воду новаго броненосца «Воля».

По моему докладу Совѣту о пріѣздѣ означенныхъ матросовъ въ Николаевъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты Совѣтомъ для обезпеченія окончанія работъ и выхода «Воли» въ Севастополь, — мнѣнія Совѣта раздѣлились: одни настаивали на провѣркѣ мандатовъ пріѣхавшихъ матросовъ и въ случаѣ ихъ

подложности выслать матросовъ, какъ злостныхъ агитаторовъ, — другіе высказались за допущеніе устройства ими митинговъ въ цѣляхъ объединенія настроеній и обмѣна мыслей съ представителями, хотя бы и не уполномоченными, Балтійскаго Флота. Мнѣніе первыхъ восторжествовало въ томъ отношеніи, что Совѣтъ рѣшилъ не допускать устройства митинговъ и въ случаѣ надобности пресѣчь опасную дѣятельность матросовъ. Вслѣдствіе этого, когда матросы явились въ Совѣтъ, то они не встрѣтили радушнаго пріема. По выясненію предъявленныхъ ими мандатовъ имъ было указано, что они не могутъ, вслѣдствіе ихъ сомнительности, выступать какъ уполномоченные Балтійскаго Флота. Однако матросамъ все же удалось устроить нелегально, т. е. безъ разрѣшенія Совѣта, митингъ на Балтійскомъ Заводѣ, но они никакого успѣха не имѣли. Во первыхъ, безъ содѣйствія Совѣта матросамъ удалось собрать на митингъ сравнительно незначительную часть рабочихъ, затѣмъ, членъ Совѣта при ихъ выступленіи, какъ делегатовъ Балтійскаго Флота, заявилъ о сомнительности ихъ мандатовъ, чѣмъ лишилъ ихъ надлежащей авторитетности. Изъ агитаціи ничего не вышло. Никакихъ резолюцій вынесено не было и дѣятельность завода не нарушалась никакими эксцессами.

Этотъ эпизодъ самъ по себѣ не имѣвшій особой важности, тѣмъ не менѣе показалъ, насколько далеки были рабочіе Николаевскихъ Заводовъ и самъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ отъ большевизма, который уже клокоталъ въ Петроградѣ и готовилъ новый ужасный ударъ Россіи.

Работая совмѣстно съ Совѣтомъ, я видѣлъ живое участіе его и желаніе работать на благо Россіи. Я видѣлъ также большую пользу отъ его неутомимой дѣядельности во всѣхъ направленіяхъ государственной и

экономической жизни Россіи. Къ сожалѣнію это было не долго...

Списки всѣхъ рабочихъ, отправляемыхъ на «Волѣ» въ Севастополь для продолженія тамъ работъ, провѣрялись Совѣтомъ и направлялись ко мнѣ на распоряженіе. Достаточно было съ моей стороны указанія, что тотъ или иной рабочій является не вполнѣ благонадежнымъ, и Совѣтъ вычеркивалъ его и замѣнялъ другимъ. По моему предложенію были выработаны особыя мѣры охраны при выходѣ «Воли» въ море и сами рабочіе несли сторожевую службу. За два дня было арестовано около 25 человѣкъ, связь которыхъ съ бывшимъ австрійскимъ консуломъ Ф. и вся послѣдующая дѣятельность вызвала у контръ-развѣдки основательныя опасенія. Члены Совѣта безкорыстно оказывали свое содѣйствіе въ производствѣ арестовъ и обысковъ, на основаніи которыхъ противъ нѣкоторыхъ уличенныхъ въ шпіонажѣ было возбуждено уголовное преслѣдованіе.

«Воля» благополучно вошла въ Севастопольскую бухту. Эскадра торжественно встрѣтила ее салютомъ. На всѣхъ судахъ, украшенныхъ флагами, гремѣла музыка. Несмолкаемое ура неслось по всей бухтѣ. Народная толпа радостно привѣтствовала ее съ бульвара, а въ воздухѣ горделиво парили гидропланы и сбрасывали живые цвѣты.

Это были послѣдніе ясные дни Черноморскаго Флота.

Глава VIII.

Керенскій, который такъ долго заискивалъ передъ все возрастающей властью Совѣтовъ, былъ наконецъ сброшенъ сапогомъ пьянаго матроса и позорно бѣжалъ,

и съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный жидъ, осудилъ себя на вѣчное проклятіе.

Большевики захватили власть и устроили кровавый пиръ своей побѣды.

Контръ-развѣдка первая предусмотрѣла грядущую опасность большевизма. Стоя въ сторонѣ отъ политики, контръ-развѣдка видѣла въ Ленинѣ прежде всего германскаго агента. Донесенія контръ-развѣдки о прежней дѣятельности Ленина, о связи его съ Германскимъ Штабомъ, о полученіи имъ германскаго золота были такъ убѣдительны, чтобъ сейчасъ же его повѣсить, что только умышленно можно было не понимать этого и видѣть въ Ленинѣ не предателя Россіи, а политическаго дѣятеля. Попустительство, съ какимъ Временное Правительство отнеслось къ дѣятельности Ленина и К⁰, явилось тѣмъ преступленіемъ, которое наложило на все Временное Правительство печать вѣчнаго осужденія. Когда, на основаніи донесенія контръ-развѣдки, министръ юстиціи Переверзевъ нашелъ необходимымъ начать официальное разслѣдованіе, то Церетелли, Некрасовъ, Терещенко и Чхеидзе встали рѣшительно на сторону предателя Ленина. Подъ ихъ натискомъ Переверзевъ долженъ былъ уйти въ отставку, а его преемникъ Зарудный и Малянтовичъ широко открыли двери для большевизма, выпустивъ изъ тюрьмы всѣхъ арестованныхъ большевиковъ. Напрасно Керенскій потомъ лепеталъ въ свое оправданіе, что онъ не въ силахъ былъ въ великіе дни революціи начать преслѣдованіе противъ своихъ же товарищей по борьбѣ съ самодержавіемъ. Ленинъ, какъ предатель, не могъ никому быть товарищемъ, и не упрека въ реакціонности боялся Керенскій, а просто, чувствуя себя слабымъ, спѣшилъ по лакейски забѣжать впередъ и поклониться предателю,

чтобы заслужить себѣ милость за свою угодливость и холопство.

Великое потрясеніе Россіи, какъ громовой ударъ, докатилось и до Севастополя, Николаева и Одессы. Въ Севастополѣ была устроена Варѳаломеевская ночь. Началась безсмысленная рѣзня офицеровъ, грабежъ квартиръ, аресты тысячи неповинныхъ ни въ чемъ жертвъ пьянаго разгула.

Колчакъ ознаменовалъ гибель Черноморскаго Флота, символически бросивъ свою шпагу въ море. Въ Николаевѣ стали судостроительные заводы и началось быстрое ихъ расхищеніе. Въ городѣ впервые затукали пулеметы.

Въ Одессѣ произошелъ продолжительный и упорный бой большевиковъ съ украинцами съ сотнями человѣческихъ жертвъ. Я какъ разъ только что пріѣхалъ въ Одессу и остановился въ гостинницѣ «Бристоль». Ничего не подозрѣвая, я спустился въ ресторанъ и заказалъ себѣ ужинъ, ожидая пріѣзда Начальника контръразвѣдки Одесскаго раіона, съ которымъ я сговорился по телефону. Лейтенантъ Г. пріѣхалъ съ тревожными вѣстями. Городомъ овладѣли большевики. Государственный Банкъ, почта, весь портъ уже заняты ими. На вокзалѣ засѣли украинскія части. Ожидается бой. Совѣтуя мнѣ никуда не выходить въ этотъ вечеръ, онъ поспѣшно уѣхалъ.

Я еще не кончилъ ужинать, какъ раздались первые рѣзкіе, какъ бы случайные выстрѣлы. Это были первые сигналы къ началу боя, послѣ которыхъ вдругъ какъ горохъ посыпались ружейные выстрѣлы, затрещали пулеметы и забухали броневики. Въ ресторанѣ гостинницы поспѣшно спустили желѣзныя жалюзи. Вестибюль гостинницы наполнился людьми, въ ужасѣ искавшими спасенія. На лѣстницѣ и въ корридорѣ шли

оживленные толки сбѣжавшихся въ испугѣ постояльцевъ. Я поднялся къ себѣ въ номеръ и на всякій случай вынулъ изъ чемодана свой браунингъ и положилъ въ карманъ. Извѣстный мнѣ по своей благонадежности офиціантъ явился ко мнѣ въ номеръ и шепотомъ посовѣтовалъ мнѣ запастись пока не поздно провизіей. Я понялъ, что это не лишено благоразумія и заказалъ что-то очень много. Онъ очень скоро принесъ мнѣ цѣлую индѣйку, горячія телячьи котлеты, массу хлѣба, консервовъ, сыру и бутылку коньяку. Послѣ мнѣ пришлось заплатить по колоссальному счету, но съѣсть мнѣ изъ всего этого удалось только немного, такъ какъ ко мнѣ приходили потомъ питатьсся сосѣди по номеру, совсѣмъ незнакомыя мнѣ дамы и дѣти.

Когда я вновь спустился въ ресторанъ, то увидѣлъ довольно оригинальную, конечно потому еще времени, картину. У буфета на полу лежала скатерть, снятая съ сосѣдняго стола. Какой-то бородатый мущина, весь въ пулеметныхъ лентахъ, съ винтовкой въ рукѣ и съ парою револьверовъ за поясомъ грозно командовалъ, а двое другихъ такихъ же воинственныхъ джентльменовъ снимали со стойки буфета и складывали въ скатерть всѣ находящіеся на ней продукты: окорокъ ветчины, телятины, котлеты, цѣлый брусокъ масла, сыръ, сардины, хлѣбъ, словомъ все, что было въ красивомъ порядкѣ выставлено предусмотрительнымъ буфетчикомъ. Послѣдній, весь потный отъ страха, трясущимися руками помогалъ имъ заворачивать въ бумагу маіонезы и желе.

— Ну что у васъ есть еще? спросилъ храбрый піонеръ.

— Ничего, убито отвѣчалъ буфетчикъ.

— Ну а тамъ что, въ ледникѣ? поинтересовался экзекуторъ, заходя за стойку и открывая шкафы. Пиво?

Прекрасно! Давайте пиво! Да вы не волнуйтесь, съ ироніей проговорилъ онъ буфетчику, видя его растерянный видъ. Вамъ, товарищь, будетъ за все заплачено! Завтра можете прислать счетъ въ любой банкъ... Я сдѣлаю распоряженіе...

Джентльмены завязали концы скатерти и, еще разъ пытливо осмотрѣвъ буфетъ и все зало ресторана, какъбы соображая, что еще могло бы имъ пригодиться, вышли изъ ресторана при молчаливомъ недоумѣніи офиціантовъ и собравшейся публики.

Никто во время этой исторіи буквально не проронилъ ни слова. На всѣхъ нашло временное онѣмѣніе, на столько еще могла тогда поразить подобная наглость! По уходѣ бандитовъ мы всѣ почувствовали себя такъ, какъ будто насъ всѣхъ публично раздѣли. Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ большевики распоряжались въ домѣ одного богатаго помѣщика, выворачивая сундуки и вынося даже мебель, — мнѣ уже не было такъ гнусно, какъ при этой первой «націонализаціи» буфета.

На улицахъ шелъ бой. Наша гостинница превратилась въ бастіонъ. На обоихъ ея угловыхъ балконахъ были поставлены пулеметы. У самаго подъѣзда бухалъ броневикъ, потрясая окна и заглушая смущенный говоръ невольныхъ плѣнниковъ. Въ ресторанѣ наспѣхъ, при содѣйствіи двухъ сестеръ милосердія, былъ организованъ лазаретъ, куда приносили раненыхъ. Рвались на бинты простыни и неутомимыя сестры всю ночь дѣлали перевязки. Вся гостинница огласилась стонами раненыхъ. Въ швейцарской на полу лежало три трупа. На ихъ лицахъ застылъ нѣмой ужасъ!

Въ то же время толпа вооруженныхъ солдатъ обходила всѣ номера гостинницы, дѣлала обыски, отбирала оружіе и арестовывала офицеровъ. Я былъ у себя въ

номерѣ, когда меня окружила эта разнузданная уже толпа товарищей. Я судорожно сжималъ револьверъ, еще не зная, на что рѣшиться. Къ счастью у меня кромѣ удостовѣренія Штаба Командующаго Черноморскимъ Флотомъ былъ еще мандатъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Значеніе мое, какъ Начальника контръ-развѣдки при наличіи совѣтской печати было, очевидно, понято ими нѣсколько превратно, что я усмотрѣлъ изъ чрезмѣрной ихъ со мной обходительности. «Старшій» извинился, что «обезпокоилъ» меня и выдалъ мнѣ даже удостовѣреніе, что обыскъ у меня произведенъ, увѣряя, что это гарантируетъ меня отъ повторенія «напраснаго безпокойства». Когда они ушли, я тѣмъ не менѣе почувствовалъ себя такъ отвратительно, что принужденъ былъ выпить коньяку, чтобы привести свои нервы въ порядокъ.

Всю ночь, конечно, никто не спалъ. Затихшая немного пальба возобновилась утромъ еще съ большей силой. Ресторанъ былъ закрытъ. Кухня была вся разгромлена. Только немногимъ счастливцамъ удалось запастись провіантомъ. Служащіе гостинницы съ рискомъ для жизни гдѣ-то добывали хлѣбъ, за которой охотно платили по 50—100 рублей. Я вполнѣ оцѣнилъ услугу преданнаго мнѣ официанта, предусмотрительно снабдившаго меня провіантомъ болѣе, чѣмъ на три дня. Но когда на второй уже день всѣ стали буквально голодать, мнѣ пришлось взять на свое иждивеніе нѣсколько дамъ и дѣтей. Нужно было видѣть съ какой трогательной благодарностью дѣти ѣли мою индѣйку!

Но не одинъ я былъ такъ счастливъ. Каждый, у кого случайно были запасы провизіи, спѣшилъ дѣлиться съ другими, чѣмъ могъ. Мы всѣ казалось объединились въ одну семью. Всѣ номера были открыты и мы толпой переходили отъ одного окна къ другому, чтобы слѣдить

за боемъ. На нашихъ глазахъ долго отбивался украинскій броневикъ отъ натиска осаждавшихъ его большевиковъ. Броневикъ испортился, но держался до послѣдняго своего заряда, послѣ чего онъ съ торжествующими криками былъ взятъ большевиками и всѣ находившіеся въ немъ украинцы были убиты.

Бой продолжался три дня. Наконецъ всюду появились бѣлые флаги и разъѣзжающіе по всему городу автомобили объявляли о прекращеніи боя! Въ одинъ моментъ всѣ улицы заполнились обрадованной публикой. Всѣ бѣжали искать себѣ продовольствія, спѣшили узнать новости и подѣлиться своими впечатлѣніями. Послѣ трехъ ужасныхъ дней вздохнули свободнѣе. И вдругъ, къ новому ужасу всѣхъ раздались выстрѣлы и со всѣхъ домовъ, оконъ, чердаковъ и подваловъ посыпались пули. Кто стрѣлялъ, откуда нападеніе, куда бѣжать — ничего нельзя было разобрать въ той ужасной суматохѣ, которая поднялась. При безпорядочной стрѣльбѣ пули летѣли по всѣмъ направленіямъ. На Дерибасовской улицѣ бухнула разорвавшаяся бомба. Толпа въ паникѣ бросилась на Соборную площадь, но тамъ была встрѣчена ружейнымъ залпомъ. Спасались во дворахъ, подвалахъ, на лѣстницахъ, разбивая двери подъѣздовъ и стекла предусмотрительно закрывающихся магазиновъ... Но многіе остались лежать бездыханными трупами.

Бой кончился только къ ночи, когда украинцы отступили и большевики окончательно овладѣли городомъ.

Глава IX.

Союзники идутъ! Союзники спасутъ Россію! Эта послѣдняя надежда послѣ всѣхъ разочарованій, безплодныхъ упованій и обманутыхъ надеждъ на сверже-

ніе большевиковъ изъ-внутри, охватила всѣхъ придавленныхъ деспотизмомъ и тираніей большевистской банды.

Союзники должны спасти Россію! Ихъ ждали каждый день. Ихъ ждали въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Севастополѣ, въ Одессѣ... ждали на сѣверѣ, на югѣ и удивлялись ихъ необъяснимой медлительности. Многіе точно высчитывали, сколько дней нужно союзнической эскадрѣ, что-бы дойти до береговъ Чернаго моря и были убѣждены, что эскадра стоитъ уже у Большого Фонтана. Но союзники медлили. Чего? Этого никто понять не могъ. Дни шли за днями, но надежды не гасли. Такъ велика была вѣра въ союзниковъ!

И вотъ уже четыре года прошло, четыре ужасныхъ года! Уже столько доказательствъ измѣны и преступнаго равнодушія Россія получила отъ своихъ союзниковъ, а есть люди, которые и сейчасъ вѣрятъ въ ихъ благородство и все еще ждутъ эту спасительную, союзническую эскадру! И каждый день ходятъ смотрѣть на море не покажется-ли дымокъ, не-поймутъ-ли наконецъ союзники свой долгъ, не заговоритъ-ли въ нихъ совѣсть и не придутъ-ли спасти отъ ужасовъ чрезвычайки культурные мореплаватели и обходительные жантильомы, для спасенія которыхъ отъ германскаго разгрома такъ много русской крови было пролито въ великіе дни міровой войны! Но нѣтъ, напрасныя надежды, напрасныя иллюзіи!

Наконецъ помощь пришла. Но какая тяжелая, какая обидная для національнаго самолюбія! — Помощь Германіи, нашихъ бывшихъ враговъ! Помощь побѣдителя, властнаго, торжествующаго и презирающаго насъ.

Нѣмцы вошли въ Николаевъ безъ боя. Проснувшись какъ-то рано утромъ я изъ окна своей комнаты вдругъ увидѣлъ германскіе автомобили. Ихъ было мало,

но даже въ ихъ малочисленности и томъ спокойствіи, съ какимъ германскіе офицеры въѣхали въ городъ, чувствовалась сила. Войска вошли въ городъ много позже и тоже въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Но на другой же день весь городъ былъ разбитъ на участки и вдоль всѣхъ улицъ были поставлены пулеметы и пушки. Всѣ правительственныя и общественныя учрежденія были закрыты и охранялись германскими войсками. Всюду были вывѣшаны приказы Германскаго командованія, въ которыхъ чувствовалась непреклонная воля и желѣзная рука. Населеніе спѣшило сдать оружіе... Послѣ своеволія большевиковъ всѣ почувствовали гнетъ германской законности. Три дня прошли тихо и спокойно. Но вдругъ ночью опять затрещали пулеметы и загрохотали пушки. Выступили мѣстные большевики. Но нѣмцы раздѣлались съ ними ужасно. Были сожжены десятки домовъ. Большевики сжигались въ нихъ сотнями вмѣстѣ съ ихъ семьями. Весь базаръ пылалъ въ огнѣ. Пушки разнесли многія зданія. Убитыхъ и раненыхъ насчитывалось болѣе тысячи. Въ одинъ день все было кончено. Большевики жестоко поплатились за свое безумное выступленіе! Жизнь въ городѣ замерла... Съ тревогой ждали новаго выступленія, но у большевиковъ уже не было силъ! Нѣмцы ихъ окончательно подавили!

Я сжегъ всѣ дѣла контръ-развѣдки, сдалъ имущество въ портовую контору и думая, что я навсегда уже кончилъ свою военную службу, снялъ погоны...

Но я ошибся.

Я пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ я думалъ скорѣе найти мирный трудъ. Хотя я не особенно вѣрилъ германской выдумкѣ — Украинѣ, но приходилось временно примириться въ надеждѣ, что все скоро измѣнится.

Кіевъ былъ наполненъ безпогонными офицерами. Это были уже даже не офицеры, а бѣженцы, бѣдные бѣженцы, гонимые судьбой, бездомные, голодные, обносившіеся и измученные нравственно и физически! Это были изгои, люди безъ отечества, которое отвергло ихъ, забывъ всѣ ихъ подвиги и жертвы! Уныло, приниженно бродили они по безконечнымъ улицамъ Кіева, чувствуя себя чужими, отвергнутыми, забытыми въ своемъ же государствѣ.

И въ то же время подъ оркестръ музыки, гордо, побѣдоносно, съ сознаніемъ своего достоинства, по тѣмъ же улицамъ Кіева маршировали германскіе полки. Толпа восторженно смотрѣла на стройные ряды желѣзныхъ солдатъ. А русскій офицеръ, старательно стеревъ съ шинели всѣ бывшія отличчія, смущенно прятался въ толпѣ, боясь показать свое глубокое горе, свои невольныя слезы!

Общая судьба многихъ русскихъ офицеровъ заставила ихъ искать помощи въ объединеніи.

Организовывались различные союзы взаимопомощи. Наиболѣе многочисленнымъ и кажется наиболѣе дѣятельнымъ былъ «союзъ взаимопомощи интеллигентныхъ воиновъ». Союзъ организовалъ нѣсколько отдѣльныхъ предпріятій, мастерскія, кооперативъ, столовую, артели и пр. Офицеры стали мастерами, сапожниками, газетчиками, музыкантами и даже офиціантами. Такъ распылялась постепенно великая русская армія. Но лишь только, откуда-то из-далека, донесся сначала слабый, а потомъ настойчивый призывъ офицеровъ въ добровольческую армію, какъ забились сердца чувствомъ радости и всѣхъ потянуло туда, гдѣ, вѣрилось, возрождалась великая Россія. Всѣ были преисполнены готовностью снова отдать себя всего на великое служеніе родинѣ... Но не было ни средствъ, ни силъ. Отрѣзанные большевиками

отъ Добровольческой Арміи, не имѣя надлежащей информаціи, питаясь больше слухами весьма неопредѣленными, окруженные всякого рода авантюрами и даже предательствомъ, не имѣя средствъ, чтобы самостоятельно пробраться въ Добровольческую Армію — только немногіе изъ офицеровъ могли осуществить свои желанія. Но все-таки постепенно, одинъ за другимъ, организуясь въ группы, а еще чаще въ одиночку, офицеры бросали свои уже насиженныя мѣста и пробирались въ ряды Добровольческой Арміи.

Съ этой цѣлью я также выѣхалъ въ Одессу, а затѣмъ въ Николаевъ, гдѣ расчитывалъ скорѣе найти средства и возможность проникнуть на антибольшевистскій фронтъ.

Какъ въ Одессѣ, такъ и въ Николаевѣ, мнѣ удалось найти отдѣльныхъ представителей Добровольческой арміи, собиравшихъ офицеровъ въ особыя воинскія части, съ цѣлью ихъ оправки въ Добровольческую армію. Ихъ было даже слишкомъ много, отъ разныхъ бывшихъ полковъ, но къ сожалѣнію никто изъ нихъ не располагалъ достаточными средствами для дѣйствительной отправки, а все дѣло ограничивалось пока записью, регистраціею и обѣщаніями. Я записался въ Одессѣ, записался въ Николаевѣ и одинаково безуспѣшно ждалъ результатовъ. Между тѣмъ событія не ждали и жизнь принимала все болѣе безотрадныя и безсмысленныя формы.

Оккупація германскими всей Ураины еще продолжалась, ихъ ставленникъ гетманъ Скоропадскій еще сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, но сами нѣмцы почему-то потеряли свой удѣльный вѣсъ. Большевики поняли это и поднялись, а вмѣстѣ съ большевиками начали волноваться украинцы, петлюровцы, махновцы, григорьевцы,

и всякая именная и безымянная сволочь особой формацiи...

Не обошлось и безъ союзниковъ, которые очевидно сами не понимая ничего въ политической игрѣ, то и дѣло, что путали карты. Въ Одессѣ отъ нечего дѣлать стояла французская эскадра, а въ Николаевѣ тихо и плавно, какъ въ опереткѣ, качался англiйскiй миноносецъ.

Бѣдные николаевцы окончательно потеряли голову. Не вѣря больше ни германцамъ, ни французской эскадрѣ, ни даже англiйскому миноносцу, (такъ какъ почему же знать, что вздумается ему въ скверную погоду) Николаевское Городское Общественное Управленiе, подъ давленiемъ жителей, стало подумывать объ организацiи обороны. Если принять во вниманiе, что въ Николаевѣ было болѣе трехъ тысячъ офицеровъ, также нуждающихся въ самооборонѣ, то казалось бы, что проще всего было бы устроить это во взаимныхъ интересахъ. Съ этой цѣлью были устроены собранiя всѣхъ бывшихъ офицеровъ, которые конечно согласились сорганизоваться и взять на себя защиту Николаева при условiи поддержки ихъ Общественнымъ Управленiемъ надлежащими, обезпечивающими ихъ существованiе, средствами.

Къ сожалѣнiю на этой почвѣ пошли безконечныя обсужденiя. Соглашаясь въ принципѣ съ необходимостью использовать офицеровъ, какъ военную организованную силу, и дать для этого средства, Городское Управленiе начало торговаться и въ концѣ концовъ предложило рѣшительно непрiемлемыя условiя. Позднѣе, городъ дорого заплатилъ за свою излишнюю экономiю. Вслѣдствiе отказа офицеровъ въ городскую самооборону пошелъ разный сбродъ. Собранный изъ безработныхъ, людей безъ имени и званiя, пьяницъ и тунеядцевъ, организованный и вооруженный, этотъ

сбродъ сталъ внушать жителямъ серьезную опасность. Ничего не дѣлая цѣлыми днями, самооборона только пьянствовала и устраивала ночныя буйства.

Офицеры не оставались безъ дѣла. По приказу гетмана въ Николаевѣ начали формировать офицерскій полкъ. Офицеры призывались на положеніе рядовыхъ. Такъ какъ у гетмана фактической власти уже не было, то являлся только тотъ, кто хотѣлъ. Тѣмъ не менѣе сознаніе необходимости организаціи передъ надвигающейся опасностью заставило почти всѣхъ офицеровъ явиться на призывъ и снова встать подъ ружье.

Полкъ организовался на началахъ и завѣтахъ прежней арміи, но такъ какъ вмѣсто солдатъ, которыхъ чему-то учили, были только одни офицеры, то командиръ полка положительно не зналъ, что съ ними дѣлать.

Мы стали рядовыми и поселились въ казармахъ, но за отсутствіемъ какихъ-либо занятій коротали время игрою въ шахматы или въ винтъ. Для вида мы иногда по командѣ взводнаго выстраивались, дѣлали повороты, ружейные пріемы, но конечно не могли относиться къ этому, какъ къ серьезному занятію. Самое непріятное конечно было ночевать въ казармахъ, но постепенно это перестало быть обязательнымъ и большинство офицеровъ приходило въ казармы только для того, чтобы подѣлиться новостями. Вообще наше положеніе казалось намъ несерьезнымъ. Мы всетаки оставались русскими офицерами и не могли сдѣлаться украинскими. То, что мы были гетмановскими, а не петлюровскими, было для насъ чисто случайнымъ. Убѣжденныхъ сторонниковъ той или иной партіи у насъ не было. Но къ Николаеву подходилъ непріятель и мы готовились его защищать, хотя совершенно не знали, кто этотъ непріятель. Никакой развѣдки у насъ не существовало и мы питались, какъ и всѣ, разными городскими слухами,

въ которыхъ было много нелѣпостей. Но фактъ былъ тотъ, что гдѣ то, правда вдалекѣ, громыхали пушки.

Носились слухи, что большевики заняли Херсонъ и идутъ на Николаевъ, что на Николаевъ двигаются Петлюровцы, которые выбиваютъ изъ Херсона большевиковъ. Говорили наконецъ, что съ одной стороны наступаетъ Махно, а съ другой Григорьевъ, и что будто бы бой идетъ между ними. Словомъ, нашествіе двунадесяти языковъ!

Не было никакой возможности разобраться въ этой путаницѣ сенсаціонныхъ слуховъ, а нѣмцы только усиливали неразбериху, заявляя, что они не допустятъ въ городѣ ни малѣйшаго «безпорядка», но въ то же время почему-то сняли съ позицій всѣ пушки и пулеметы. Въ самый послѣдній моментъ, когда непріятель подошелъ уже въ Водопою, (въ 10-ти верстахъ отъ Николаева) мы получили свѣдѣнія изъ Кіева, что нашъ гетманъ болѣе не гетманъ, и что дѣйствительно мы стали какимъ то интернаціональнымъ войскомъ.

Между тѣмъ на желѣзнодорожной станціи Николаевъ имѣло мѣсто совершенно анекдотическое происшествіе.

Со станціи Водопой на очевидно захваченномъ, но неизвѣстно отъ кого, паровикѣ пріѣхали два дюжихъ парня и потребовали начальника желѣзнодорожнаго участка инженера З. Ихъ проводили въ контору и здѣсь между ними произошелъ занимательный разговоръ:

— Вы здѣсь будете старшой? спросилъ одинъ изъ нихъ инженера.

— Я, а что скажете?

— Такъ что мы хотимъ знать, кто у васъ здѣсь въ Николаевѣ?

— Да, кажется еще никого, отвѣчалъ флегматично инженеръ.

— Ну такъ мы взяли Николаевъ!

— Берите.

— Ну а гдѣ у васъ тутъ телефонъ, нельзя-ли переговорить съ Водопоемъ?

— Можно.

Инженеръ соединилъ проводъ, позвонилъ и передалъ трубку завоевателю, но такъ какъ послѣдній очевидно впервые пользовался телефономъ и приложивъ ухо къ рупору собирался говорить въ слуховую трубку, то инженеру пришлось дать ему надлежащія указанія.

По телефону былъ вызванъ какой-то Митричъ Матюкъ.

— Такъ что скажите по начальству Григорью, что мы Николаевъ взяли! сказалъ побѣдоносно завоеватель. Такъ, больше ничего... значитъ взяли и только!

Завоевателю очевидно было очень трудно съ непривычки говорить по телефону, гораздо труднѣе, чѣмъ было взять Николаевъ, потому что повѣсивъ трубку, онъ облегченно вздохнулъ.

— Нельзя-ли гдѣ здѣсь напиться? спросилъ онъ. Онъ выпилъ большую кружку воды и на томъ же паровикѣ уѣхалъ.

Наконецъ мы рѣшили дѣйствовать. Съ утра мы всѣ были собраны въ казармахъ и намъ были выданы патроны. Артиллерія (у насъ было 4 пушки) выѣхала на позиціи съ цѣлью оборонять городъ. Нѣмцы смѣялись и увѣряли, что мы напрасно безпокоимся. Собственно говоря во всемъ городѣ больше всѣхъ безпокоился командиръ порта адмиралъ Р. К. Онъ уже наканунѣ распорядился о принятіи всѣхъ мѣръ къ бѣгству и съ этой цѣлью перевезъ на транспортъ свою семью, многочисленный багажъ, гувернантку и болонку. Вслѣдъ за

адмираломъ конечно спѣшно занимали теплыя мѣста всѣ, кто познатнѣе и повиднѣе. Я говорю «теплыя мѣста» потому, что на транспортѣ было только нѣсколько каютъ, а все остальное были угольныя ямы. Нѣкоторые жители продолжали еще вѣрить нѣмцамъ плюсъ англійскій миноносецъ и держали «нейтралитетъ». Мы же, офицеры, сидѣли у себя въ казармахъ въ полномъ невѣдѣніи, что совершается въ городѣ, (еще менѣе, что вокругъ него) и ожидали дальнѣйшихъ распоряженій.

Около 8-ми час. веч. выяснилось, что нѣмцы уже офиціально объявили нейтралитетъ, а англійскій миноносецъ какъ будто нечаянно далъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и замолкъ.

Въ 10 час. веч. наша артиллерія открыла огонь по Водопою. Въ 12 час. къ намъ пріѣхалъ командиръ полка и объявивъ, что къ городу подходятъ Петлюровцы, приказалъ выйти на позиціи. Позиціи эти, какъ я узналъ уже позже, были въ центрѣ города. Нашъ полкъ устроилъ огражденіе порта и главной части города съ исключительной цѣлью обезпечить спокойную посадку на транспортъ всей Николаевской бюрократіи, которая перевозила на него не только свой ручной багажъ, но и мебель.

Я попалъ въ число пяти, оставленныхъ охранять казармы. Помню какъ томительно тяжело было сидѣть въ полутьмѣ длинныхъ опустѣлыхъ казармъ и прислушиваться къ рѣдкой пальбѣ пушекъ.

Прошло два или три часа томительнаго бездѣйствія. Пушки замолкли. Я вышелъ на крыльцо казармы и сталъ прислушиваться. Кругомъ было все тихо. — Гдѣ наши? Что съ ними?? Неужели все кончено и всѣ ушли, забывъ насъ одинхъ въ этихъ ужасныхъ казармахъ?

Вернувшись, я услышалъ въ темномъ углу нашей казармы дѣтскій плачъ и увидѣлъ маленькихъ дѣтей: мальчика лѣтъ пяти и дѣвочку лѣтъ семи. Это были дѣти нашего кашевара, который запилъ и уже два дня исчезъ неизвѣстно куда. Дѣти ютились въ темномъ углу подъ лѣстницей и кормились остатками нашихъ обѣдовъ.

— Страшно... гдѣ папа? спросила дѣвочка, когда увидѣла меня.

— Папа придетъ... не плачьте! Ложитесь спать, отвѣчалъ я. Бояться нечего. Ты видишь, я здѣсь съ ружьемъ караулю, чтобы васъ никто не обидѣлъ.

Дѣвочка посмотрѣла на меня пытливыми глазами.

— Темно... зачѣмъ стрѣляютъ?

— Ничего, не бойся... Солдаты учатся стрѣлять и сейчасъ всѣ придутъ сюда. Идемте, я положу васъ на кровать, тамъ свѣтло и не страшно.

Я провелъ ихъ въ канцелярію, уложилъ ихъ на кровать писаря, покрылъ одѣяломъ и приказалъ спать. Но дѣти не спали и все время слѣдили за мной глазами. Они не понимали, но чувствовали, что въ необыкновенной тишинѣ казармы было что-то страшное, жуткое!

Я услышалъ голоса и вышелъ узнать въ чемъ дѣло. Нѣсколько офицеровъ прибѣжали и спѣшно забирали свои вещи.

— Что случилось?

— Петлюровцы въ городѣ! Артиллеристы побрасали свои пушки и на лошадяхъ проѣхали на транспортъ. Всѣ власти уже съ утра сидятъ на пароходѣ...

— А гдѣ наши?

— Наши охраняютъ посадку, но большинство уже побросали винтовки и разбѣжались по квартирамъ.

— Значитъ отступаемъ... но куда?

— Приказано садиться на транспортъ. Впрочемъ кто хочетъ, можетъ остаться.

Офицеры забрали свои вещи и поспѣшно удалились. Что же было дѣлать намъ? Можно ли было вѣрить офицерамъ и смѣли-ли мы оставить всю казарму со всѣмъ имуществомъ на разграбленіе, не получивъ на это приказанія? Мы рѣшили исполнить свой долгъ до конца. Послѣ этого прибѣжало еще нѣсколько офицеровъ и подтвердили печальныя извѣстія. Но мы все еще не получали никакихъ приказаній и мнѣ все еще не хотѣлось вѣрить, что мы могли быть совершенно забыты. Только когда раздались ружейные выстрѣлы въ самомъ городѣ, къ намъ пріѣхалъ верхомъ вѣстовой съ приказаніемъ оставить казармы и идти на транспортъ. Вся казарма со всѣмъ имуществомъ офицеровъ оставалась на расхищеніе бандъ.

Я зашелъ въ канцелярію, чтобы забрать по крайнѣй мѣрѣ наши списки, печать и денежныя вѣдомости. Я такъ спѣшилъ, что даже забылъ о дѣтяхъ, и только когда уже выходилъ, увидѣлъ ихъ забившихся въ ужасѣ въ уголъ.

Они поняли, что всѣ уходятъ и они остаются одни въ этихъ громадныхъ темныхъ казармахъ на всю ночь!

Я приласкалъ дѣвочку и стараясь быть спокойнымъ обманулъ ихъ:

— Мы всѣ сейчасъ придемъ... не бойтесь! Васъ тутъ никто не обидитъ, а утромъ я приведу къ вамъ папу...

Я слышалъ, какъ они стали плакать, но уже не могъ вернуться къ нимъ. Эта тяжелая картина на долго оставила у меня тягостное впечатлѣніе, какъ будто это было самое ужасное, что мы сдѣлали при нашемъ паническомъ бѣгствѣ.

Въ городѣ уже шла пальба, а потому намъ пришлось идти въ обходъ по низу, по берегу Ингула. Въ полной тьмѣ постоянно спотыкаясь по крутизнамъ

извилистаго берега мы съ трудомъ добрались до транспорта. Всѣ наши были уже тамъ и кое какъ размѣщались въ угольныхъ ямахъ. Всѣ были возмущены ужасно. Всѣ понимали, что мы вовсе даже не защищали городъ, а просто сыграли роль охраны бюрократіи, которая имѣла возможность спокойно сѣсть на транспортъ со всѣмъ своимъ имуществомъ, а большинство изъ насъ потеряли свои послѣднія вещи и не имѣли возможности даже предупредить свои семьи о нашемъ исчезновеніи.

Никакихъ извѣстій изъ Одессы мы не получили и совершенно не знали куда и зачѣмъ мы ѣдемъ. Командиръ полка объявилъ, что ему совершенно неизвѣстно общее положеніе дѣлъ, а потому, кто хочетъ, можетъ на свой страхъ оставаться въ Николаевѣ. Многіе дѣйствительно предпочли покинуть грязный угольщикъ и въ одиночку пробраться въ городъ.

Простоявъ всю ночь, мы съ разсвѣтомъ вышли изъ Николаева. Въ городъ дѣйствительно вошло около пятидесяти петлюровцевъ, но кромѣ нѣсколькихъ грабежей покинутыхъ квартиръ, произведенныхъ «самообороной», въ городѣ все было спокойно. Проснувшійся на утро обыватель вдругъ очутился безъ властей. Всѣ бѣжали, бросивъ дѣла и имущество на произволъ судьбы. Всюду по улицамъ валялись винтовки. На площади были опрокинуты двѣ пушки. Неосѣдланныя лошади недоумѣнно бродили по панелямъ главной улицы. У Портовой конторы валялись вороха бумагъ, которыя вѣтеръ разносилъ по всѣмъ улицамъ. Находили сумки съ патронами, солдатскіе тулупы, военныя фуражки, словомъ картина полнаго пораженія!

Жены въ паникѣ бросились въ казармы отыскивать своихъ исчезнувшихъ мужей; но уже въ шесть часовъ утра въ казармахъ все было обобрано до чиста.

Днемъ на улицахъ было большое оживленіе. У всѣхъ было необычайно веселое настроеніе. Торопились подѣлиться впечатлѣніями и посмѣяться надъ своимъ положеніемъ обывателя, вдругъ оставшагося совершенно безъ властей. Каждый съ улыбкой спрашивалъ другого: «Что же мы теперь будемъ дѣлать безъ головы??»

По истинѣ необыкновенное происшествіе! А «власти» медленно, дѣлая по 4 узла въ часъ, ѣхали въ Одессу.

Измученные безсонной ночью офицеры, холодные и голодные, сидѣли въ темномъ грязномъ трюмѣ, на угольныхъ кучахъ и съ возмущеніемъ смотрѣли на каютныхъ пассажировъ, которымъ поваръ таскалъ горячія блюда и у которыхъ кромѣ того было много всякаго рода закусокъ и винъ.

Въ Очаковъ мы пріѣхали только къ вечеру и поэтому принуждены были простоять всю ночь на рейдѣ, причемъ адмиралъ Р. К. запретилъ даже офицерамъ съѣздить на берегъ за продовольствіемъ, вслѣдствіе чего мы всѣ голодали еще цѣлый день, пока не добрались до Одессы.

Мы остановились на рейдѣ изъ предосторожности, не зная, что дѣлается въ Одессѣ. Р. К. на катерѣ съѣхалъ на берегъ для информаціи. Черезъ часъ онъ вернулся весьма смущенный, и объявилъ, что въ городѣ петлюровцы! (тѣ же петлюровцы, отъ которыхъ мы бѣжали!). Какъ въ Одессѣ, такъ и въ Николаевѣ все спокойно и мы можемъ, если хотимъ, съѣхать на берегъ или вернуться въ Николаевъ. Весь портъ былъ объявленъ французской зоной и охранялся французами и добровольцами.

Выйдя изъ порта мы сначала шли съ осторожностью, но какъ только вышли на главныя улицы, уви-

дѣли, что нѣтъ никакихъ основаній безпокоиться. Въ городѣ все было тихо. Всѣ улицы полны гуляющей публикой. Въ кафе Робина и Фанкони всѣ столики заняты. Всюду разгуливали офицеры и въ погонахъ и безъ нихъ.

Я спокойно поужиналъ въ ресторанѣ и направился къ знакомымъ, гдѣ зналъ, что найду почлегъ. Всѣ были удивлены нашимъ пріѣздомъ и не понимали нашего паническаго бѣгства. Р. К. впослѣдствіи былъ привлеченъ къ отвѣтственности за оставленіе Николаева безъ достаточныхъ основаній, но кажется былъ помилованъ, хотя достаточно осмѣянъ за свою глупость. Очень многіе на другое же утро на пассажирскомъ пароходѣ выѣхали обратно въ Николаевъ.

Мы, офицеры, собрались на другое утро на транспортѣ. Благодаря спасеннымъ мною вѣдомостямъ и расторопности нашего казначея, захватившаго съ собой денежный ящикъ, намъ было выдано жалованье за все прослуженное время. Затѣмъ командиръ полка объявилъ, что мы всѣ свободны и можемъ дѣлать, что угодно. Многіе изъявили свое желаніе поступить въ добровольческую армію и шли разговоры, какъ это сдѣлать и куда надо пробираться.

Я рѣшилъ до выясненія подробностей снять военную форму и превратившись въ мирнаго гражданина поселиться въ гостинницѣ. Я думалъ, что теперь уже я навсегда разстался съ военной службой... но и на этотъ разъ ошибся.

На другой день въ городѣ пошла перестрѣлка. Петлюровцы открыли огонь по порту. Добровольцы вмѣстѣ съ французскими войсками отвѣчали имъ. На утро впрочемъ все было кончено. Петлюровцы ушли въ неизвѣстномъ направленіи и въ Одессѣ наступилъ новый періодъ. Періодъ французской оккупаціи и добровольческой арміи.

Глава X.

Во главѣ соединенныхъ союзническихъ силъ въ Одессѣ всталъ Ансельмъ. Командующимъ войсками Добровольческой Арміи Одесскаго Округа Гришинъ-Алмазовъ.

Со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ городовъ въ Одессу начали собираться офицеры. Формировались части, образовывались штабы. Установилась связь съ генераломъ Деникинымъ.

Въ Одессу приходили все новыя и новыя союзническія войска. Въ большомъ количествѣ высадились въ Одессѣ и торжественно съ музыкой демонстративно продефилировали бравые, съ бронзовыми, блестящими на солнцѣ лицами, сенегальскія войска, а на рейдѣ горделиво красовалась соединенная союзническая эскадра.

Одесса оживилась и зажила жизнью восторжествовавшей буржуйки. Открылись рестораны, заработали кафе-шантаны, театры, въ особенности клубы и даже бѣга. Офицеры нарядились и вновь заблистѣли ихъ новые погоны.

Какъ-то гуляя по Дерибасовской улицѣ, я встрѣтилъ адмирала Ф. Онъ былъ въ это время командиромъ Корпуса морской обороны. Онъ предложилъ мнѣ служить у него въ штабѣ офицеромъ для порученій. Я согласился и на другой день опять одѣлъ военную форму.

Не смотря однако на то, что все какъ будто говорило за безопасность Одессы, въ городѣ постоянно носились тревожные слухи. Чувствовалось исключительное положеніе Одессы, оторванной отъ всей прочей Россіи и окруженной со всѣхъ сторонъ различными бандами. Опять заговорили о приближеніи большевиковъ, Петлюры, Григорьева, Махно, все тѣхъ же страшныхъ призраковъ, которые смущали покой Одессита.

Одесса напоминала собой крѣпость военнаго времени, гдѣ люди торопятся жить и веселиться не вѣря въ продолжительность своего счастья. И чѣмъ уже смыкался мертвый кругъ вокругъ Одессы, тѣмъ лихорадочнѣе кипѣла жизнь. Цѣны быстро росли на все, въ особенности на вина и шампанское и тѣмъ не менѣе вино лилось рѣкой. Въ ресторанахъ прокучивались тысячи и десятки тысячъ, можно сказать, шутя.

Въ Лондонской гостинницѣ, реквизированной цѣликомъ подъ штабъ и его присныхъ, кутежъ шелъ круглыя сутки.

Николаевъ уже былъ взятъ большевиками. Григорьевъ подходилъ къ Одессѣ и требовалъ сдачи города, посылая рѣзкіе ультиматумы. Въ городѣ усиленно говорили о приближеніи большевиковъ, но никто не хотѣлъ и думать, что Одесса можетъ быть взята при наличіи такого количества союзныхъ войскъ.

Въ началѣ марта (1919 г.) я встрѣтилъ какъ-то своего стараго бывшаго сотрудника по контръ-развѣдкѣ, который работалъ теперь въ контръ-развѣдкѣ при Штабѣ. Вполнѣ довѣряя мнѣ, какъ своему бывшему начальнику, онъ подѣлился со мной своими соображеніями, которымъ я никогда бы не придалъ значенія, еслибъ я не зналъ его за человѣка весьма положительнаго, опытнаго и не любившаго болтать пустяковъ.

— Вы знаете, сказалъ онъ, что къ Благовѣщенью въ Одессѣ будутъ большевики?

Я сдѣлалъ удивленное лицо. — Такъ скоро?

— Да, быть можетъ еще скорѣе, серіозно отвѣчалъ онъ. И возьмутъ Одессу не тѣ большевики, которые подходятъ сейчасъ къ Одессѣ, а тѣ, которые и сейчасъ здѣсь! У нихъ уже все готово. Образованъ Главный

Штабъ, назначены коммиссары и распредѣлены особыя должности.

Я невольно улыбнулся.

— Какъ же они это сдѣлаютъ, когда въ Одессѣ около 40 тысячъ войскъ? усумнился я.

— Войска, когда надо будетъ, уйдутъ. Ансельму даютъ крупную взятку... Одесса все таки кое-что стоитъ!

— Ну это ужъ черезчуръ! Ваша контръ-развѣдка переборщила. Кто же даетъ эту взятку и откуда большевики возьмутъ милліоны?

— Да тутъ большевики не причемъ! Тутъ работаютъ массоны...

— А, и вы тоже вѣрите въ массонство и сіонскіе протоколы?

— Вѣрю, не вѣрю, а что кому-то нужно, чтобы Одессу сдали большевикамъ — это правда. Вы знаете, Россіей правятъ какія то темныя силы. Большевики это мразь, ничтожество! Они просто пѣшки въ рукахъ сильныхъ міра сего... а кто эти вершители судебъ — я не знаю. Это сложный вопросъ... вопросъ міровой политики или — потустороннягo міра! Я только вамъ скажу одно, что сдѣлка на Одессу уже совершена. Вы знаете кинематографическую артистку В. Х. Она здѣсь сыграла роль маклера и умерла оттого, что ее отравили, какъ предательницу. О, тутъ дѣйствуютъ темныя силы.

Я разстался съ нимъ съ тяжелымъ чувствомъ. Оставленіе Одессы союзными войсками мнѣ казалось нелѣпостью, необъяснимой нелѣпостью, если конечно не вѣрить въ предательство и подкупъ. Но допустить такое предательство? Возможно-ли? И со стороны кого-же? Союзниковъ! Мыслимо-ли это?

Прошло нѣсколько дней. Все было спокойно. Даже тревожные слухи замолкли. Мы сидѣли въ Штабѣ и

просто скучали. Никакой работы не было, да и быть не могло. Для чего существовалъ корпусъ морской обороны, когда все море ограничивалось для насъ однимъ портомъ, гдѣ стояла союзническая эскадра — для меня было не понятно. Командиръ корпуса адмиралъ Ф. уѣхалъ къ Деникину и мы всѣ понимали, что онъ уже не вернется. Исполняющій его должность генералъ Р., убѣжденный, что корпусъ въ скоромъ времени прекратитъ свое ненужное существованіе, только иногда заходилъ въ Штабъ, и то на минутку. Приходилось коротать время въ мирныхъ разговорахъ о новыхъ прибавкахъ на дороговизну и увеличеніи суточныхъ.

Много также занимались новымъ назначеніемъ генерала Шварца, къ которому якобы переходила вся власть и отъ которого ожидали новыхъ крупныхъ преобразованій.

Наша бесѣда была прервана приходомъ одного полковника генеральнаго Штаба, который живя по близости, часто захаживалъ къ намъ подѣлиться новостями. Повидимому онъ былъ очень удивленъ, увидя всѣхъ насъ въ Штабѣ въ пріятномъ и спокойномъ бездѣйствіи.

Случилось еще такъ, что при его входѣ Начальникъ Штаба А. положивъ голову на руки и закрывъ глаза, какъ будто дремалъ.

— А начальникъ Штаба безмятежно спитъ! сказалъ полковникъ, здороваясь со всѣми.

Начальникъ Штаба поднялъ голову и улыбаясь сказалъ: «— Нѣтъ, я думаю!»

— Ну думай, думай... а вотъ знаешь-ли ты, что французы объявили эвакуацію Одессы въ 24 часа???

Если-бъ у насъ въ Штабѣ вдругъ разорвалась бомба, то мы вѣроятно не были бы такъ поражены.

Мы всѣ положительно застыли съ открытымъ ртомъ отъ удивленія.

— Главной Морской Штабъ уже уложился, добавилъ онъ. Сейчасъ всѣмъ выдаютъ эвакуаціонныя за 6 мѣсяцевъ жалованья!

— Вздоръ! рѣшительно заявилъ Начальникъ Штаба. Я долженъ былъ бы получить распоряженія.

Дѣйствительно исторія эта казалась невѣроятнымъ вздоромъ. Союзники, наводнившіе Одессу войсками и внушившіе довѣрчивому обывателю увѣренность въ полной безопасности — объявляютъ эвакуацію въ 24 часа! Главный Штабъ Добровольческой Арміи спѣшитъ раздѣлить казенныя суммы (безъ счета, а просто кипами, такъ что деньги валялись по полу и на лѣстницѣ) и сѣсть на захваченный пароходъ, а Штабъ обороны Одессы во главѣ со своимъ Начальникомъ Штаба мирно и безмятежно спитъ въ счастливомъ невѣдѣніи!

Начальникъ Штаба долго не рѣшался звонить по телефону въ Главный Штабъ, боясь услышать веселый смѣхъ и попасть въ глупое положеніе. И что же? Да, все правда, распоряженіе о эвакуаціи ему «уже» послано, но вѣроятно вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ не успѣло еще дойти до назначенія! И какое распоряженіе! На весь нашъ корпусъ былъ оставленъ какой-то старый угольщикъ, старая развалившаяся баржа, стоявшая гдѣ-то на рейдѣ и не имѣвшая возможности подойти къ молу за отсутствіемъ машинъ и угла. Когда наши офицеры по личной уже инициативѣ все-таки нашли эту баржу,то оказалось, что если-бы даже мы раздобыли катеръ и вывезли ее на буксирѣ въ море, то она моментально затонула-бы.

Возмущаться, протестовать, требовать — было поздно, такъ какъ всѣ пароходы были уже заняты

высшими чинами съ ихъ семьями и въ городѣ уже не было никакой власти.

Спѣшно были выписаны ассигновки на эвакуаціонныя деньги... но и это было уже поздно. Казначейство бралось съ бою. Крайне возбужденная толпа народа осаждала Государственный банкъ. Всякаго рода учрежденія, союзы и отдѣльныя воинскія части прокладывали себѣ дорогу съ оружіемъ въ рукахъ. Автомобильная рота пріѣхала съ пулеметами, а артиллерія выдвинула даже броневикъ. Не смотря на такія рѣшительныя мѣры получить свои деньги удалось только немногимъ. Фактически никакого срока для эвакуаціи предоставлено и не было. Одесса была сдана большевикамъ или просто говоря брошена французами на произволъ судьбы немедленно же по объявленіи эвакуаціи. Такое предательство союзниковъ и преступное паническое бѣгство команднаго состава Добровольческой Арміи выяснилось весьма быстро и началась анархія. Отсутствіе власти дало свободу преступнымъ элементамъ, начались ограбленія, поражавшія своею дерзостью. Въ порту, на глазахъ у доблестной французской арміи, а можетъ быть даже и при ея участіи разбивали пакгаузы, грабили склады и убивали обезумѣвшихъ отъ ужаса мирныхъ жителей, тщетно взывавшихъ о помощи.

Въ городѣ на главной улицѣ, днемъ, на глазахъ у нашихъ офицеровъ, собравшихся у Штаба, грабитель съ револьверомъ въ рукахъ покушался на ограбленіе казначея банка. Одинъ изъ офицеровъ прицѣлившись съ колѣна убилъ его наповалъ изъ винтовки и его трупъ оставался лежать, не вызывая ни въ комъ никакого участія.

Мы долго ждали нашего казначея. Онъ пришелъ уже къ вечеру съ сообщеніемъ, что всѣ учрежденія уже

заняты большевиками и что Государственный банкъ прекратилъ выдачу денегъ. Замѣняющій командира нашего корпуса генералъ Р. исчезъ неизвѣстно куда и намъ оставалось только спасаться каждому, кто какъ знаетъ.

Позоръ! Вѣчный позоръ! Клеймо Каина и предателя, вамъ, жаждующимъ золота и крови, вамъ, утолившимъ свою алчность цѣною тысячи жертвъ! И вамъ, всѣмъ тѣмъ, кому были ввѣрены жизнь и честь Добровольческой Арміи, кто клялся въ Соборѣ на алтарѣ вѣрнымъ сынамъ родины и честнымъ офицерамъ, что жизнь ихъ въ безопасности, что ихъ начальники не оставятъ ихъ, пока послѣдній офицеръ не сядетъ на пароходъ, и кто первый же покинулъ ихъ, въ позорномъ бѣгствѣ своемъ забывая свое назначеніе! Позоръ и вѣчный стыдъ всѣмъ тѣмъ, кто спустя нѣсколько мѣсяцевъ вернувшись въ Одессу въ качествѣ ея побѣдителей, имѣлъ наглость судить тѣхъ несчастныхъ офицеровъ, которые были ими преданы и которые принуждены были подъ страхомъ разстрѣла служить у большевиковъ! Безпристрастный судъ исторіи когда-нибудь объяснитъ вамъ, если только ложное самомнѣніе не затуманило вашъ умъ, что тогда въ Одессѣ осталась лучшая часть офицерства и что служа у большевиковъ они принесли себя на великую жертву! Вы должны понять, что Одесса была вновь взята не вами, присвоившими себѣ честь побѣды и не съумѣвшими оцѣнить этой жертвы, а именно тѣми, кто былъ предательски оставленъ вами при вашемъ позорномъ бѣгствѣ, и что побѣдили большевиковъ не вы, а они!

На сколько эвакуація была ужасна и какія безобразныя формы приняла она, можно судить еще по одному очень характерному, почти анекдотическому эпизоду. Одинъ изъ старшихъ агентовъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія при Главномъ Штабѣ, прі-

ѣхавъ съ дачи на службу, встрѣтилъ у вокзала извѣстнаго ему виднаго коммуниста. Не столько обрадованный, сколько удивленный этой встрѣчей, агентъ поспѣшилъ задержать его и предложилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ контръ-развѣдку.

— На какомъ основаніи? спокойно спросилъ коммунистъ.

— А на томъ основаніи, что я агентъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія.

— Тѣмъ хуже для васъ, опять спокойно возразилъ ему коммунистъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ я долженъ васъ арестовать.

Агентъ былъ пораженъ такой наглостью.

— Да да, продолжалъ коммунистъ. — Ваше дѣло проиграно! Власть въ городѣ уже захватили большевики.

Агентъ отнесся съ недовѣріемъ къ такому необычайному заявленію своего политическаго врага и они вмѣстѣ, арестовавъ другъ друга, направились въ городъ, гдѣ эвакуація уже приняла всѣ свои ужасныя формы.

— Ну какъ же, товарищъ? спросилъ коммунистъ. Ваши еще не совсѣмъ ушли, а наши не совсѣмъ пришли! Пойдемъ въ тюрьму вмѣстѣ или пока разойдемся до новой встрѣчи?

Предательство союзниковъ не только не имѣло никакихъ основательныхъ причинъ, но даже просто объясненій! Оно изумляло своимъ безстыдствомъ, своимъ умышленнымъ коварствомъ. Сами большевики очевидно не ожидали такого вѣроломства, иначе они могли-бы разстрѣлять всѣхъ оставшихся офицеровъ.

Я добѣжалъ до своей квартиры, одѣлъ все штатское, взялъ свой старый паспортъ нотаріуса и деньги, положилъ въ карманъ револьверъ и поспѣшно ушелъ,

оставивъ все свое имущество на разграбленіе и даже не зная куда и зачѣмъ идти...

Неужели и послѣ этого я надѣну на себя когда-нибудь военную форму?

Глава XI.

Большевики вступили въ городъ. Я былъ зрителемъ этого неподражаемаго побѣдоноснаго вступленія въ городъ побѣдителя.

Не болѣе двухъ, трехъ сотенъ оборванныхъ и пьяныхъ Григорьевцевъ, въ шапкахъ на бекрень и съ разбойничьими рожами, наводящими ужасъ, шло съ гиканьемъ и подсвистываніемъ подъ звуки интернаціонала подъ большимъ краснымъ знаменемъ бандитизма!

Толпа съ криками ура встрѣчала ихъ, развертывая красныя и черныя знамена съ ужасными лозунгами мщенія и смерти!

Вся Одесса разукрасилась такими знаменами и отвратительными плакатами, которые однимъ только своимъ безобразіемъ могли оттолкнуть отъ большевизма.

Вотъ подъ тяжелымъ прессомъ лежитъ толстый буржуй, изъ котораго рабочій выдавливаетъ золото, и надпись: «проклятый буржуй, отдай золото, которое ты награбилъ у народа.» Другой плакатъ изображаетъ также буржуя, надметающаго улицу, и рабочаго, который стоитъ рядомъ и злорадно смѣется. Но всего безобразнѣе былъ плакатъ, на которомъ верзила кузнецъ тяжелымъ молотомъ разбиваетъ многоголовую гидру капитализма: разможженныя головы, выбитые мозги и кругомъ все кровь, кровь!...

Если-бы французы не сыграли роль предателей, а командный составъ добровольческой Арміи былъ бы на высотѣ своего долга, то конечно одна рота нашего

корпуса могла бы шутя разогнать всю эту сволочь. Но въ историческихъ событіяхъ играютъ роль какія-то особыя психологическія причины, дѣйствуетъ еще не найденный законъ матеріи и духа, а потому многія явленія остаются необъяснимыми... Злой Рокъ въ предопредѣленный часъ взялъ большую трубу и мощнымъ голосомъ своимъ огласилъ эвакуацію Одессы. И кончено! Всѣ подчинились, признали какъ совершившійся фактъ и молча склонили головы передъ новымъ ударомъ судьбы. Но почему? зачѣмъ? Эти вопросы никому не приходили въ голову.

Большевики очевидно сами не понимали сущности происходящихъ событій и потому быть можетъ проявляли свою власть съ большей осторожностью. Правда, буржуазія была устрашена. На Одессу была наложена контрибуція въ 500 мильоновъ рублей и военный коммисаръ Муравьевъ поклялся, что уничтожитъ всю Одессу, не оставивъ камня на камнѣ, если деньги не будутъ внесены... но тѣмъ не менѣе взысканіе этой контрибуціи затянулось до самого прихода добровольцевъ. Буржуи покорно сидѣли въ тюрьмахъ, ходили на тяжелыя принудительныя работы, но денегъ не платили. Декреты слѣдовали за декретами, но должнаго впечатлѣнія не производили. Населеніе во всемъ оказывало пассивное сопротивленіе. Даже рабочіе не всегда соглашались съ представителями власти, а желѣзнодорожники даже вели съ ними постоянную борьбу. Предложеніе рабочимъ поселиться въ «буржуйскихъ» квартирахъ было ими отвергнуто, такъ какъ никто не вѣрилъ въ продолжительность власти большевиковъ и не хотѣлъ съ рискомъ мѣнять свои насиженныя мѣста на сомнительное благополучіе. «День бѣдноты», которымъ большевики думали подкупить несогласныхъ рабочихъ, отдавая имъ на расхищеніе иму-

щество зажиточныхъ буржуевъ, былъ сорванъ самими рабочими, которые побросали фабрики, заводы и мастерскія и поспѣшили къ своимъ домамъ, желая охранить ихъ отъ начавшагося, почему-то прежде всего именно въ рабочихъ кварталахъ, грабежа квартиръ. Чека была переполена невинными жертвами. Разстрѣлы совершались тайно, въ подвалахъ чека, подъ охраной ночной тьмы и подъ гулъ работающаго мотора. Но все же пребываніе большевиковъ въ этотъ періодъ не приняло тѣхъ кошмарно-жестокихъ проявленій краснаго безпощаднаго и безсмысленнаго террора, который они стали проводить впослѣдствіи.

Большевики были у власти всего пять мѣсяцевъ и за это короткое время не успѣли проявить себя во весь розмахъ пролетарскаго генія. Напротивъ, не чувствуя подъ собой твердой почвы, они принуждены были проявить большую терпимость даже къ явно враждебнымъ имъ офицерамъ добровольческой арміи. Всѣ офицеры были приглашены ими оставаться на своихъ мѣстахъ. Угрозы разстрѣла относились только къ тѣмъ, кто не пожелалъ подчиниться ихъ власти и скрывшись отъ обязательной регистраціи ушелъ въ подпольную работу. Такъ весь нашъ корпусъ Морской Обороны во главѣ съ Начальникомъ Штаба полковникомъ А. былъ сохраненъ и даже подъ тѣмъ же названіемъ. Въ артиллеріи на всѣхъ командныхъ должностяхъ остались прежніе кадровые артиллерійскіе офицеры. Интендантство, служба связи, санитарная часть — все осталось фактически въ рукахъ добровольцевъ. Съ переходомъ на службу къ большевикамъ добровольцы не стали большевиками и политическіе коммиссары сами считали всѣхъ ихъ тайными контръ-революціонерами. Никакой службы собственно говоря и не было. Всѣ служили, но никто ничего не дѣлалъ. Напротивъ, вся

дѣятельность ихъ была направлена только во вредъ большевикамъ и добровольцы могли быть увѣрены, что при вступленіи въ Одессу, они найдутъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ. Въ то же время въ Одессѣ сорганизовалась подпольная добровольческая контръ-развѣдка. Имѣя постоянную связь съ добровольческимъ миноносцемъ, курсирующимъ у береговъ Одессы, контръ-развѣдка успѣшно передавала всѣ свѣдѣнія въ штабъ Добровольческой Арміи и конечно значительно способствовала быстрому паденію большевиковъ. Много офицеровъ, занимавшихъ отвѣтственныя должности у большевиковъ, убѣгало со всѣми секретными документами. Нѣкоторые изъ нихъ были якобы «захваченными» добровольческимъ миноносцемъ во время катаній на лодкѣ, другіе геройски пускались до него вплавь подъ пулями береговой охраны. Главная защиты Одессы — артиллерія на Большомъ Фонтанѣ, состоящая подъ командованіемъ кадровыхъ офицеровъ-артиллеристовъ — только ждала случая, чтобы повернуть пушки на Одессу. Съ другой стороны въ красноармейскихъ частяхъ не было единства. Матросы не признавали никакой надъ собой власти и распоряжались самостоятельно, независимо отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Командиръ одной матросской роты своими разбоями наводилъ ужасъ. Его рѣшили для безопасности удалить изъ Одессы на фронтъ, но онъ отказался и вступилъ въ бой съ красноармейцами, пытавшимися разоружить его роту. По линіи желѣзной дороги къ Одессѣ подступали повстанцы. Посылаемые на фронтъ красноармейцы разбѣгались или перебѣгали на сторону повстанцевъ. Въ Люстдорфѣ началось возстаніе нѣмцевъ-колонистовъ. На Большомъ Фонтанѣ еврейскій погромъ. Къ Николаеву подходили добровольцы съ генераломъ Слаще-

вымъ во главѣ. Все предвѣщало близкое паденіе большевиковъ.

Я скрывался въ Николаевѣ, когда добровольцы подошли къ городу. Большевики спѣшно удирали. Всю ночь слышалась тревожная ѣзда автомобилей и паническое бѣгство воинскихъ частей. Все устремлялось черезъ Ингульскій мостъ на Варваровку. За городомъ шла орудійная пальба. У вокзала грохотали разрывающіеся снаряды. Жители Слободки пренебрегая опасностью грабили цѣлые поѣзда съ продовольствіемъ и имуществомъ большевиковъ. Подъ утро раздался послѣдній ужасный взрывъ, отъ котораго затряслись дома и полетѣли стекла. Это большевики, перебравшись черезъ Ингулъ, взорвали подведенный къ самому мосту цѣлый составъ поѣзда со снарядами. Это была ихъ послѣдняя защита отъ преслѣдованія добровольческой арміи, уже вступившей въ городъ.

Конецъ! Опять свобода, опять надежды, новыя радости и новая жизнь! Да здравствуетъ Добровольческая Армія!

Всѣ свѣдѣнія о положеніи Одессы были своевременно переданы въ Штабъ Добровольческой Арміи и небольшой добровольческій дессантъ въ 300—400 человѣкъ высадился ночью на Большомъ Фонтанѣ. Артиллерія безъ выстрѣла перешла на ихъ сторону. Отрядъ двинулся на Одессу. Миноносецъ сталъ обстрѣливать вокзалъ, куда бросились въ паникѣ удирающіе большевики. Офицеры начали расправляться со своими ненавистными коммиссарами и политкомами. Одесса была взята безъ сопротивленія.

Добровольцевъ встрѣтили какъ спасителей, какъ славныхъ героевъ, освободителей отъ тяжелаго моральнаго гнета. Толпа бѣжала за ними съ криками ура! Ихъ осыпали цвѣтами, носили на рукахъ, обнимали,

какъ дорогихъ своихъ братьевъ при радостной встрѣчѣ послѣ тяжелой разлуки. У многихъ на глазахъ были слезы радости и счастья. Мальчишки съ энтузіазмомъ разносили въ щепы большевистскіе плакаты и рвали красныя знамена. Какая была радость, какое ликованіе, какое торжество! Какъ легко и радостно было на душѣ!

Но были и тяжелыя картины. На главной улицѣ впереди добровольческаго отряда крутилась въ безумной дикой пляскѣ растерзанная босая женщина... Большевики уходя въ эту ночь разстрѣляли ея мужа. Такъ долго жданное освобожденіе пришло. Всюду радость и ликованіе! Открылись двери ужаснаго застѣнка Чека! Но было уже поздно!...

У Чека валялись трупы китайцевъ, палачей Чека, съ разсѣченными казацкими шашками головами. Толпа въ ужасѣ сторонилась отъ нихъ и бросалась дальше въ широкій дворъ и темные подвалы. Вездѣ кровь, вездѣ запахъ разлагающихся труповъ. Подъ навѣсомъ въ саду, у каменной стѣны застывшіе въ ужасѣ, обезображенные трупы, послѣднія жертвы большевиковъ. Въ ямѣ, едва покрытой землей, валялись части человѣческихъ тѣлъ. На стѣнахъ подваловъ запекшаяся кровь и застывшіе мозги. Вездѣ слѣды пытокъ и ужаса Чека.

Къ сожалѣнію добровольцы пришли не съ пальмовою вѣтвью, не съ проповѣдью мира и прощенія, а съ ненавистью, съ жаждой мести и той же крови! Они не протянули руки даже своимъ товарищамъ офицерамъ, такъ ждавшимъ ихъ возвращенія... Всю славу побѣды они въ сомнительной гордости приписали только себѣ и оттолкнули отъ себя доблестныхъ офицеровъ, предавъ ихъ суду за службу у большевиковъ.

Занявъ Одессу добровольцы прежде всего принялись за жестокую расправу съ большевиками. Каждый офицеръ считалъ себя въ правѣ арестовать кого хо-

тѣлъ и расправляться съ нимъ по своему усмотрѣнію. Появились самочинныя контръ-развѣдки, во главѣ которыхъ встали лица съ сомнительнымъ прошлымъ. Пользуясь своимъ захватнымъ правомъ, они арестовывали ни въ чемъ неповинныхъ, забирали у нихъ документы, драгоцѣнности, деньги и отправляли въ тюрьму, чтобы этимъ скрыть всякіе слѣды своихъ преступленій. Тюрьма была переполнена арестованными, которые числились за контръ-развѣдкой безъ предъявленія къ нимъ какого либо обвиненія. Когда въ Одессѣ былъ учрежденъ контръ-развѣдывательный пунктъ, то для пресѣченія дальнѣйшихъ злоупотребленій пришлось прежде всего арестовать начальниковъ самочинныхъ контръ-развѣдокъ и заняться разборкой въ кучѣ валяющихся всякаго рода разрозненныхъ документовъ, паспортовъ, допросовъ, пустыхъ бумажниковъ, фотографическихъ карточекъ, поломанныхъ револьверовъ и многихъ другихъ никому ненужныхъ вещей. У арестованнаго начальника такой самозванной контръ-развѣдки поручика П. было найдено много драгоцѣнностей и денегъ, принадлежность коихъ онъ самъ не могъ установить, такъ какъ никакихъ записей не велъ и даже отобранные документы уничтожалъ для сокрытія слѣдовъ. Контръ-развѣдка осаждалась толпой тщетно пытавшихся узнать о судьбѣ своихъ родственниковъ. Изъ тюрьмы постоянно поступали жалобы арестованныхъ, которые сидѣли уже два мѣсяца безъ допроса и безъ объясненія причинъ ихъ ареста. По сообщенію начальника тюрьмы за контръ-развѣдкой числилось тысяча восемьсотъ человѣкъ и о большинствѣ изъ нихъ въ контръ-развѣдкѣ не было никакихъ свѣдѣній. Слѣдователи контръ-развѣдки допрашивали въ тюрьмѣ арестованныхъ днемъ и ночью. За отсутствіемъ данныхъ для обвиненія многихъ освобождали и потомъ вновь аресто-

вывали когда въ кучѣ неразобраннаго еще мусора находился какой-нибудь серіозный матеріалъ. Освобожденные приходили въ контръ-развѣдку требовать свои документы и деньги, отобранные у нихъ при арестѣ, и не получая ихъ уходили съ понятнымъ возмущеніемъ. Иногда, лишенные своихъ декументовъ, они попадались въ руки полиціи и вновь приводились въ Контръ-развѣдку, гдѣ ихъ опять отпускали ни съ чѣмъ. Контръ-развѣдка, занятая новыми текущими дѣлами, поступавшими въ изобиліи, просто не имѣла возможности разобраться въ создавшемся хаосѣ. У каждаго слѣдователя скопилось болѣе трехсотъ слѣдственныхъ арестантскихъ дѣлъ и работа значительно осложнялась общей безтолковщиной.

Въ порту была образована особая контръ-развѣдка. Выѣздъ изъ Одессы былъ запрещенъ безъ особыхъ разрѣшеній. Тысячи несчастныхъ случайно застрявшихъ въ Одессѣ при послѣдней эвакуаціи, спѣшили вернуться къ себѣ домой и осаждали пароходы, но контръразвѣдка съ оружіемъ въ рукахъ преграждала имъ путь. Коммиссія, вѣдавшая выдачей разрѣшеній на выѣздъ, задерживала обыкновенно двѣ-три недѣли и то не безкорыстно. Болѣе догадливые, чтобы не проживаться въ Одессѣ, платили сразу контръ-развѣдкѣ на пароходѣ и такимъ образомъ избѣгали напрасныхъ долгихъ мытарствъ. Портовая контръ-развѣдка набирала такимъ образомъ сотни тысячъ. Это былъ какой-то легализованный грабежъ всѣхъ уѣзжающихъ. Хищенія въ этой области были настолько чрезмѣрны, что пришлось наконецъ положить предѣлъ этимъ вымогательствамъ и арестовать всю контръ-развѣдку, а выѣздъ и въѣздъ сдѣлать свободнымъ, упразднивъ особую коммиссію, въ которой были найдены тѣ-же злоупотребленія.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ с контръ-развѣдкѣ составилось мнѣніе, что это учрежденіе состоитъ поголовно изъ воровъ и взяточниковъ, что контръ-развѣдка за крупныя взятки освобождаетъ большевиковъ, устраиваетъ фиктивные аресты и обыски съ цѣлью грабежа, избиваетъ арестованныхъ и имѣетъ застѣнокъ не хуже Чека. Иногда цѣлая толпа арестовывала какого нибудь чекиста и требовала немедленнаго разстрѣла, не довѣряя агентамъ Контръ-развѣдки. При арестѣ палача Чека, извѣстнаго борца негра, его съ трудомъ удалось спасти отъ самосуда возбужденной толпы.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ я приступилъ къ работѣ въ контръ-развѣдкѣ въ качествѣ слѣдователя. Къ чести личнаго состава слѣдовательнаго отдѣла, я долженъ сказать, что не смотря на всѣ злые слухи дѣятельность слѣдователей была безупречна. Большинство изъ нихъ были старые опытные юристы, которые привыкли къ спокойной безпристрастной работѣ. Они не принимали участія въ гражданской войнѣ и потому не были заражены ненавистью и жаждой мщенія къ большевикамъ. Только послѣ вполнѣ законченнаго слѣдствія и при наличіи достаточныхъ основаній слѣдователь передавалъ дѣло въ судъ. На этой почвѣ между слѣдователями и офицерами агентурнаго отдѣла были постоянныя расхожденія. Ретивые агенты старались захватить и упечь какъ можно болѣе большевиковъ, а потому причины для ареста иногда были настолько неосновательны, что слѣдователь принужденъ былъ освобождать немедленно по приводѣ къ нему арестованнаго къ большому неудовольствію агента. И надо было имѣть много настойчивости и даже мужества, чтобы отстоять свое рѣшеніе объ освобожденіи не боясь возмущенія и даже возможности подозрѣнія въ подкупѣ.

Насколько составъ служащихъ контръ-развѣдки былъ вообще неблагонадежнымъ можно судить по тому, что еще до моего поступленія всѣ служащіе поголовно были уволены однимъ общимъ приказомъ, а затѣмъ вновь назначены уже по извѣстному выбору. Повидимому эта мѣра не имѣла особаго успѣха, такъ какъ значительно позже мы всѣ снова были уволены и затѣмъ опять приняты новымъ приказомъ. Замѣчательнымъ былъ то, что всѣ уволенные такимъ общимъ приказомъ и обратно не принятые не получили никакого вознагражденія за истекшее время своей службы, причемъ объясненіемъ такого распоряженія было отсутствіе утвержденной смѣты. Неудовлетворяющимся такимъ объясненіемъ было предложено предъявить искъ въ общемъ судебномъ порядкѣ къ Начальнику Контръ-развѣдывательнаго отдѣленія, который набралъ служащихъ прежде утвержденія смѣты и тѣмъ какъ бы нарушилъ свои должностныя полномочія. Но еще болѣе интереснымъ являлось то, что и послѣ сокращенія штата и даже утвержденія смѣты намъ всетаки никому ничего не платили за отсутствіемъ свободныхъ кредитовъ. Вообще положеніе было уже таково, что трудно было спасти его.

Штатъ служащихъ усиливался по мѣрѣ увеличенія дѣлъ, а асссигнованій на ихъ содержаніе не приходило. Жалованіе не уплачивалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Помѣщеніе не отапливалось за отсутствіемъ на этотъ предметъ опредѣленныхъ средствъ. Временно, для покрытія текущихъ расходовъ было разрѣшено пользоваться деньгами арестованныхъ. Это внесло путаницу въ казначейскую часть и дало возможность злоупотребленій. Казначей контръ-развѣдки если не съ вѣдома, то при явномъ попустительствѣ Штаба, оперировалъ этими деньгами очень удачно, отбирая у арестованныхъ

николаевскіе или украинскіе деньги, а при ихъ освобожденіи выдавая имъ обезцѣненные совѣтскіе. Правильность бухгалтеріи при этомъ конечно не страдала. Общая безхозяйственность и отсутствіе твердыхъ моральныхъ устоевъ въ дѣятельности контръ-развѣдки естественно сильнѣе всего отразились на низшей агентурѣ, которая состояла преимущественно изъ весьма недоброкачественнаго элемента. Было несомнѣннымъ, что агенты очень часто совершали аресты съ единственной цѣлью вынудить отъ арестованнаго взятку за освобожденіе. Къ сожалѣнію я долженъ признаться, что въ моемъ производствѣ было два случая возбужденія слѣдствія по обвиненію офицеровъ въ преступномъ вымогательствѣ подъ угрозою не только ареста, но и разстрѣла. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если младшіе агенты просто крали при производствѣ обысковъ.

Намъ полагалось обмундированіе. Склады были завалены, но мы такъ его и не получили, какъ будто кто-то умышленно старался сохранить все въ неприкосновенности для большевиковъ, которымъ и было все оставлено при паническомъ бѣгствѣ. Мы трижды представляли въ Главный Штабъ списки всѣхъ служащихъ контръ-развѣдки и трижды они пропадали неизвѣстно куда. Наконецъ они были найдены нашими агентами, но какъ! — При арестѣ двухъ видныхъ коммунистовъ! Слѣдствіе установило, что списки эти были проданы большевикамъ адъютантомъ начальника контръ-развѣдки полковникомъ Р. за триста тысячъ рублей. Полковникъ Р. по приговору Суда былъ разстрѣлянъ, но конечно это не помогло возстановить нарушеннаго равновѣсія.

Скверно было не только въ контръ-развѣдкѣ, а и общее положеніе Добровольческой Арміи было уже без-

надежно. Добровольцы не съумѣли расположить къ себѣ населеніе и восторгъ обывателей при встрѣчѣ добровольцевъ очень скоро смѣнился общимъ возмущеніемъ. Переоцѣнивъ свои заслуги, опьяненные дешевымъ успѣхомъ, они сочли себя героями, людьми высшаго порядка и потому относились къ мирному трудящемуся населенію грубо и вызывающе.. а въ сущности они несли въ себѣ уже всѣ признаки разложенія Добровольцы бравировали своимъ пьянствомъ и дебоширствомъ, забывая что всякій безобразный поступокъ пьянаго добровольца бросаетъ тѣнь на всю добровольческую Армію. Главный Штабъ во главѣ съ генераломъ Ш. былъ главнымъ штабомъ пьянства и разгула. Всѣ рестораны и кафе были переполнены преимущественно добровольцами. Самый фешенебельный ресторанъ „Золотая Рыбка", гдѣ шампанское лилось рѣкой, зарабатывалъ сотни тысячъ въ день. Командующій войсками Добровольческой Арміи генералъ Ш. боролся съ разгуломъ и рѣшительно закрывалъ рестораны и клубы, но общій престижъ власти уже настолько палъ, что даже эти разумныя мѣры объяснялись тѣмъ, что генералъ Ш. состоитъ пайщикомъ въ «Золотой рыбкѣ» и закрываетъ другіе рестораны исключительно съ цѣлью устраненія конкуренціи.

Такъ постепенно назрѣвалъ полный развалъ Добровольческой Арміи.

Добровольческая Армія побѣдоносно двигалась къ Москвѣ и всѣ были увѣрены, что на Пасху мы услышимъ звонъ Московскихъ колоколовъ... а въ Одесской тюрьмѣ продолжалъ распространяться печатный органъ «Коммунистъ», гдѣ увѣренно говорилось, что къ Рождеству большевики будутъ въ Одессѣ. Что это было -- наглость, вѣра или дѣйствительно освѣдомленность большевиковъ? Мы получали официальныя свѣдѣнія объ

удачныхъ бояхъ, о побѣдахъ, о разгромѣ красной арміи, а неуловимая для контръ-развѣдки подпольная газета торжествовала побѣду большевиковъ и предсказывала близкій конецъ Деникинской авантюры!

Еще не было никакихъ грозныхъ предзнаменованій, но въ городѣ уже ходили неизвѣстно откуда исходящіе таинственные слухи о предстоящемъ выступленіи большевиковъ, о захватѣ ими власти. Ну кто могъ вѣрить? И вдругъ полный развалъ, кошмарное отступленіе и небывалый разгромъ! Какъ будто лопнулъ чрезмѣрно надутый мыльный пузырь и пропала радужная узорная краса его. И сразу вмѣсто заносчивой увѣренности — полная растерянность. Въ Одессѣ было около 20-ти тысячъ войска и цѣлый рядъ штабовъ: Главный Штабъ, Штабъ обороны Одессы, Штабъ обороны Одесскаго округа, Штабъ морской обороны и еще нѣсколько какихъ-то оборонительныхъ штабовъ, но назначеніе ихъ оставалось неяснымъ, такъ какъ при отсутствіи вообще фронта не было и обороны! Опять начали дѣйствовать какія-то темныя силы направляющія событія и чувствовалось быстрое предопредѣленное Рокомъ паденіе Одессы. Добровольческая власть доживала послѣдніе дни.

Одесса зажила нервной жизнью истеричной женщины. Кутежи приняли характеръ безумныхъ вакханалій. Въ клубахъ шла отчаянная азартная игра. На клубы совершались постоянные налеты, игроки подвергались полному ограбленію, но это не умѣряло ихъ азарта. Бандиты совершали свои смѣлые налеты, создавая вокругъ себя цѣлыя легенды. Появились тайныя организаціи, которыя жестоко преслѣдовали большевиковъ. Какой-то таинственный черный автомобиль въ одну ночь арестовалъ двѣнадцать человѣкъ и помимо всякаго суда разстрѣлялъ ихъ на окраинѣ города. Я случайно

былъ въ моргѣ, какъ разъ въ то время, когда туда привезли эти трупы. Помню какъ тяжело подѣйствовалъ на меня видъ трупа женщины, у которой безграничный ужасъ застылъ на мертвомъ лицѣ съ широко раскрытыми стеклянными глазами. Кто былъ ихъ убійцей? За что была убита цѣлая семья? Во имя чего были принесены эти жертвы? Кто могъ отвѣтить на эти вопросы, когда жизнь уже давно перестала быть цѣнностью!

Въ городѣ началась паника, которая быстро прогрессировала. Никто никому не вѣрилъ. Всѣ подозрительно слѣдили другъ за другомъ и втихомолку готовились, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Секретно получались иностранныя визы, мѣнялось подданство. Офицеры слѣдили за своими начальниками, подозрѣвая ихъ въ готовности бѣжать при первой возможности. Какъ будто для подбодренія упавшаго духа военный судъ сталъ публично вѣшать большевиковъ и бандитовъ на площадяхъ. Въ Николаевѣ генералъ Слащевъ за разъ разстрѣлялъ шестьдесять рабочихъ коммунистовъ. Это были послѣднія судороги власти.

Работа въ контръ-развѣдкѣ стала почти невозможной. Мы всѣ потеряли увѣренность въ своей безопасности и понимали, что въ случаѣ новой катастрофы мы будемъ брошены какъ и въ первую эвакуацію. Наши агенты завели секретныя отношенія съ большевиками, обезпечивая себѣ службу на случай ихъ прихода. Въ томъ, что среди нашихъ агентовъ были провокаторы, которые состояли также и на службѣ у большевиковъ, въ томъ я никогда не сомнѣвался, такъ какъ къ сожалѣнію такое явленіе наблюдалось постоянно гдѣ приходилось прибѣгать къ помощи сомнительной агентуры и оплачивать ея трудъ грошами.

Большевики стали смѣлѣе... Начались покушенія на нашихъ офицеровъ и мы не были увѣрены въ томъ, что на нашу контръ-развѣдку не будетъ сдѣлано организованнаго нападенія. Въ отвѣтъ на это въ контръ-развѣдкѣ начались избіенія арестованныхъ. Во время одного моего ночного дежурства ко мнѣ привели арестованнаго бывшаго предсѣдателя Революціоннаго Трибунала избитаго въ кровь. Избили его конвойные якобы за оказанное имъ сопротивленіе при арестѣ. Арестованный меня просилъ не возбуждать по этому поводу особаго дознанія, заявивъ мнѣ категорически, что никакого избіенія не было.

Былъ еще случай, который оставилъ у меня еще болѣе тяжелое впечатлѣніе: Задремавъ ночью въ дежурной комнатѣ, я услышалъ страшній крикъ въ комнатѣ дежурнаго офицера. Догадываясь по шуму и ругательствамъ, что тамъ кого-то бьютъ, я поспѣшилъ выйти и увидѣлъ ужасную картину. Два нашихъ офицера по розыску избивали въ кровь двухъ евреевъ. У одного изъ офицеровъ рука была перевязана окровавленнымъ платкомъ. Физіономіи евреевъ и руки офицеровъ всѣ были въ крови. Я съ трудомъ остановилъ это ужасное побоище. При выясненіи причинъ такого кошмарнаго избіенія оказалось, что два нашихъ офицера около двухъ часовъ ночи, возвращаясь съ обыска, вели арестованнаго. Не доходя немного до контръ-развѣдки, они замѣтили на противоположной сторонѣ улицы прятавшагося за угломъ человѣка. Почти одновременно блеснулъ огонекъ и раздался выстрѣлъ. Офицеры, оставивъ арестованнаго съ двумя конвойными, бросились догонять убѣгающаго отъ нихъ въ тьму университетскаго сада, открывъ по немъ стрѣльбу, но вслѣдствіе темноты безуспѣшно, и человѣкъ навѣрное бы скрылся. Но на его несчастье въ улицу въѣхалъ

автомобиль и освѣтилъ всю улицу. Услышавъ стрѣльбу, автомобиль остановился и два офицера, сидящіе въ немъ, соскочивъ съ автомобиля задержали преступника. При ихъ же содѣйствіи арестованный былъ препровожденъ въ контръ-развѣдку. У нашего офицера оказалась насквозь прострѣленная рука, чего онъ даже не замѣтилъ въ азартѣ погони. Обо всемъ случившемся офицеры подали рапортъ начальнику не скрывая избіенія ими обоихъ арестованныхъ.

Слѣдователи на спѣхъ кончали дѣла и сдавали ихъ въ судъ безъ достаточной разработки слѣдственнаго матеріала. Распространились слухи, что начальникъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія при Штабѣ командующаго полковникъ К. беретъ крупныя взятки. По мнѣнію не только слѣдователей, но и нашего начальника, полковникъ К. умышленно вносилъ разложеніе въ дѣятельность контръ-развѣдки. Онъ вмѣшивался въ работу слѣдователей, очень часто безъ всякихъ основаній прекращалъ дѣла, не считаясь съ заключеніемъ слѣдователя и освобождалъ своей властью арестованныхъ, преступная дѣятельность которыхъ была несомнѣнной. Освобожденіе имъ двухъ коммунистовъ, у которыхъ были найдены большевистскія прокламаціи и большой запасъ золота, на другой же день ихъ ареста, убѣдило окончательно, что онъ работаетъ на сторонѣ большевиковъ и является ихъ ставленникомъ. Послѣ того, какъ нѣсколько человѣкъ, приговоренныхъ судомъ къ разстрѣлу, скрылись неизвѣстно куда, наши офицеры не довѣряя К. стали сами сопровождать арестованныхъ и присутствовать при ихъ разстрѣлѣ. Преступная дѣятельность привела К. къ трагическому концу. Возвращаясь изъ Штаба поздно вечеромъ въ автомобилѣ онъ былъ остановленъ офицерами и убитъ напо-

валъ выстрѣломъ въ упоръ изъ револьвера. Слѣдствіе конечно не дало никакихъ результатовъ.

Это было незадолго до общей ужасной катастрофы и убійство Начальника контръ-развѣдывательнаго отдѣленія своими же офицерами было только блѣднымъ проявленіемъ развала Добровольческой Арміи, быстро приближающейся къ своему роковому концу.

Въ производствѣ контръ-развѣдки было дѣло знаменитой Доры, женщины палача Чека. Это дѣло достаточно ярко рисуетъ ужасы большевистскаго застѣнка. Дора собственноручно разстрѣляла 700 человѣкъ и очень жалѣла, что ей не удалось разстрѣлять еще больше. Она была еще молодая женщина, не лишенная красоты, но порокъ и звѣрство положили на нее неизгладимую печать преступницы. Было страшно смотрѣть ей въ глаза, въ которыхъ свѣтилась злоба и коварство пойманнаго звѣрька. По ея собственному признанію она губила жизнь другихъ за то, что погубили жизнь ея... Въ прошломъ была любовь, вѣра, добрыя чувства; въ настоящемъ — ненависть, злоба, отчаянье и жажда мести, безконечной мести... Кому? Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ... всему міру! «Я совершенно не интересуюсь политикой, говорила она, и презираю большевиковъ, но я съ ними потому, что ненавижу человѣчество и они мнѣ даютъ возможность его уничтожать!»

Дора жила въ Чека, почти не выходя на улицу. Вся ея жизнь была тѣсно замкнута стѣнами Чека, что было за ними ее совсѣмъ не интересовало. Тамъ былъ другой міръ, міръ радостей, надеждъ, счастья и любви. Всего этого она не хотѣла видѣть!

Весь день она страдала нетерпѣливымъ ожиданіемъ вечера. Вялая, усталая, измученная послѣ безсонной

ночи, лишенная какихъ-либо потребностей души, она валялась на кровати съ одними только думами и желаніями забыться въ опьяненіи кровью. Вечеромъ она оживала... Она старательно совершала свой туалетъ, какъ будто собираясь на балъ. Роскошный костюмъ, цвѣты, духи и главное большая доза кокаина дѣлали ее совершенно неузнаваемой. Являлась чудная очаровательная женщина съ оживленнымъ молодостью и веселіемъ лицомъ, съ возбужденными нервами, подъемомъ настроенія, съ умными сверкающими глазами, обѣщающими страстныя жгучія ласки.

Ее ждало веселое общество чекистовъ. На балконѣ, выходящемъ въ густой внутренній садъ Чека, былъ накрытъ роскошный ужинъ. Пили шампанское и веселились... Цвѣты, фрукты, крюшонъ съ земляникой — все говорило о хорошей веселой жизни.

Дора пила много, но не хмѣлѣла, а только все болѣе и болѣе приходила въ экстазъ. Отъ ожиданія глаза начинали сверкать, какъ зажженные угли. По всему тѣлу пробѣгала дрожь. Губы кривились отъ нервнаго подергиванья. Но вотъ въ саду загудѣлъ такъ долго жданный моторъ. Его перебои не успѣвали за частыми ударами ея трепетно сжимавшагося отъ счастья сердца. Духъ захватывало отъ восторга.

Наконецъ приходитъ весь обвѣшанный пулеметными лентами чекистъ и докладываетъ, что все готово. Дора вскакиваетъ, какъ отъ электрическаго удара. Она принимаетъ еще дозу кокаина, выпиваетъ залпомъ бокалъ шампанскаго, разбиваетъ его, хватаетъ револьверъ и спѣшитъ за чекистомъ. Нервное возбужденіе доходитъ до апогея. Ей кажется, что еще немного и будетъ поздно, она не выдержитъ и наслажденіе пропадетъ. Она только одну секунду смотритъ на свою жертву, твердо сжимаетъ револьверъ и спускаетъ курокъ... На-

ступаетъ высшій моментъ полового наслажденія. Жертва еще корчится. Дора смотритъ съ восторгомъ только что насыщеннаго счастья, она еще полна удовлетворенной страстью...

Но все кончено. Трупъ уносятъ. Наслажденіе прошло и разгоряченное тѣло ищетъ новаго наслажденія. При видѣ новой жертвы воспаленный мозгъ опять поднимаетъ половое возбужденіе. И новый выстрѣлъ, новое содроганіе души, вновь всѣ нервы преисполняются какимъ-то млѣніемъ и тѣло содрогается отъ высшаго физическаго наслажденія...

Затѣмъ, какъ послѣ безумно страстной ночи, упадокъ настроенія и силъ, усталость отъ пресыщенія, вялость всего тѣла и чувство отвращенія до слѣдующей ночи!

Дору приговорили судомъ къ повѣшенію. Она очень спокойно сама надѣла на себя петлю. Она понимала, что это естественный конецъ ея жизни и быть можетъ ждала и хотѣла этого конца...

Глава XII.

Событія начали развиваться съ быстротою кинематографической драмы. На станціи Раздѣльной начали дѣйствовать какія-то банды. Николаевъ былъ какъ-то катастрофически неожиданно взятъ большевиками. Добровольческій миноносецъ безъ смысла обстрѣливалъ Очаковъ. Толпа бѣженцевъ изъ Херсона, Николаева и Очакова наводнила Одессу паническими слухами. По ночамъ, въ неопредѣленномъ направленіи, явственно слышалась орудійная канонада, а въ самомъ городѣ ружейная пальба. На Большомъ Фонтанѣ начался частичный еврейскій погромъ. На базарѣ, почти въ центрѣ города, большевики сдѣлали выступленіе и между ними

и государственной стражей произошелъ бой съ многими человѣческими жертвами. Разрозненныя воинскія части чувствуя нетвердость тыла самовольно покидали фронтъ.

Офиціально конечно никакой эвакуаціи не объявлялось, но фактически она уже началась. Всѣ частные пароходы были уже зафрахтованы различными союзами, обществами и частными лицами. Пароходъ «Ксенія» съ чинами судебнаго Вѣдомства и денежной буржуазіей отошелъ къ берегамъ Болгаріи. Нѣкоторыя учебныя заведенія и промышленныя предпріятія начали погрузку своего имущества. Англійская миссія объявила предварительную запись на случай эвакуаціи. Одесса агонизировала.

При такихъ зловѣщихъ предзнаменованіяхъ неизбѣжно надвигающейся катастрофы всѣ служащіе контръ-развѣдки были приглашены начальникомъ на вечернее собраніе. Сама чрезвычайность этого собранія внушала серіозныя опасенія.

Мы всѣ собрались въ большой темной залѣ и при общей тишинѣ, необычайно и тревожно, такъ странно и жутко звучала спокойная рѣчь нашего начальника.

— Я увѣряю васъ, говорилъ онъ съ твердостью, желая сдѣлать свою рѣчь болѣе убѣдительной, — что всѣ опасенія пока преждевременны. Преступные элементы и панически настроенные жители умышленно распространяютъ ужасные слухи и создаютъ неосновательную панику. Я видѣлся сегодня съ Командующимъ войсками генераломъ Ш., я былъ въ Штабѣ обороны, я совѣтовался съ Комендантомъ города и всѣ убѣдили меня въ полной безопасности Одессы! Войска находятся въ прекрасномъ бодромъ состояніи, Командующій ручается за крѣпость фронта, Комендантъ города располагаетъ надежной государственной стражей и гаран-

тируетъ нашу безопасность. Я призываю васъ сохранять спокойствіе и продолжать свою работу, надѣясь, что вы до конца исполните свой долгъ.

Послѣ рѣчи начальника завѣдующій агентурнымъ отдѣломъ старался убѣдить, что по имѣющимся у него агентурнымъ свѣдѣніямъ все обстоитъ благополучно. Государственная стража является вполнѣ благонадежной. На случай эвакуаціи въ наше распоряженіе будетъ предоставленъ особый пароходъ. Американскій Красный Крестъ обѣщаетъ намъ свое содѣйствіе. Автомобильная команда берется насъ всѣхъ посадить въ случаѣ надобности на пароходъ и погрузить все наше казенное и частное имущество. Завѣдующій хозяйствомъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи для той же цѣли достаточное количество лошадей и повозокъ. Словомъ — не хватало только оркестра музыки.

Мы вышли изъ контръ-развѣдки уже поздно ночью, и были поражены мертвой тишиной города. Полуосвѣщенныя улицы были пусты... Нигдѣ ни души. Только изрѣдка въ жуткой ночной тишинѣ раздавался таинственный выстрѣлъ. Никакой государственной охраны не было. Я прошелъ нѣсколько кварталовъ въ полномъ одиночествѣ и было такъ тихо, что мои шаги раздавались какъ удары тяжелаго молота. Я шелъ все время съ револьверомъ въ рукѣ ожидая возможнаго нападенія. И я имѣлъ основаніе. Подходя уже къ своему дому я услышалъ сзади выстрѣлъ и мимо моего уха выразительно просвистѣла пуля. Я нервно повернулся и инстинктивно сжавъ курокъ выстрѣлилъ въ промелькнувшую за уголъ тѣнъ. Это былъ первый случай въ моей жизни, когда я стрѣлялъ въ человѣка, хотя и безъ надежды попасть въ него. И долженъ сознаться, что послѣ я долго не могъ отвязаться отъ какого-то страннаго тяжелаго и противнаго состоянія.

Какъ много ужасовъ, я думаю, долженъ пережить человѣкъ, какія страданія должна вынести его душа, сколько чувствъ должно быть въ немъ оскорблено и подавлено, чтобы онъ могъ спокойно и даже съ жаждою и наслажденіемъ удовлетворять убійствомъ свою страсть и чувство мщенія! Но ужасная жизнь дѣлаетъ и ужасныхъ людей.

На другой день, выйдя рано утромъ изъ дому и имѣя тысячу рублей, я къ сожалѣнію нигдѣ не могъ купить себѣ хлѣба. Отказъ продать мнѣ хлѣбъ объяснялся отсутствіемъ мелкихъ денегъ для сдачи. Я рѣшилъ тогда купить на всю тысячу, но и это мнѣ не удалось. Я понялъ, что деньги Добровольческой Арміи (колокольчики) уже потеряли свою платежную способность...

Подходя къ контръ-развѣдкѣ, я увидѣлъ дикую сцену подтвердившую мои догадки. Одинъ нашъ офицеръ пытался арестовать колбасника за то, что тотъ отказывался принять отъ него деньги за купленную колбасу. Колбасникъ неистово ругался, отбиваясь отъ настойчиваго контръ-развѣдчика и кончилъ тѣмъ, что бросилъ въ него и колбасу и деньги, заявляя, что ему не нужно ни того, ни другого. Я поспѣшилъ увести офицера, такъ какъ чувствовалъ, что незначительный инцидентъ съ колбасникомъ, какъ маленькая искра въ пороховомъ погребѣ, можетъ вызвать взрывъ общаго негодованія и перейти въ кровавый бой толпы съ изгоняемыми добровольцами.

Придя въ контръ-развѣдку я былъ пораженъ необычайной тишиной. Половина служащихъ не пришла. Не было также посѣтителей, обычно съ утра осаждавшихъ контръ-развѣдку. Всѣ служащіе собрались въ общей канцеляріи, нуждаясь въ общеніи и каждую минуту ожидая чрезвычайныхъ событій.

Около полдня мы получили приказаніе по всѣмъ дѣламъ дать свое заключеніе и составить списки наиболѣе серіезныхъ обвиняемыхъ. Цѣль этого распоряженія была ясна. Надо было знать, кого «ликвидировать» въ послѣднюю минуту. Это распоряженіе какъ-бы подтвердило, что нужно еще работать, что времени еще достаточно.

Я съ тяжелымъ чувствомъ перебиралъ свои дѣла. Ихъ было болѣе двухсотъ! Изъ нихъ большинство было арестантскихъ. За этими папками, за ихъ номерами прятались отъ меня живые люди! Ихъ судьба зависѣла отъ меня. Я ихъ не зналъ, они не были моими врагами, они были чужды и далеки для моего сердца и ума! Какъ хорошо было бы бросить въ огонь всю эту кипу ужасныхъ бумагъ и вырвать изъ глубина своей души всю щемящую тяжесть и безконечную тоску! О, я не зналъ тогда, какъ былъ близокъ часъ моего освобожденія!

Я находился въ глубокомъ раздумьѣ когда въ мою камеру заглянулъ начальникъ и просилъ меня собрать всѣхъ слѣдователей къ нему въ кабинетъ. «Только пусть не дѣлаютъ шуму» добавилъ онъ. Я понялъ, что это конецъ.

Насъ было уже слишкомъ мало. Что-то ужасно жалкое было именно въ томъ, что въ такой моментъ мы были не всѣ вмѣстѣ и сознаніе этого невольно выразилось въ голосѣ начальника, когда обведя всѣхъ грустнымъ взглядомъ, онъ спросилъ: «Это всѣ?? Больше никого нѣтъ?»

Да это всѣ! Только нѣсколько человѣкъ остались на своемъ посту до послѣдней минуты.

— Я долженъ вамъ сообщить непріятныя новости, тихо и спокойно началъ начальникъ. Сейчасъ мнѣ телефонировали изъ Штаба, что надежды на спасеніе Одессы

— нѣтъ. Фронтъ отсутствуетъ, никакой обороны, гарантій нашей безопасности не имѣется. Государственная стража вышла изъ подчиненія Коменданта и перешла на сторону большевиковъ! Намъ остается только самимъ подумать о своей безопасности...

Словомъ... Это было уже намъ не ново! Опять спасаться кто какъ можетъ!

Помню какъ мы всѣ спокойно выслушали это кошмарное заявленіе. Только одинъ правитель канцеляріи вдругъ поблѣднѣлъ и зашатался.

— Что съ вами? спросилъ Начальникъ. — Вѣдь если разстрѣляютъ, такъ ужъ меня въ первую голову, а вы видите, что я спокоенъ.

Не знаю, было-ли это заявленіе Начальника достаточно успокоительнымъ, но все же тотъ подтянулся.

Всю ночь мы провели въ контръ-развѣдкѣ и жгли дѣла. Охрана уже не пришла и мы сами несли караулъ. Во дворѣ пылалъ большой костеръ. Изъ всѣхъ камеръ мы вытаскивали вороха дѣлъ и быстро разрѣшали ихъ въ пламени костра. По очереди мы ходили къ казначею получать жалованье. Было жутко въ мрачныхъ пустыхъ корридорахъ. Въ казначейской спѣшно упаковывали вещи и деньги контръ-развѣдки.

А на улицахъ уже шла пальба и каждую минуту можно было ожидать нападенія на контръ-развѣдку. Насъ было слишкомъ мало, чтобы отстоять... мы могли только не даромъ отдать свою жизнь.

Вся ночь прошла въ лихорадочной работѣ. Съ разсвѣтомъ мы нагрузили имущество на повозку и подъ охраной провезли его въ портъ. Въ городѣ уже шелъ грабежъ. Въ порту валялись трупы. Пароходы осаждались толпой. Я только случайно попалъ на англійскій пароходъ за нѣсколько минутъ до отхода.

Мы отошли, когда большевики уже начали обстрѣливать портъ. Толпа въ ужасѣ бросалась къ пароходамъ съ криками изступленнаго отчаянья. Тысячи и тысячи оставшихся на молу посылали имъ вслѣдъ свои проклятія. Это были ужасныя картины!

Англійскій миноносецъ далъ нѣсколько выстрѣловъ изъ тяжелыхъ орудій. Казалось онъ хотѣлъ заглушить крики несчастныхъ...

Мы отошли... и Одесса медленно стала скрываться въ туманной дали... Я былъ спасенъ. Но что я могъ чувствовать? Все было сожжено, подавлено, уничтожено въ душѣ моей! И что ждало меня впереди, вдали отъ родины, оторваннаго отъ всего прошлаго и безъ вѣры въ будущее? Оно было также безрадостно и темно какъ безграничное море, куда по волѣ судьбы меня несло въ невѣдомые края...

Типографія Общества „ПРЕССЕ“ Berlin, Leipzigerstr. 59.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

„ЗАРЯ“

Русское Книготорговое и Издательское О-во съ огр. отв.

Berlin W 50, Marburgerstrasse 18.